

ISSN 1857– 4580

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА
СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЊĚÀÂŲÍŃĚÈÀ ×ÒÁÍÈŲ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выпуск 3/9

Кишинев, 2014

Решением № 146 от 27 июня 2013 г. Национального Совета по аттестации Республики Молдова журнал «Славянские чтения» зарегистрирован в качестве научно – теоретического издания по проблемам филологии и педагогики (категория «С»).

Печатается по постановлению Сената Славянского университета
(протокол № 4 от 18 марта 2014 года)

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ СУ:

- Бабенко О.А.,** доктор философии, профессор – ответственный координатор издательских проектов Славянского университета;
- Млечко Т.П.,** доктор педагогики, профессор, ректор СУ – председатель РИСа СУ;
- Катан П.И.,** доктор хабилитат экономики, профессор, проректор по научной работе – зам. председателя РИСа СУ;
- Репида В.Б.,** доктор истории, профессор, проректор по учебно – методической работе – зам. председателя РИСа СУ;
- Чумак Л.Г.,** доктор философии, конференциар университетар – член РИСа СУ;
- Овчеренко Н.А.,** доктор педагогики, конференциар университетар, декан гуманитарного факультета – член РИСа СУ;
- Милушев Д.В.,** декан юридического факультета, доктор права, конференциар университетар – член РИСа СУ;
- Шаклеин В.М.,** доктор филологических наук, профессор, Академик РАЕН, ответственный секретарь РОПРЯЛ, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания РУДН;
- Костаки Г.И.,** доктор хабилитат права, профессор университетар, Институт истории, государства и права, АНМ;
- Самаль С.А.,** доктор хабилитат экономических наук, профессор, ректор Белорусского института правоведения.
- Рецензент:** **Зайковская Т.В.,** доктор филологии, ведущий научный сотрудник Института культурного наследия АН.

- Ответственный редактор:** **Ионова И.А.,** доктор хабилитат филологии, профессор университетар.
- Зам. ответственного редактора:** **Дубровский А.Д.,** доктор истории, конференциар университетар.
- Технический редактор:** **Балина И.В.,** доктор экономики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ	5
Ионова И.А. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР: ЗАМЕТКИ О КИШИНЕВСКОМ ПРОСТОРЕЧИИ	5
Кожухарь Е.С. ВОСТОЧНОРОМАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НАЗВАНИЯХ ПИЦЦЫ И НАПИТКОВ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА	17
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ: ТЕОРИЯ И ЛИНГВОПОЭТИКА.....	31
Друмя Л.Х., Зайковская Т.В. СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ФОЛЬКЛОРНОМ СОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)	31
Туницька М.В. ПОРІВНЯННЯ В РОМАНІ ІВАНА БАГРЯНОГО «САД ГЕТСИМАНСЬКИЙ», ЇХ ФУНКЦІОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧНЕ ТА СТИЛІСТИЧНЕ НАВАНТАЖЕННЯ.....	44
Попов С.Л. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ТИПА <i>ПО-ДРУЖЕСКИ – ДРУЖЕСКИ</i> : СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНЫХ И СУФФИКСАЛЬНЫХ ФОРМ КАЧЕСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ НА <i>-СКИ</i>	52
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ПОЛИЛОГ КОНЦЕПЦИЙ.....	62
Дубровский А.Д. «ВЕЛЕСОВА КНИГА» – ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ И ИСТОЧНИК ИСТОРИИ СЛАВЯН?	62
Караиванова Т. О ВЛИЯНИИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО НА БОЛГАРСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ	77
Гулуа Н.Р. АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ: ОЧЕРК «ПОХОРОНЫ НЕКРАСОВА (ПИСЬМО ИЗ ПЕТЕРБУРГА)»	83
Беженару Л. ПРОШЛОЕ И ПАМЯТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ КАМАЛА АБДУЛЛЫ.....	89

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ	94
Михеева Т.Б. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ШКОЛ ЮГА РОССИИ.....	94
Тудосе В.И. ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО СТРУКТУРНО- СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА (К ТЕОРИИ ТЕКСТА).....	100
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ	113
Синякова О.А. РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР КИШИНЕВА	113
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА	120
Донцу Н.Ф. ВЕРА АНДРЕЕВНА ИВАНОВА	120
ИНФОРМАЦИЯ. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ.....	125
Кожухарь В.Г. СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ – АКАДЕМИКА К.Ф. ПОПОВИЧА	125
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО – ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ».....	129
ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ»	131
НАШИ АВТОРЫ.....	135

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР: ЗАМЕТКИ О КИШИНЕВСКОМ ПРОСТОРЕЧИИ

*Ионова Ирина Александровна,
доктор хабилитат филоогии,
профессор университетар
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье представлены некоторые черты русского просторечия, обусловленные специфической полиэтничностью кишиневского социума. Проводя аналогию с одесским городским койне, автор подчеркивает, что в Кишиневе подобного общего языка не существует, однако местное русское просторечие обладает целым рядом узнаваемых особенностей, которые отражают состав культур и языков, взаимодействующих в этом социуме. В качестве иллюстраций используются примеры из произведений современных молдавских писателей и русских литераторов Молдовы XIX-XX вв.

Ключевые слова: полиэтничность, русское просторечие Кишинева, махала.

RUSSIAN SPEECH AT THE CROSSROADS OF CULTURES: NOTES ON CHISINAU COLLOQUIAL LANGUAGE

Abstract. The article presents some features of the Russian colloquial language due to the specific polyethnicity of Chisinau society. Drawing an analogy with the Odessa city Koine the author emphasizes that such a common language does not exist in Chisinau, but the local Russian vernacular possesses a number of recognizable features that reflect the composition of cultures and languages interacting in the society. The examples from the works of contemporary Moldovan and Russian writers of XIX-XX centuries illustrate the research.

Key words: polyethnicity, Russian vernacular of Chisinau, mahala.

LIMBA RUSĂ LA INTERSECȚIA DE CULTURI: NOTIȚE DESPRE VORBIREA POPULARĂ A CHIȘINĂULUI

Adnotare. În articol sînt prezentate unele trăsături ale limbii populare ruse caracteristice chișinăunenilor condiționate de sociumul polietic al urbei. Autorul face analogie cu limbajul popular rusesc din orașul Odesa, subliniind că deși în Chișinău nu s-a constituit un limbaj urban koine, totuși limba populară rusă locală dispune de un șir de particularități, care reflectă componența culturilor și limbilor

aflațe în interacțiune reciprocă în acest socium- Drept ilustrații sînt utilizate exemple din operele literare a scriitorilor ruși din Moldova secolelor XIX și XX.

Cuvinte cheie: socium polietnic, liba rusă populară din Chișinău, mahală.

В Кишиневе, как и в любом большом городе с многонациональным населением, для межэтнической коммуникации в неофициальных сферах используется просторечие, колоритность которого обусловлена взаимовлиянием контактирующих языков и культур. Уникальной в этом плане является лингвистическая ситуация в Одессе, употребляется даже выражение «одесский язык». Любая уникальность может быть предметом гордости, и одесситы гордятся своим просторечием, он стал своего рода брендом города. Стоит вспомнить лишь, как нарочито, щеголяя одессизмами, используют узнаваемые интонации, слова и обороты речи одесские команды КВН.

Некоторые одесситы даже утверждают отдельность своего языка от русского. Приведем только одно, но показательное, высказывание:

«... как только ни именуют по сию пору наш родной язык за пределами породившего его Города! Одесский говор, одесский сленг, одесский жаргон, одесский языковой колорит, типично одесские выражения, русская речь одесситов, одесские словечки, одесско-блатной жаргон, одесское городское койне, характерные одесские фразы, одесское наречие, одесский диалект...», – сетует на неопределенность научных дефиниций Валерий Смирнов в книге для широкого круга читателей, которая так и называется – «Одесский язык». И далее следует возмущенное восклицание: *«Диалект чего? Русского языка?»* [10, 4] Утверждая «самость» средства общения одесситов, автор приводит многочисленные примеры влияния «одесского языка» на русский, впрочем, не злоупотребляя при этом доказательствами.

В. Смирнов – писатель, но, кроме того, собиратель городского фольклора и образцов одесской речи, которые поместил в «Таки да большой полутолковый словарь одесского языка» [9] (есть и краткое, однотомное его издание). Как видно по названию, словарь это не научный, но он весьма занимателен для чтения, потому что содержит богатый лингвокультурологический материал.

Однако наличие особого языка предполагает и существование нации, которая им пользуется. По этой логике, одесситы – особая нация. Своего рода эпиграфом к упомянутой книге В. Смирнов взял высказывание В.Я. Жаботинского (сферу известности этого автора читатель может уточнить самостоятельно).

*«У Одессы и общая **lingva franka**... <... > я с негодованием отрицаю широко распространенное недоразумение, будто это испор-*

ченый русский. Во-первых, не испорченный, во-вторых, не русский. Нельзя же по внешнему сходству словаря заключать о тождественности двух языков. Дело в оборотах и в фонетике, то есть в той неуловимой сути всего путного, что есть на свете, которая называется национальностью. Особый оборот речи свидетельствует о том, что у данной народности (одесситов, поясняет В. Смирнов – И.И.) ход мысли иной, чем у соседа <...> Словарь, если подслушать его у самых истоков массового говора, совсем не тот, что у соседних дружественных наций, русской и даже украинской» [10, 3].

Подобные рассуждения, на наш взгляд, следует воспринимать как художественный прием, в своем роде гиперболу. Она подчеркивает самобытность речи одесситов, которая отражает их сформировавшийся в специфических обстоятельствах менталитет.

Феномен «одесского языка» вполне укладывается в понятийное поле современной социолингвистики. Одесса, официально основанная в 1794 году, заселялась как колониальный город. В нее приезжали русские, украинцы, греки, албанцы, поляки, евреи, итальянцы, французы, немцы, армяне, болгары, а также (что особенно интересно для нас) молдаване, волохи. Как отмечают исследователи, многонациональным, многоязычным и разноконфессиональным было уже население Хаджибея – поселка, на месте которого строилась Одесса.

«Быстрый рост многонациональной Одессы требовал межэтнического средства общения, городского койне, – пишет, Е.Н.Степанов. – На его формирование влияли социоэтнический, географический, исторический, социально-экономический факторы. <...> Препиджины и пиджины, возникавшие в Одессе как средство общения определенной этнической среды с другими этносами, в большинстве своем имели общий лексификатор, роль которого выполнял русский язык. К 1830-му году постепенно сложилось одесское городское койне, которое быстро видоизменялось под влиянием цивилизационных, экономических, социально-политических и этнических процессов, в дальнейшем оказывавших влияние на жизнь городской общины». По формулировке Е.Н. Степанова, сегодня одесское городское койне – это «знаковая система, являющаяся разновидностью русского языка и используемая как средство межэтнического внутригородского повседневного общения в широком диапазоне коммуникативных сфер коренными жителями города Одессы» [12, 38]. И не забудем безусловное: в Одессе используется русский язык в его литературной форме, испытывающий, конечно, как и везде, определенное влияние городского просторечия. Так что одесские интонации КВНщиков – это не более чем сценический образ.

Для одесских лингвистов это естественный объект внимания, который исследуется активно и всесторонне. Например, цитируемая статья Е.Н. Степанова посвящена особенно интересному для молдавских лингвистов вопросу о восточнороманской составляющей в одесском городском койне. Л.В. Шевчук, подчеркнув, что *«одесский социолект на базе русского языка и региональная языковая картина мира одесситов – это поликультурный сплав»*, обратила внимание на французскую изюминку в языке своих земляков и показала, как отражается в нем, в частности, в текстах одесских песен, французский концепт *“savior vivre”* («умение жить») [14, 101-107]. Научная характеристика «одесского языка» получает и монографическое воплощение [11].

В Кишиневе подобного общего языка не существует. Однако местное русское просторечие, как и в Одессе, выплавлялось в поликультурном многоязычном социуме. Но состав культур и языков, взаимодействующих в этом котле, их пропорции, были иными.

Лингвисты действительно оперируют разными терминами, но в используемых ими обозначениях нет больших противоречий.

Краткий и, разумеется, фрагментарный экскурс в историю этого действительно феноменального явления представляется уместным, потому что свое колоритное просторечие на лексической базе русского языка используется для межэтнической коммуникации и в Кишиневе. Оно, как и в Одессе, выплавлялось в поликультурном многоязычном социуме. Но состав культур и языков, взаимодействующих в этом котле, был иным.

Основные ингредиенты получившегося языкового коктейля называет в своем стихотворении Александра Юнко:

«Перекресток бессарабский, // Переулок тарабарский, // Где звучит, куда ни выйдешь, // Русский, что ли, чи молдавский, // Украинский, то ль болгарский // С переходами на идиш.

// С детства этот сочный суржик // Я жевала, точно коржик, // Разноречьем упиваясь. // До сих пор в стихотвореньях // Рассставляю ударенья // По наитию, покаюсь!

// То-то бы мадам Петрова // Не узнала б Кишинева. // Дело не в названьях улиц. // Здесь по-прежнему вишнево, // Но под вишнями паршиво – // Все вокруг перевернулось.

// Кто уехал, или помер, // Кто счастливый вынул номер... // Ну, а мне что остается? // В этом городе Содоме // Снятся сны о старом доме // И на щеки что-то льется.

// Где же ты, мой бессарабский, // Горький, нищий, но не рабочий, // В Бога, душу и царя, // Магальской, блатной, армянский, // Гагаузский да цыганский?.. // Нет такого словаря» [15].

«Переулок тарабарский», видимо, не только Пушкинская (раньше – Инзова) горке в Кишиневе, где выросла А. Юнко, но и вся Молдова – своего рода перекресток Запада и Востока, Севера и Юга, а также юго-запада и северо-востока.

В ряду определений у А. Юнко очень важно слово «магальской». «Магальской» язык – это язык магалы. В русском языке такого слова нет; кстати, отсутствует оно и в упомянутом словаре В. Смирнова, хотя одна из колоритных одесских реалий может быть названа именно так. В. Смирнов пишет: *«Мы росли в пропитанных одесским духом, кулинарией и языком дворах, за черту которых изначально была выведена национальная составляющая, и все были друг другу своими, роднее любой мишпухи»* [10, 64].

Т.В. Зайковская, исследующая языковые картины мира этносов Молдовы методом свободного ассоциативного эксперимента с привлечением сведений, содержащихся в словарях, приходит к выводу, что *«...у молдаван и болгар вырисовывается сходное отношение к данному понятию. Магала – это часть села, часть довольно большая, по тем или иным признакам (местонахождение в верхней или нижней части поселения, граница в виде речки или ручья, преобладание жителей определенной национальности – ср. болг. **циганска махала** – и т. п.), обособленная от других его частей, где живут, в основном, дружелюбно настроенные по отношению друг к другу люди, ощущающие, что все вместе они составляют некое единство, общность. При этом важно не упускать тот факт, что в сознании респондентов образ магалы выступает и в качестве своеобразного элемента воспитания: каждый человек в ней находится на виду <...> и волей-неволей должен учитывать это в своих поступках и поведении (пресловутое «Что люди скажут?!») <...> Несмотря на чрезмерную наблюдательность отдельных любопытствующих людей, которым обо всех все известно, и порой порожденные этим зависть, сплетни и т.п., тем не менее, в целом здесь царит дух осознания собственного единства и общности, в основном, добродушного отношения друг к другу, ощущения того, что человек находится среди своих»* [4, 61].

Слово «магала» часто встречается в произведениях молдавских писателей, повествующих о жизни села или поселка. Показательно, что переводчики обычно не ищут эквивалентов в русском языке, будучи уверенными, что читатели в этом не нуждаются. Вот, например, типичная картинка из жизни сельской магалы в повести Влада Йовицэ «По ту сторону дождя»:

«Соседи повыключали приемники и, разинув рты, прилипли к заборам. Приоткрыл калитку и Василе Гацапук. Он не из нашей махалы, хотя наполовину как бы и свой. Его летняя кухня выходит к нам, а

дом – на другую сторону, в соседнюю махалу. И ворот у него тоже двое – на две махалы. Через одни входят слухи и враки с нашего конца, через другие – с ихнего» [5, 39].

По художественным произведениям можно проследить, как трансформировалось понятие «магала». Так, в повести Иосифа Гайсанюка «И здесь мы строим любовь свою...» это слово означает 'окраина города'.

«Павэлуца и ходить-то сперва на каблуках не умела, потом пообвыкла. Вышла она в воскресный тот полдень “на шоссе” – так называли их окраинную, малоразрушенную, людную улицу в махале, – прохожие оборачивались, вслед Павэлуцэ глядели, как она цокала каблучками по мостовой: цок! цок! цок! – будто коренная горожанка, как барышня взаправдишняя, и плотно облегающий крепдешин платья обтягивал едва пробивающиеся, как две шаловливые виноградные гронки, груди» [2, 11]. Заметим, что поясняется и слово «гронка» – 'гроздь винограда'.

Следует пояснить, что речь в повести идет о строительстве небольшого городка в Молдавии в послевоенные годы. Строители – в основном жители окрестных сел, для которых естественно в новых условиях пользоваться привычным понятийным аппаратом. Когда герой после женитьбы обратился к руководству с просьбой «решить квартирный вопрос»,

«Товарищи почесали затылки, оправдываться сбивчиво стали, мол, сам понимаешь, Петрика, дорогой наш товарищ, квартиру тебе “выбить” не можем, горсовет не очень-то навстречу идет, в городе кругом одни руины, откуда квартира? – может, через несколько лет, будем иметь тебя в виду, первым в список занесем, а хочешь займешь дом сейчас, никто не против, участок дадим, пустырей навалом в махале, участок под застройку попросим, какой тебе приглянется...» [2, 22].

В XIX веке понятие «магала» было весьма актуальным для жителей Кишинева и имело тогда выраженную этническую окраску. Об этом свидетельствует, например, рассказ Виктора Малиновского (печатался под псевдонимом «Тартарен из Тараскона») «Баба Чана», опубликованный в 1889 году в газете «Бессарабский вестник». Действие рассказа, имеющего подзаголовок «Из кишиневских нравов», происходит в болгарской магале, которая является не столько местом действия, сколько коллективным персонажем – свидетелем событий, их участником и судьей. Герой рассказа – Михалуцэ (уменьшительное от Михал), сын болгарского переселенца по имени бай Стефан и его жены бабы Чаны. По сюжету, Михалуца женится, нарушив завет умершего отца, на полюбившейся ему Софийке; мать одобряет его выбор.

В рассказе отразилось постепенное стирание этно-культурного своеобразия магалы.

«Свадьбу отпраздновали на славу, но, к великому огорчению магалы, а ла франко, по-европейски, а не по-баштинскому, т.е. отцовскому обычаю, с массой церемоний и старинных обрядностей...<...>. Кукона Софийка недаром обучалась в девичьем училище и прочитала книгу “Хороший тон”: она была уже на болгарской магале отрезанным ломтем и не скрывала своих антипатий к <...> болгарским церемониям, сопровождающим свадебные торжества» [13, 206].

Молодая жена Михалуцэ невзлюбила бабу Чану и, всячески стараясь свести свекровь со света, даже готовила для нее голубцы из табачных (вместо виноградных – И.И.) листьев. Кстати, автор делает примечание: *«Подобный факт действительно имел место в летописях болгарской магалы» [13, 207].* Это, кстати, свидетельствует, что слово «магала» было актуальным и для самого «Тартарена из Кишинева».

Обратим внимание, что магала в рассказе не персонифицируется: имена, характеры, род занятий людей даже не обозначены. Магала предстает неким общественным организмом – и этот организм отторгает от себя человека, нарушившего нравственные законы сообщества. Приведенный далее фрагмент настолько информативен, что не требует комментария; надеемся, это извиняет обширность цитаты.

«Если магала при жизни бабы Чаны открыто не выражала Михалуцэ порицание за его обхождение с матерью, за такое явное пренебрежение баштинскими обычаями, твердо коренящимися еще в быту как задунайских, так и местных болгар, то поступала так единственно из уважения к старухе. Вмешиваться в ее дела с сыном – раз сама она этого не желала и не требовала – никто в магале не решился бы, таковы издавна установившиеся здесь традиции.

Но после смерти бабы Чаны, когда гроб ее был опущен в могилу, общественное мнение магалы стало заявлять о себе. Несмотря на то, что Михалуца уже к тому времени пользовался значительным влиянием на дела и делишки магалы, что одна половина ее была у него в долгу, а другая могла задолжать не сегодня-завтра, магала, однако, круто изменила с ним свое обращение. На поклоны Михалуцы отвечали неохотно; обаяние его как капиталиста все больше и больше утрачивалось, все избегали вступать с ним в новые сделки, а торопились покончить прежние, начавшиеся еще, по большей части, при жизни отца, и Михалуца очень скоро сделался отрезанным ломтем на магале, где он родился и вырос, где его отец, бай Стефан, положил начало своему благосостоянию.

<...> Если он отправлялся к кому-нибудь в гости – его принимали так сухо, что он не решался заглянуть туда в другой раз. К нему никто не заглядывал, и даже на Великий день, когда вся магала, по заведенному исстари обычаю, обменивалась визитами, ему пришлось проскучать одному в обществе обрюзгшей и постоянно недужной после родов Софийки. <...>».

После смерти дочери герой спился, забросил дела. В финале говорится: *«Михалуца исчез из дома, исчез из магалы, исчез из города. Никого это не удивило. На магале давно предсказывали, что Михалуца плохо кончит, что голубцы из табачных листьев, которыми Софийка кормила его мать, зачтутся ему еще на этом свете, что такое неслыханное попрание всех заветов старины, такой бесчеловечный поступок с родной матерью не пройдет ему даром. Как бы то ни было, Михалуца пропал без вести»* [13, 208-210].

Слово «магала» прочно укоренилось на молдавской земле. Приехавший в Молдавию в середине 50-х годов прошлого века Леонид Казаков, комментируя его употребление в одном из стихотворений, где *«на праздник пришла вся магала»*, пишет: *«Я успел застать время, когда обитатели отдельно взятой магалы казались не столько соседями, сколько родственниками. Впрочем, родственников среди них тоже было немало»* [6, 64]. Как раз в это время в своей магале на Пушкинской горке «упивалась разноречьем» девочка, которая потом стала поэтом Александрой Юнко.

Кстати, Л.Казаков, скорее всего, просто заинтересовавшись происхождением колоритного словечка, дает точную этимологическую справку: *«В Молдавию слово это занесли, по-видимому, османские завоеватели, В Таджикистане и Узбекистане оно известно как “махалла”. А роднит их общий арабский предок – слово “махалля”, означающее “городской квартал”»*.

В столице Республики Молдова и сегодня есть районы (не в административном, а в территориальном понимании), внешним обликом напоминающее село, с одноэтажными домами, как правило, старой застройки, сохранившиеся с XIX века; есть такие даже в центральной, исторической части города. Пригородные села, которые постепенно вживлялись в растущий город, «статус» магалы получали по наследству. Одноэтажными были и кварталы сравнительно новой (второй половины XX века) застройки, где селились рабочие близлежащих промышленных предприятий и приезжие из сел Молдовы.

Современная кишиневская магала лишена национального колорита; у слова актуализировались социальные, далекие от позитивных, коннотации. Мрачную и, к сожалению, близкую к реальности

картину нравов городской окраины рисует Валерий Косарев в стихотворении «Магала»:

*«Здесь бабы обширных и тяжких пропорций // и псы на цепях
стервенеют с тоской // и бродят угрюмой ватагой пропойцы // к торго-
вкам отравным вином день-деньской.*

*// Всё начисто пропили – шмотки и совесть, // давно ни рабо-
тать невмочь, ни любить. // Людей ужасают, зверя и ссорясь. // За
грош бы убили, да где им – убить... <...>*

*// Весь труд их – украсть да напиться с улова. // Им стыд не-
известен, позор нипочем. // И каждый бульжник здесь ими облеван //
и каждый погожий денек омрачен. <...>*

*// Здесь сызмальства пьют и спиваются верно, // и воют со-
баки от слезной тоски. // И бабы, не чая спасенья от скверны, // по-
корно на лицах несут синяки» [8,72].*

Как средство общения здесь используется, как пишет В. Косарев, «гнусь препохабнейших жестов и слов». Впрочем, это свойство грубого просторечия не имеет территориальной или национальной привязки.

Своего рода ячейка магалы в Кишиневе – это «двор», являющийся, наряду с базаром (рынком), носителем и хранителем обиходного просторечия. У нас есть возможность показать, что представлял собой язык кишиневского двора, скажем так, в третьей четверти XX века Александр Гольдман был капитаном молдавской команды КВН периода ее всесоюзной славы в 60-70 годах. Позднее появилась художественная проза – сплав лирики и мягкой иронии, которой окрашено повествование о любимом Кишиневе послевоенных десятилетий – повесть «Монолог». Некоторые особенности авторского стиля объясняет следующий фрагмент:

*«<...> мы свой город поспокойней, чем одесситы свой, лю-
бим. Мы о своем: не хуже, чем у людей, не захвалите... Они: она у нас
самая, единственная, несравненная. И так было всегда – и такая у них
от этого самоиндукция вышла, такие токи потекли, что и в Новой
Зеландии, краю благословенном, не спасешься от этого бешеного
электричества – намагничивается сердечник, втягивает его...*

*Это то малое, что разделяет нас. А в остальном – ещё как
похожи! <...> Своя у нас Молдаванка, и одна беда, что не родила она
своего Бабеля. <...>*

*Устные мы цадики, невероятные рассказываем мы истории, и
невероятные приключения происходят с нами. Но мы в Кишинёве ред-
ко эти мансы записываем. Нам надо следующую историю прожить и
со вкусом рассказать о ней в застолье» [3, 21].*

Таким «устным цадиком» был и сам А.Гольдман, написавший немного, но, как и И.Бабель об Одессе, «смачно». «Мансы» (евр.) Гольдмана весьма колоритны. Вот, например, зарисовка из жизни типичного кишиневского двора, многонационального и многоязыкого, где обитатели старых одноэтажных домиков знают о соседях всю подноготную. Подчеркнем, что это первая фиксация в художественной литературе характерного русско-украинско-еврейско-молдавского (в общем, магальского) просторечия в его ретроспекции.

«Я говорю, что у Пилины (Полины – И.И.) был муж, по двум причинам. Во-первых, у Сашки много лет была зазноба – проводница по имени Верка (мать и дочь называли разлучницу, как немецкую промышленность – Вэркэ). Во-вторых, Сашка умер. В тюрьме.

Все вышеизложенное как-то раз дало Доре Моисеевне толчок для следующего монолога во дворе:

- Когда Сашке первый раз увзяли, то Пилина пошла ык товарищ прикороль, и сказала, что Сашке – честный человек. А что он повез ыв Одессе камеру от МАЗ, полную ыс водкой, так его просили передать...

Так товарищ прикороль понял, что Пилина – честная жєницина, и сказал ей “Пилина, идите домой. И как вы придете домой, фуражка вашего Сашке будет висеть на вешалку, как и висела!” И Пилина пошла домой, и фуражка таки висела, как и висела... но Сашке не было. Он уже опять ушел ык своей Вэркэ» [3, 22].

Очевидно, что Дора Моисеевна – человек малообразованный: чего стоит только «товарищ прикороль» (прокурор). В ее речи чувствуется влияние украинского языка («увзяли», «пойшла», «опять»), молдавский отразился неправильными предложно-падежными сочетаниями «полная с водкой», «висеть на вешалку», «повез в Одессе». Монолог пожилой кишиневки, кроме того, свидетельствует, что одесситы *таки* неправы, настаивая на абсолютной самобытности некоторых особенностей своей речи: ведь фуражка беспутного Сашке «*таки висела*» на вешалке. И, добавим, можно не сомневаться, что Дору Моисеевну и Полину на кишиневском рынке *таки да* называли «мадам»...

Закljučая один из эпизодов «с речеведческим уклоном», А.Гольдман резюмирует: «если говорить честно, “той” (укр. – И.И.) у нас еще в Кишиневе русский язык» [3, 22]. Свой лексический, грамматический и фонетический вклад в «тот еще язык» внесла и еврейская магала.

Особенности кишиневского просторечия еще только ждут своего исследователя. Как передать его звучание, его специфические интонации? Может быть, в будущем кто-нибудь прокомментирует

оценку звучания еврейской речи (идиш) А.Ф.Вельтманом в романе «Странник» (глава XLV).

«Акустика, или физика, жидовского наречия поразила меня. Есть что-то в произношении оригинальное, и в подражании может быть выражено только посредством какого-нибудь инструмента; но покушение напрасно, ибо абуб, древний инструмент, выражавший еврейскую мелодию и хранившийся в святилище храма Соломонова, погиб вместе с уничтожением храма. Изобрести подобный инструмент уже трудно, ибо мнения о свойстве его так же различны, как и вообще все мнения и заключения ученых о всякой древности по одним только сохранившимся названиям. Кирхер в своей Музургии говорит, что это был инструмент, похожий на трубу; Кальме заключает, что абуб есть то же, что амбубайя, дуда, бывшая в употреблении у латин; по Талмуду абуб есть дудочка; а по мнению всех прочих абуб есть тросточка, от которой барабан издавал тоны приятнее, нежели от обыкновенных барабанных палок» [1].

Авторы монографии «Культурное наследие евреев Молдовы» Р.Я. Клейман и И.Э. Шихова пишут о строках Довида Кнута «особенный еврейско-русский воздух...// Блажен, кто им когда-либо дышал...» (стихотворение «Я помню тусклый кишиневский вечер...», написано в 1929 году в Париже), что в них выражена «своеобразная этнокультурная самоидентификация автора, рожденная бессарабской реальностью». И далее: «Эта формула, как нам представляется, может быть воплощена во многих вариантах:

особенный, молдавско-русский воздух; или, например, особенный, цыганско-русский воздух и т.д.

Ибо этот своеобразный этнокультурный интеграл – наше общее достояние. Это тот воздух нашей духовной культуры, тот исторический “дым отечества”, которым все мы дышим, естественно и органично» [7, 71].

Законодательно прописанная фильтрация «воздуха духовной культуры» Республики Молдова от русского компонента за последние два десятилетия заметно изменила атмосферу в обществе. Это в полной мере проявилось в подотчетных государству сферах – официально-деловой, образовательной, агитационно-массовой. В частности, изменился лингвистический облик городских улиц: названия учреждений, вывески, объявления, реклама и другая визуальная информация исполнены в основном на молдавском языке. С этим фактом можно связать строки из стихотворения А. Юнко: «Мой город // меня не узнает // не говорит по-русски» («Мой город») [16; 78] Речь здесь, конечно, не только и не столько о видимых (на вывесках) изменениях язы-

ковой ситуации в стране. «*Нечем дышать, // и только компьютер // со мной иногда // говорит по-русски*», – пишет А. Юнко в другом стихотворении [17].

Действительно, в результате «сложнейших этнокультурных коллизий» русская речь стала реже звучать на улицах города. Однако лингвистическое законодательство не властно в нерегламентируемых сферах, где неизбежно непосредственное человеческое общение, в условиях Молдовы – всегда межэтническое. Забавный, но очень показательный пример: на табличках маршруток, следующих к главному вещевому рынку Кишинева «*Calea Basarabiei*», водители пишут понятное всем слово «*Tolcioc*» (толчок).

Кишиневский двор отчасти остается хранителем общего языка, основой которого чаще является все-таки русский; впрочем, это зависит от этнического состава жильцов. Однако таких дворов становится все меньше: подавляющая часть населения столицы живет в современных многоэтажных районах, где степень общительности соседей не столь высока.

Литература

1. Вельтман, А.Ф. Странник. Интернетресурс.
2. Гайсанюк, Иосиф. И здесь мы строим любовь свою... – Кишинев, 1979.
3. Гольдман, Александр. Монолог.// Ветка Иерусалима. Альманах писателей-евреев Молдовы. № 2. – Кишинев, 2000.
4. Зайковская, Т.В. Доминанты национальной ментальности и коммуникативное пространство. // Вестник Славянского университета. Вып. 15. Серия «Филология». – Кишинэу, 2008.
5. Иовицэ, Влад. По ту сторону дождя. // Влад Иовицэ. Повести и рассказы. – Кишинев, 1981.
6. Казаков, Леонид. Апрельская акварель. // Леонид Казаков. Моя Голгофа. Стихи над пропастью. – Кишинев, 2010.
7. Клейман, Р.Я., Шихова, И.Э. Культурное наследие евреев Молдовы. – Кишинев, 2010.
8. Косарев Валерий. Магала.//Валерий Косарев. Окна памяти. Кишинев, 1990.
9. Смирнов, Валерий. Таки да большой полутолковый словарь одесского языка. В 4-х т. – Одесса_ 2005.
10. Смирнов, Валерий. Одесский язык. – Одесса: 2008.
11. Степанов, Є.М. Російське мовлення Одеси. – Одеса, 2004.
12. Степанов, Е.Н. Восточнороманская составляющая в становлении и функционировании одесского городского койне. // Славянские чтения. Вып. 5. – Кишинэу, 2009.
13. Тартарен из Тараскона (Малиновский Виктор). Баба Чана.//Цит. по: Ижболдина И.А. «Живая старина» в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX-начала XX вв. Исследования и материалы. – Кишинев, 2012.

14. Шевчук, Л.В. Вербализация французского концепта “savior vivre” («умение жить») в текстах одесских песен.//Славянские чтения. Научно-теоретический журнал. Вып. 7. – Кишинев, 2013.
15. Юнко, Александра. Переулок бессарабский... // Александра Юнко. Связь времен. – Кишинев, 2010.
16. Юнко, Александра. Мой город.//Русское поле. Литературно-художественный и публицистический журнал ассоциации русских писателей Республики Молдова. № 1 (3). – Кишинев, 2011.
17. Юнко, Александра. Нечем дышать... <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=2036>

ВОСТОЧНОРОМАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НАЗВАНИЯХ ПИЩИ И НАПИТКОВ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

*Кожухарь Екатерина Сергеевна,
доктор педагогики,
старший научный сотрудник
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье на основе собранных автором полевых материалов проанализированы восточнороманские названия пищи и напитков, которые бытуют в украинских говорах Республики Молдова. Проведена классификация выявленных лексем по лексико-семантическим микрогруппам и по происхождению. Выявлены отдельные особенности функционирования восточнороманских заимствований названной группы в исследуемом ареале. Часть фактического материала впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, названия пищи и напитков, украинские говоры в Республике Молдова; восточнороманские заимствования.

EASTROMANIC BORROWINGS IN THE NAMES OF FOOD AND DRINKS IN THE UKRAINIAN DIALECTS OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Abstract. On the basis of field data collected by the author analyzed easternromane name foods and drinks that are prevalent in the Ukrainian dialects of the Republic of Moldova. The classification of tokens identified by the lexical-semantic small groups and origin. Clarified some features of functioning vestromane borrowing named group in the test range. Part of the actual material for the first time introduced in the scientific revolution.

Key words: lexical-semantic group, the names of food and drinks, Ukrainian dialects in the Republic of Moldova; eastern romane borrowing.

ÎMPRUMUTURILE ESTROMANICE ÎN DENUMIRILE ALIMENTELOR ȘI BĂUTURILOR ÎN DIALECTELE UCRAINENE DIN REPUBLICA MOLDOVA

Adnotare. Pe baza datelor culese pe teren de autor sînt analizate denumirile de proveniență estromană a alimentelor și băuturilor, care sunt predominante în dialectele ucrainene din Republica Moldova. Sînt clasificate originea grupurilor mici de token-uri identificate ca lexicale-semantic. Au fost clarificate unele caracteristici de functionare a grupurilor de denumiri estromanice împrumutate în intervalul de testare. O parte din materialul factologic pentru prima dată este introdus în circuitul științific.

Cuvinte-cheie: grup lexical-semantic, numele de produse alimentare și băuturi, dialecte din Ucraina în Republica Moldova, de împrumut estroman.

Традиционное питание украинцев достаточно основательно описано этнографами, начиная с работ В. Маркевича [44], Н. Сумцова [53], В. Левченко [42], Ф. Волкова [6], Р. Данькивской [22] и др. и заканчивая трудами современных исследователей – Л. Артюх [1, 2, 3, 4], В. Борисенко [5], Т. Гонтар [15, 16, 17], Г. Кожоляно [3], А. Мандебура [43] и др. Этнолингвисты и диалектологи, как украинские, так и русские, также не оставили без внимания названную тематическую группу лексики: М. Волошинова [7], С. Ганудель [10], Э. Гоца [21], Н. Карасева [30], С. Козырева [39], А. Крыжко [40], В. Невойт [45], Е. Турчин [56], С. Яценко [59] и др. Сведения о народном питании украинцев Молдовы, в том числе и о номенклатуре названий продуктов питания, блюд, посуды и утвари, можно найти в материалах молдавских и украинских исследователей: В. Голуб, И. Сорочинского [14], В. Кожухаря, Е. Кожухарь [32, 33, 34], Д. Никогло [65], В. Яровой [4, 58].

Что касается восточнороманско-украинских языковых взаимопроникновений и взаимовлияний, то они активно исследовались украинскими – К. Герман [11, 12], Н. Головач [13], Н. Гуйванюк [20], И. Дзензелевский [28], Г. Кёран [41], В. Прокопенко [47, 48], И. Семчинский [50], М. Сергиевский [51], Л. Ткач [54] и др.; румынскими – Э. Врабие [60], И. Робчук [49, 67], А. Россетти [68] и молдавскими – Е. Кожухарь [35, 36, 37, 38, 61, 62], В. Павел [46], Р. Удлер и Н. Раевский [57] и др. учеными. Однако восточнороманские заимствования в названиях пищи и напитков, посуды и утвари в украинских говорах Республики Молдова до сих пор не были предметом специальных исследований, что и обусловило наш научный интерес к этой лексико-семантической группе. Ведь лексика народных говоров, функциониру-

ющих в этноконтактных зонах, в том числе изолированных говоров, каковыми являются украинские говоры в языковом пространстве Республики Молдова, – ценный источник знаний о народной жизни разных периодов; исторических, межкультурных и межъязыковых контактах народов, проживающих на этой территории. Мы разделяем точку зрения профессора П.Е.Гриценко, считающего, что «Внимание к лексике говоров заострено в связи с необходимостью обеспечить надежным материалом области языкознания и смежных наук, непосредственно связанных с реконструкцией древнего состояния материальной и духовной культуры носителей языков» (перевод – Е.К.) [18, 3].

Как свидетельствуют наши исследования, в украинских говорах Республики Молдова достаточно весом слой восточнороманских заимствований во многих лексико-семантических группах, в том числе и в названиях, связанных с пищей и напитками.

Цель статьи – провести инвентаризацию восточнороманских заимствований в названиях продуктов питания, блюд, напитков, бытующих в украинских говорах Республики Молдова; систематизировать заимствования в рамках тематических микрогрупп; по возможности проанализировать происхождение и особенности функционирования восточнороманизмов в говорах очерченного украиноязычного ареала, выяснить, в частности, соотношение собственно украинских и заимствованных наименований, проследить развитие синонимии в отдельных микрогруппах и т.п.

Материалом исследования послужили полевые записи, осуществленные автором в течение 19 лет (1994 – 2013 гг.) в 30 украинских / украинско-молдавских селах Республики Молдова, что позволило создать общее представление о блюдах повседневного питания и диалектной лексике данной тематической группы всех регионов страны, где компактно или дисперсно проживают украинцы¹.

По мнению лингвистов, восточнороманская лексика начала проникать в украинские говоры еще в эпоху средневековья, а начиная

---

¹ Украинцы проживают компактно на севере Республики Молдова и в Приднестровье, дисперсно – в центральной зоне и на юге. Приводим список населенных пунктов, где были собраны диалектные материалы. *Северная зона*: села Братушаны, Гашпар, Голяны, Маркауцы, Пояны Единецкого р-на; Тецканы, Слобозея-Ширеуц Бричанского р-на; Волчинец, Кодряны Окницкого р-на; Булгак, Нагоряны /Нихорень, Паскауцы Рышканского р-на; Дану, Николаевка, Сорока, Стурзовка, Яблона /Яблоана Глодянского р-на, Михайловка / Октябрьское Флорештского р-на. *Приднестровье* – Воронково, Колбасна Рыбницкого р-на. *Центральная зона* – Булаешты, Иванча Оргеевского р-на; Балцата, Сагайдак, Долинное Криулянского р-на; Максимовка Ново-Аненского р-на. *Южная зона* – Мусаит, Первомайское, Ферапонтиевка Тараклийского р-на.

с XIX ст., заимствования фиксируются в лексикографических работах [41, 8; 56, 164]. Отметим, что в словарях нашли отражение и восточно-романские названия, связанные с пищей и напитками.

В украинских говорах Республики Молдова иноязычные заимствования локализованы неравномерно. В наибольшей степени межъязыковая интерференция проявляется в тех селах, где украинцы и молдаване живут вместе с древних времен.

Среди зафиксированных восточнороманизмов мы выделили условно две группы, в которые вошли соответствующие микрогруппы: 1) названия продуктов питания и блюд, 2) названия напитков.

Лексико-семантическую группу «**Названия продуктов питания и блюд**» составили следующие микрогруппы.

Названия фруктов и ягод: *ángr'ish, ángr'ish, átr'ic* – крыжовник (куст и ягода) ← лит. *ágrišā*, диал. *ágruř* [23, 68], *ángriš*; *бог'іца* (Блш.)² – ягода винограда, виноградина ← лит. *bobūā* – зернышко, капелька, пятнышко, горошина; диал. *boghínři* [23, 141], *boghīā*; *бут'ук* (Блш.) – виноградный куст ← *butūc* – виноградный куст, корневище винограда; диал. *butūc* [23, 186]; *голд'они* – сливы (дерево и плод) ← *goldan/ goldanā* – ренклод дерево и плод, диал. *goldanī orzaticī* [23, 260]; *гум'ей / агум'ей / гум'йа / агум'йа* – айва (дерево и плод) ← *gutūie*, диал. *agūt, gutūi, agutāi, agutāu* [23, 68]; *з'арзар'и, з'арзур'и / д'з'ардзур'и / з'ерзе "p'i* – абрикос-дичок (дерево и плод) ← *zárzār / zárzārā*, диал. *zárzar, zárzār*; *н'ез / н'едз* – ядро семян подсолнуха ← лит. *miéz* – внутренняя часть плода – ядрышко абрикосовой косточки; *п'анска ж'ія* – смородина ← лит. *vīřā* – виноградная лоза; диал. *jiřós* – о гибком и крепком дереве, которое трудно сломать [24, 63]; *п'ома* – виноград ← *poāmā*; *помуш'ора* – смородина ← диал.

---

² Ссылки на названия населенных пунктов даем лишь в том случае, если лексема функционирует локально ограниченно. Если же она употребляется на всей либо большей части территории республики, в данной статье из-за ограничения объема публикации ссылки отсутствуют. *Список сокращений:* Балцата Криулянского р-на (Блц.); Братушаны Единецкого р-на (Брт.); Булгак Рышканского р-на (Блг.); Булаешты Оргеевского р-на (Блш.); Волчинец Окницкого р-на (Влч.); Воронково Рыбницкого р-на (Врн.); Гашпар Единецкого р-на (Гшп.); Голяны Единецкого р-на (Глн.); Дану Глодянского р-на (Дн.); Долинное Криулянского р-на (Длн.); Иванча Оргеевского р-на (Ивн.); Кодряны Окницкого р-на (Кдр.); Максимовка Ново-Аненского р-на (Мкс.); Маркауцы Единецкого р-на (Мрк.); Николаевка Глодянского р-на (Нкл.); Мусаит Тараклийского р-на (Мст.); Нагоряны / Нихорень Рышканского р-на (Нгр.); Михайловка / Октябрьское Флорештского р-на (Мхл.); Паскауцы Рышканского р-на (Пск.); Первомайское Тараклийского р-на (Прв.); Пояны Единецкого р-на (Пн.); Сагайдак Криулянского р-н (Сгд.); Слобозея-Ширеуц Бричанского р-на (Слб.-Шрц.); Сорока Глодянского р-на (Срк.); Стурзовка Глодянского р-на (Стрз.); Тецканы Бричанского р-на (Тцк.); Ферапонтиевка Тараклийского р-на (Фрп.); Яблони Глодянского р-на (Ябл.).

poámă giii – виноград [25, 216]; *поромбрел'и* – терн ← *porúmb / porumbár*, диал. *porúmbi, porumbríi* [25, 242] и др.

Названия овощей и овощных блюд: *боштáн* – тыква ← диал. *bostán* 1) тыква; 2) дыня [23, 152]; *гогошáр* – гогошар, сорт круглого мясистого перца ← *gogoşár*; *маратýр'и* – квашеные помидоры ← *murătúri* – соленья; *патл'ажáни / патл'аж'эл'и / патл'адж'эл'и* – помидоры ← лит. *pãtlãgeá / pãtlãgele* – помидор / помидоры; диал. *pãtlãján* [25, 183]; *сún'и патл'адж'эл'и* – баклажаны ← диал. *patlajánî, patladjiánî* [25, 183]; *празж* – лук-порей ← лит. *praz*, диал. *praj* [25, 250]; *сал'амýра* – рассол ← *saramúrá* и др.

Названия зерновых и бобовых культур и блюд из них: *бабáне* (Блш.) – крупная фасоль ← *bob* – 1. боб; 2. 1) зерно, 2) крупинка, песчинка, жемчужина; *лúнта* – вид гороха ← *lúnte* – чечевица; *нагýт / нахýт / наýт / нут* – «турецкий» горох, нут ← *náút*, диал. *nahút, paút, navút, nut*; *пастóйка* – стручок фасоли ← *pãstáie* – стручок; *пастейк'ú* – тушеная стручковая фасоль; *папишóйа* – кукуруза ← *parişói*, диал. *parşoáicî* – кукурузный початок [25, 178]; *папишóйна мукá* – кукурузная мука; *натêна* (Блш.) – кукурузная крупа ← диал. *patinã* – сложное блюдо из кукурузной крупы и капусты [25, 121]; *лужáн* (Мст.) – 1) кукурузный стебель, 2) кукурузный початок – диал. *strujan* [25, 178] и др.

Отметим, что и в традициях питания украинцы Молдовы немало позаимствовали у молдаван. Так, в рационе местных украинцев бобовые используются значительно чаще, чем в «материковой» Украине. Блюда из этих культур являются не только повседневными, но и праздничными, например, рождественский *нагут* с курицей (Врн.). Еще в большей степени это касается блюд из кукурузной муки и крупы. Иллюстративно в этом отношении интервью с жителями с. Иванча Оргеевского р-на: // *мамал'ич'ка /збрúнзойу / поми'дóрк'и / íкартóфл'а /жáрана // от / í /ве'ч'эра // атó / máма / ко'рóву /надóйт / тамол'окá / навáрит / тамí / тудí / мамал'иги / накíдайíмо / таотáк / íнайíдал'иса // а зрáнку / йíл'и / йайéшн'у / сиквáрками / таскартóфл'ами / ч'и з' мамал'игойу // рукáми / брáл'и / íмоч'áл'и / вмíску //*

Мы зафиксировали следующие восточнороманские **названия блюд из кукурузной муки и крупы:** *мал'áй* – кукурузный хлеб ← *mãlai* – 1) кукурузная мука; 2) лепешка из кукурузной муки [65, 284]; *мамалíга / мамалíчка / мамал'íга / мамал'éчка, мал'íга* – мамалыга ← *mãmãligã* – мамалыга; *тёрба / тёрба* – 1) сложное блюдо, в состав которого входят: поджаренный лук, кукурузная крупа, яйца и специи (Блш.); 2) блюдо из кукурузной муки, яиц, брынзы и шкварок (Блц., Сгд.); 3) каша с тыквой («*боштанóm*») (Пск.) ← *tirbã* и др.

Восточнороманские заимствования встречаются и в **названиях блюд из пшеничной муки**. Лексема *вертута* ← *învărtită* в исследуемом ареале употребляется для обозначения изделий из четырех видов теста: листового (Глн., Мрк.), пресного (Блц.), вытяжного (Врн.) и сдобного (Ивн.). *Ве "ртута* из вытяжного теста (Врн.) – изделие с начинкой, скрученное в форме жгута. В Иванче *ве "ртута* – сдобный листовый пирог с начинкой. В Голянах и Маркауцах *ѳертуты* – листовые пироги с брынзой и шкварками, или сладкие с маком. В Белцате *ѳертуты* – изделия из листового либо пресного теста с рисовой начинкой с добавлением мака, а в более отдаленные времена – с гречневой начинкой.

Разновидность вертуты – *сал'ар'ѳа / сарал'ѳа* – 1) изделие из пресного теста, закрученное с обеих сторон по спирали в виде восьмерки, 2) рулет с медом и сухофруктами (Ив.) ← *sarailie* – рулет из слоеного теста с начинкой из грецких орехов или миндаля в сахарном или медовом сиропе, диал. *saralii* [26, 105] и др.

Пл'аѳинта (Слб.-Шрц.) / *плаѳинда* (Мст.) – пирог из вытяжного или дрожжевого теста; *пл'ач'ѳнта* (Блш.) – пресные пироги с разнообразной начинкой, которые выпекают и в печи на поду, и на сковородах ← *plăcintă* – листовые пироги с начинкой из брынзы, мяса, творога, капусты и т.п., диал. *plășintî / plășintî-mvîrtitî* – вертуты [25, 215].

Варзар' – пирог с начинкой ← *vărză* – капуста. В с. Яблона Глодянского района *варзар'и* готовят из листового теста: // *крѳгл'о коч'ал'и / кл'адут боштан / на ватру садж'ал'и* // . В с. Булаешты Оргеевского р-на *варзар'и* – *пал'анеч'к'ѳ / исч'ерешн'ами / с'ж'ѳу / с'дзардзар'ами / с'ѳабл'оками / с'сл'ѳѳками / робѳа // ѳп'ѳ'ѳ / п'ѳ'ѳ'ѳа // бонат'етѳѳи / ѳѳх / негоден / п'ѳ'ѳ'ѳ // ѳоны / тѳчѳѳт / ѳтѳѳ / (w)у'л'ѳѳ / горѳѳт / брѳскаѳѳѳ //*.

Патѳл'н'а (Мрк.) – пирожки из листового теста треугольной формы с яйцом и укропом ← *patéu* – пирог; *при^езиѳѳѳи, празиѳѳѳи* (Ив.) – фигурное печенье ← *prăjitură* – печенье.

Кроме перечисленных названий изделий из пшеничного теста, приведем также примеры восточнороманизмов, названий продуктов, используемых в процессе выпекания хлеба, а также названий частей хлеба: *боткал'и* (Блш.) – дрожжи домашнего производства из *хмѳл'у, квасного к'ѳста* та *папѳѳѳнойу мук'ѳ* ← диал. *botcăli* [25, 153]; *гр'ѳс / грѳс* – отруби (используются для приготовления домашних дрожжей) ← *gris / griș* – манная крупа; *букѳта, букѳтка* (Блш., Блц., Нгр.) – кусок чего-то, например, хлеба ← *bucată* – кусок, комок, лоскут, штука; *партѳк, партѳка* (Мст.) – большой ломоть хлеба ← *parte* – часть.

Сложные блюда. *Пл'ак'йя* (Блш.) – сладкая рисовая каша с молоком (ритуальное кушанье на поминках); *пл'ат'йя* (Нкл., Срк., Стр., Ябл.) – рисовая, перловая, изредка пшеничная каша с вареными сливами ← *plachie* – блюдо из рыбы, запеченной в печи на масле с добавлением большого количества лука [64, 625]; диал. *plachi, plachii* – 1) блюдо из риса, сахара и масла, 2) блюдо из риса и мяса, 3) запеканка из риса, молока, яиц, сахара [25, 204]. *Сказут* (Блш.) – блюдо из тушеной квашеной капусты с мясом ← лит. *scāzut* – уварившийся, загустевший.

Токана (Блш.) – сложное овощное блюдо, в состав которого входят картофель, крапива, чеснок и подсолнечное масло: *пом'ийиш / кропи(w)у / пол'уцк'и // звар'иш / карт'офл'у / скропи'воў / вм'ест'е // пот'ом / по'ж'ари'ш / (w)о'л'ий / туд'а / ик'ид'ийиш // йакно'ж'ари'ш / т'оже // т'ей /сч'оснок'ом / т'ей / казал'и // шоток'ана //* ← *tocană* – мясное блюдо с луком и перцем, диал. *tocană, tocanî* – 1) мамалыга, 2) повидло, 3) капуста квашеная, 4) зелень засоленная [25, 234-235].

Овцеводство – важная отрасль хозяйства украинцев Молдовы, поэтому **продукты и блюда из овечьего молока** характерны для питания украинского населения на всей территории страны. В лексико-семантической группе названий продуктов из овечьего молока и процессов их приготовления зафиксированы следующие заимствования: *бр'инза / бр'индз'а* ← *brânză* – брынза; *гл'ат / гл'ат / т'ат / т'ат* – высушенный желудок ягненка или свиньи для закваски молока на брынзу ← *cheag* – 1) сычуг, 2) сыворотка, закваска; *зер / дзер* – овечья сыворотка ← *zer* – сыворотка; *ур'да / вур'да / (w)ур'да* – сладкая овечья брынза ← *urdă*; *звур'ди'тис'а / звур'ди'ти'са* – прокиснуть: *мол'ок'о звур'ди'лоса*; *буз / будз* – сформованный, круглой формы кусок овечьей брынзы ← *but* – большой кусок мяса [64, 103], диал. *but* – куриный окорок [23, 184]; *кул'астра / кул'астра / кул'эстра* – молозиво ← *colastră*.

Среди **первых блюд** мы зафиксировали лишь одно название: *дз'эма / зама* – суп на курином бульоне ← *zeată* – мясной отвар, суп.

Из большой номенклатуры мясных блюд совсем незначительное количество заимствованных названий: *жанб'он* (Ив.) – 1) свиной окорок, 2) копченое особым способом мясо, запеченное в тесте: *з'адн'ий / клуб / кабан'а / йиг'о / при'сол'уйут // по'т'ому / зотри' / м'ис'ац'и / капт'ат / угодж'ак'ов'и / ин'еред /сам'йу / п'аско'йу / т'ижден' / вим'оч'уйут / аўсуб'оту / п'ере'т / п'аско'йу / м'ис'ил'и / к'исто / рок'ач'увал'и / йиг'о / итуд'и / заве'рт'ал'и / кус'ок / жамб'ону / ине'кл'и / йне'ч'и //* ← *jambon* – костяца, окорок, копченое сало; *шч'иг'ир'и / ч'игир'и* (Бртш. Нгр.), *ж'иг'ир'и* (Блг.) – *варя'ат / кров /*

жар'ат / ци ^ебул'у / й обве "ртáйт / с'е́тко 'йу / скабанá //; *капч'онка у саламу́р'и* (Мхл.) – копченое сало. В диалектном словаре под. ред. Р. Удлера находим номен *sǎrǎmugǎ* – блюдо, приготовленное рассоде (соль и вода) [26, 199].

Что касается **приправ**, то на всей территории проживания украинцев в Молдове наиболее распространен *мужде'ей / мужде́й*, который подают к мамалыге и другим блюдам и готовят несколькими способами: 1) перетертый чеснок, соль, масло и кипяченая вода, 2) перетертый чеснок с жареным луком: *ч'усно́к / сжа́ренойу / цебу́л'ейу / доре́бе / иваре́нек'ив / скарто́фл'ами //* (Брат.) ← *tujdei, tojdei*. *Борш* (Слб-Шрц.) – 1) кислая закуска з *гр'исом* и красной свеклой (*ч'ірво́ним буракóм*); 2) *гр'ис*, кукурузная крупа, *ч'ірво́ний бура́к*, остатки дрожжевого теста (от хлеба) ← *borş* – закуска для борща. *Цел'ина* – сельдерей ← *ţálinǎ*.

В лексико-семантической группе «**напитки**» мы зафиксировали лишь два заимствования: *муст* – свежееотжатый виноградный сок, или сок, который только начал бродить ← *must* и *цуйка* – самогон ← *ţuicǎ* – сливянка.

Восточнороманизмы встречаются и в названиях ритуальных блюд: *креч'унáш* (Стр.) – хлебное изделие, выпекаемое на Рождество, которое всю зиму висело возле иконы, а весной, когда начиналась пахота, его отдавали лошадям ← *crăciun*; *нушч'и* (Блш.) – ритуальные калачи, плетенные вчетверо, для погребального обряда; *пóдур'* (Блш.) – калач с полотенцем, через который переносят гроб, а потом сразу же дают «за поману» (символизирует мост в потусторонний мир) ← диал. *róduri* – обычай дарения дарения ковров, подушек и т.п. за упокой души усопшего во время проводов его на кладбище [25, 223]; *помána* – ритуальный калач, вещи, которые дают за упокой души ← *romǎñ*.

Встречаются заимствования и в **названиях домашней птицы**: *куркán*, *куркánка*, *курканен'á* / *трухán*, *трухánка*, *труханен'á* (Пск.) – индюк, индюшка, индюшонок ← *cursan*; *рэнза* (Блш.) – желудок домашней птицы ← *renzǎ*.

Среди анализируемых восточнороманских заимствований можно выделить три группы лексики.

1. Исконнороманская лексика: *букáта* ← *bucátǎ*; *пател'н'а* ← *patéu*; *брúnза / брúnдз'а* ← *brínza*; *фл'аг / м"аг / м"ах* < *kheag*; *зер / дзер* ← *zer*; *ýрда / вýрда* ← *úrdǎ*; *цел'ина* ← *ţálinǎ*; *плач'инта* ← *plăcintǎ*; *варзár / варзár'* ← *varzǎ*; *парти́ка* ← *párte*; *дз'ема* ← *dziámǎ* и др.

2. Заимствования из других языков, которые попали в украинские говоры, в том числе и в украинские говоры Молдовы, через посредничество **молдавского / румынского языка** и его говоров: *áнгр'иш*

← *ágris* < венгр. *égres*; *zápzap'í* / *zápзупí* / *дзárдзуп'í* / *зёрзер'í* ← *zárzär* / *zárzärä* < болг. *záпзала* < тур. *zerdali* < перс. *zërdalu*; *патлажáни* ← *patlagéle* < тур. *patlicau* и др.

3. Так называемая **возвращенная лексика**: *ве "ртúта* ← *invertíte*; *куркáн*, *куркáнка* ← *circán* (ср.: укр. *курка*, рус. *курица*); *борш* ← *borş*; *мужде'ей* ← *tujđi*, *mojđei* < древнеславянское *moštijǐ* – уксус и др.

В функциональном аспекте значительная часть лексем относится к балканизмам, т.е. они распространены в Карпато-Дунайской зоне интерференции и зафиксированы в большинстве языков Балканского и Карпатского регионов: *бринза* / *бриндз'а*, *малай*, *зер* / *дзер*, *ýрда* / *вýрда* / (*w*)*ýрда*, *кулáстра* / *кул'áстра* / *кул'эстра*, *плацúнта* / *пл'ач'úнта* и т.д. Другая группа – лексемы-карпатизмы, распространенные в диалектах языков Карпатской зоны: *будз*, *зáма* / *дз'áма*, *к"аг* / *гл'аг* / *т"яг* и др.

Значительная часть заимствованной лексики бездублетна. Это, как правило, номены, общие для говоров карпато-балканского региона: *малай*, *мамалúга*, *зер* / *дзер*, *ýрда*, *гл'аг* / *т"аг*, *кул'áстра* и т. д. Другие восточнороманские заимствования функционируют параллельно со словами украинского – и шире – славянского (либо неславянского) происхождения, создавая разветвленный синонимический ряд: *пи'р'ижóк* – *пал'анúца* – *варзár'* – *плацúнта* / *пл'ач'úнта*. Некоторые лексемы выступают как абсолютные синонимы: *пóма* – *виногрáд*; *патлажáни* – *пом'íдóри*; *зер* / *дзер* – *си'рóватка* – *лáхта*; *молóзиво* – *кул'áстра*. Идеографические синонимы отличаются оттенками значения: *кол'ач'* – *пóдур'* – *помáна*; *бáйда* (кусок хлеба) – *букáта* (кусок ч. либо, в том числе и хлеба) – *окрáйок* (крайний, первый кусок хлеба).

Заимствованные слова, приспособившись к местным говорам, изменили свое фонетическое и грамматическое оформление, отдельные лексемы расширили или сузили, а некоторые полностью изменили значение. Интересные процессы наблюдаются и в области словообразования: *мамал'ич'ка*, *букáтка*, *гл'агúшка*, *загл'агáти*, *гл'агáти*, *помушáра* и т.д.

К наиболее древним относятся заимствования, связанные с животноводством, особенно овцеводством, а также древние заимствования бытовой лексики. Они датируются XIV - XVII вв. Например, слово *буката*, зафиксированное в гуцульских, покутских, буковинских, северобессарабских, подольских говорах. В словаре Гринченко, по источникам из Гуцульщины, помимо других, встречаются и такие значения этого слова: *буката*, *букаты* – кусок («*втяла букати сира*» (Шухевич); уменьш. *букатка* («*Прийде нам сi без Букатка хлiба про-*

падати» (Етнограф. збірник НТШ) (Сл.Гр., 1, 108). В письменних пам'ятниках слово фіксується, починаючи з XV в. (в формі м. р. *букаты* з 1452 г.), а також в формі ж.р. – в подавляючому більшості пам'ятників XV – XVIII вв. Слово це використовувалося також в старопольському мові (н.ф. *bukat* – кусок, штука), в білоруському мові в значенні *булка, випечений хліб*, а також в суміжних з українськими діалектами російського мові в значеннях: *хліб, булка, чорний хліб; кусок, лопать; кусок м'яса, бурлацька пайка, хліб* (ЕСУМ, 1, 285).

Висновки. Процеси лексических запозичувань і взаємодій в українських мовах Республіки Молдова обумовлені об'єктивними історическими і соціальними умовами довготривалого спільного проживання з молдаванами, мають давні корені і продовжуються в нинішнє час. Основа тематическої групи лексики, позначаючої їжу і напої, складає український субстрат. Простішка східнороманських запозичувань достатньо вагома, але не однорідна як з точки зору походження, так і часу проникнення, і території поширення. Запозичені назви повністю пристосувалися до діалектних систем на всіх мовних рівнях і сприймаються носіями мов як місцеві, присутні в їх місцевості, відображаючи особливості матеріальної і духовної культури українців Молдови.

Література і джерела

1. Артюх, Л. Ф. Їжа та харчування // Поділля. Історико-етнографічне дослідження. – Київ, 1994.
2. Артюх, Л.Ф. Народне харчування українців та росіян північно-східних районів України. – Київ, 1982.
3. Артюх, Л.Ф. Українська народна кулінарія. – Київ, 1977.
4. Артюх, Л.Ф., Яровая В.А. Їжа // Українсько-молдавські етнокультурні зв'язки в період соціалізму. – Київ, 1987. С. 136-155.
5. Борисенко, В.К. Повсякденна їжа та ритуальні страви // Холмщина і Підляшшя. Історико-етнографічне дослідження. – Київ, 1997.
6. Волков, Ф. Етнографіческі особливості українського народу // Український народ в його минулому і нинішньому. Пг., 1916. Т.2.
7. Волошинова, М.О. Назви страв із борошна в українських східнослов'янських говірках. // Лінгвістика. 2011, № 1 (22). С. 33-42.
8. Східнослов'янсько-східнороманські мовні, літературні і фольклорні зв'язки: Тезиси доповідей і повідомлень міжвузівської наукової конференції 11 – 16 жовтня 1966 г. – Чернівці, 1966.
9. Східнослов'янсько-молдавські мовні зв'язки. Кн. 2. – Кишинів, 1967.

10. Ганудель, З.Т. Бытовая лексика украинских говоров Восточной Словакии (названия пищи, посуды и утвари): автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.02 „Украинский язык”. – Киев, 1980.
11. Герман, К.Ф. Розвиток лексики українських говірок Буковини в ХХ столітті // Науковий вісник Чернівецького університету. Вип. 428-429. Слов'янська філологія. 2008. С. 10-16.
12. Герман, К.Ф. Українські говірки Північної Буковини. – Чернівці, 1995.
13. Головач, Н.М. Румунізми як особлива група лексичних запозичень в українській мові та їх відображення в «Словарі української мови» Б. Грінченка//Лінгвістика. Збірник наукових праць. №3 (15).– Луганськ, 2008. С. 169-178. http://alma-mater.luguniv.edu.ua/electron_versions/linguistics/3-2008.pdf
14. Голуб, В., Сорочинский И. Иванча. Страницы истории села. – Орхей, 2001.
15. Гонтар, Т.О. Народне харчування українців Карпат. – Київ, 1979.
16. Гонтар, Т.О. Харчування // Бойківщина. Історико-етнографічне дослідження. – Київ, 1983.
17. Гонтар, Т.О. Харчування // Гуцульщина. Історико-етнографічне дослідження. – Київ, 1987.
18. Гриценко, П.Ю. Моделювання системи діалектної лексики. – Київ, 1984.
19. Грінченко, Б.Д. Словарь української мови. Т. 1–4. К., 1907–1909 (Репринтне видання). – Київ, 1996.
20. Гуйванюк, Н. Соціально маркована лексика у «Словнику буковинських говірок». // Науковий вісник Чернівецького університету. 2008. Вип. 428–429. Слов'янська філологія. С. 18–23.
21. Гоца, Е.Д. Назви їжі й кухонного начиння в українських карпатських говорах. – Ужгород, 2010.
22. Даньківська, Р. Етнографічне дослідження українських обрядових печив // Науковий збірник Харківської науково-дослідчої кафедри історії української культури. – Харків, 1926. Ч. 2–3.
23. Дикціоннар діалектал (кувинте, сенсурь, форме) у 5 т. / Ред. респонсабил Удлер Р.В. I (А–Г).– Кишинэу, 1985.
24. Дикціоннар діалектал (кувинте, сенсурь, форме) у 5 т. / Ред. респонсабил Удлер Р.В. II (Д–К). – Кишинэу, 1985.
25. Дикціоннар діалектал (кувинте, сенсурь, форме) у 5 т. / Ред. респонсабил Удлер Р.В. III (Л–П /Прас/). – Кишинэу, 1986.
26. Дикціоннар діалектал (кувинте, сенсурь, форме) у 5 т. / Ред. респонсабил Удлер Р.В. IV (П /Прасади кы/ – Т). – Кишинэу, 1986.
27. Дикціоннар діалектал (кувинте, сенсурь, форме) у 5 т. / Ред. респонсабил Удлер Р.В. V. (У– Я). – Кишинэу, 1986.
28. Дзендзелівський Й.О. До питання про румунізми в говорах Закарпатської області // Доповіді та повідомлення Ужгородського ун-ту. Серія філологічна. – Ужгород, 1959. № 4.
29. Етимологічний словник української мови: у 7 т. [редкол.: О.С. Мельничук (голов. ред.) та ін.]. – Київ, : Т. 1 (А – Г). 1982; Т. 2 (Д – Копці). 1985; Т. 3 (Кора – М). 1989; Т. 4 (Н – П). 2003; Т. 5 (Р – Т). 2006.
30. Карасева, Т.В. Названия пищи в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2004.

31. Кожолянюк, Г.К. Народна їжа // Етнографія Буковини. Т.1. – Чернівці, 1999. С. 313-356.
32. Кожухар, В.Г. Традиційно-побутова культура українців Бессарабії в романах К.Ф. Поповича // Академик Константин Попович. Человек. Ученый. Писатель. – Chişinău, 2006. С. 472–480.
33. Кожухар, В., Кожухар К. Матеріальна культура українців лівобережного Придністров'я (одяг, їжа і харчування). Ежегодник Института межнациональных исследований. Т.V. – Кишинев, 2004. С. 89–97.
34. Кожухар, В.Г., Кожухар, К.С. Матеріальна культура і господарство українців та їх відображення у говірці села Воронкове // Українці Придністров'я. Матеріали етнографічних досліджень. Вип.1. – Одеса, 2005. С. 41–82.
35. Кожухар, К.С. Елементи місцевої говірки в романах К.Ф. Поповича // Constantin Popovici. Scrieri alese. Ступени творчества. – Chişinău, 2010. С. 86-106.
36. Кожухарь, Е.С. Восточнороманский компонент в украинских говорах севера Молдовы // Славянские культуры в инонациональной среде. – Кишинев, 1995. С. 154–157.
37. Кожухарь, Е.С. Украинский говор села Дану // В земле наши корни (История, традиции и фольклор сел Дану, Николаевка и Каменкуца Глоденского р-на. – Кишинев, 1996. С. 117–132.
38. Кожухарь Е.С Украинские говоры севера Молдовы // Ежегодник Института межнациональных исследований Академии наук Республики Молдова. Т. 1. – Кишинев, 2000. С. 112–127.
39. Козырева, З.Г. История названий продуктов питания и пищи в украинском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.02 „Языки народов СССР (украинский язык)”. – Киев, 1984.
40. Крижко, О.А. Розвиток семантики побутової лексики українських літописів кінця XVII – поч. XVIII ст. (назви їжі, напоїв, продуктів харчування): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 „Українська мова” / О.А. Крижко. – Київ, 1997.
41. Кьорян, Г.В. Романізми в українських говорах Хустщини: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 „Українська мова”. – Київ, 2001.
42. Левченко, М. Несколько данных о жилище и пище южнороссов // Записки Юго-западного отдела Географического общества. Т.2 за 1874 г. – Киев, 1875.
43. Мандебура, О. Традиційне харчування поліщуків: повсякденна їжа // Полісся України. Матеріали історико-етнографічного дослідження // У межиріччя Ужа і Тетерева. – Львів, 2003.
44. Маркевич, В. Обычаи, поверья, кухни и напитки малороссиян. – Киев, 1860.
45. Невойт, В.И. Названия пищи и продуктов питания в древнерусском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.01 „Русский язык”. – Киев, 1986.

46. Павел, В.К. Терминология агроколэ молдовеняскэ: студиу де жоеографие лингвистикэ. – Кишинэу, 1973.
47. Прокопенко, В.А. Назви одягу, взуття та головних уборів у буковинських говірках // Питання історії та діалектології східнослов'янських мов: Наук. зап. ЧДУ. Т. XLII. Кн. 2. Серія філол. наук. Вип. 11. – Львів, 1961.
48. Прокопенко, В.А. Областной словарь буковинских говоров // Карпатская диалектология и ономастика (Сб. ст.). Отв. ред. Г.П. Клепикова. – М., 1972. С. 411-477.
49. Робчук, І. Вплив української мови на румунську лексику // Іван Робчук. Студії і статті. – Бухарест, 1999. С. 255-260.
50. Романчук, А., Тащи, И. Ранняя история украинского села Булаешты. В контексте истории Молдовы (XIV – начало XVIII вв. от Р.Х.). – Кишинев, 2010.
51. Семчинський, С.В. Лексичні запозичення з російської та української мов у румунській мові. – Київ, 1958.
52. Сергиевский, М.В. Молдаво-славянские этюды. – М., 1959.
53. Словник української мови: в 11 т. – Київ, 1970–1980.
54. Сумцов, Н.Ф. Хлеб в обрядах и песнях. – Харьков, 1885.
55. Ткач, Л. Соціолінгвістичні аспекти дослідження міжмовних взаємин та шляхи лексичних запозичень в українську мову з румунської та угорської мов. // Науковий вісник Чернівецького університету. 2008. Вип. 428–429. Слов'янська філологія.
56. Ткач, Л. Українська літературна мова на Буковині в кінці XIX – на початку XX ст. Ч. 2: Джерела і соціокультурні чинники розвитку. – Чернівці, 2007.
57. Турчин, Е.Д. Лексика питання в українських восточнополесских говорах: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. філол. наук: спец. 10.02.02 „Український язык”. – Київ, 1990.
58. Удлер, Р., Раевский, Н. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базе де лате лингвистиче. – Кишинэу, 1988.
59. Яровая, В.А. Взаимовлияния в народной пище молдаван и украинцев северных районов ССР Молдова // Археология, этнография и искусствоведение Молдовы: Итоги и преспективы. – Кишинев, 1990. С. 130–135.
60. Яценко, С.А. Назви продуктів харчування, страв і напоїв в українській мові XIV – XVII століть: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 „Українська мова”. – Київ, 2009.
61. Vrabie, E. Elemente lexicale românești în ucraineană (Pe baza Dicționarului etimologic al limbii ucrainene de J. B. Rudnyc'kyj) // Analele Universității București: Limbi slave, anul XXI, 1973, p. 153–160.
62. Cojuhari, E. Împrumuturi estromanice în numele de alimente și ustensile în dialecte ucrainene din Republica Moldova. În: Rezumatele comunicărilor Conferinței științifice cu participare internațională (ediția a V-a), 22-24 mai 2013. – Chișinău, 2013. С. 44.
63. Cojuhari, E. Pastele făinoase în sistemul alimentar al ucrainenilor din Republica Moldova: nominația tradițională regională // Conferința științifică cu participare internațională «Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei, și studiului artelor».

- Chișinău, 31 mai – 1 iunie 2012. Rezumatele comunicărilor. Chișinău, 2012. C. 45-46.
64. Dicționar explicativ al limbii române, Ediția a II-a. – București, 1998.
65. Dicționar român-ucrainean. Румунсько-український словник. – Бухарест-Чернівці, 1964.
66. Nicoglo, D. Unele particularități ale tradițiilor alimentare ale ucrainenilor din Republica Moldova (în baze investigațiilor de teren) //Revista de etnologie și culturologie.V. XI-XII. – Chișinău, 2012. P. 14-23.
67. Noul dicționar universal al limbii române / [Ioan Oprea, Carmen-Gabriela Pamfil, Rodica Radu, Victoria Zăstroiu]. ed. a 2-a. – București–Chișinău, 2007.
68. Robciuk, I. Raporturile lingvistice romîno-ucrainene. – București, 1996.
69. Rosetti, Al. Istoria limbii române. Vol. V. Limbile vecine: maghiara, ucraineana, polona, slovacă, albaneză, bulgară, sârbo-croată. Expansiunea limbilor române. – București, 1966. P. 101–130.
70. Vinereanu, M. Dicționar etimologic al limbii române pe baza cercetărilor de indo-europenistica. – București, 2009.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ: ТЕОРИЯ И ЛИНГВОПОЭТИКА

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ФОЛЬКЛОРНОМ СОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)

*Друмя Луминица Харлампиевна,
доктор филологии,
старший научный сотрудник
(Кишинев, Республика Молдова)*

*Зайковская Татьяна Викторовна,
доктор филологии,
ведущий научный сотрудник
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. Цвет занимает важное место среди главных и обязательных элементов культуры, ее констант, способных содействовать пониманию модели ее развития, отражающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только архетипических, но и национально окрашенных культурно-значимых концептов. В фольклорных произведениях происходит осмысление человеческого в природном (особенно ярко об этом свидетельствует такой излюбленный прием песенного жанра, как параллелизм). Цвет стал не только средством выражения эстетического отношения к природе, но и средством выражения внутреннего мира человека. Будучи постоянным компонентом культуры, цветообозначения обрастают разветвленной системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, становятся воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей.

Ключевые слова: культура, фольклор, фольклорное сознание, символика, цвет, нравственно-эстетические ценности.

COLOR SYMBOLISM IN FOLKLORE CONSCIOUSNESS (ON THE BASIS OF THE WORKS OF THE RUSSIAN FOLKLORE IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA)

Abstract. Color plays very important role among the main and compulsory elements of culture, it's constants, which facilitate for understanding a development model of culture, reveals the ways of forming and using in cultural memory not only archetypical, but also cultural concepts with the national component. In Folklore works human feelings and human world are presented through world of nature (for

example, the role of «parallelism» in the Russian songs). Now color is not only possibility to express esthetic attitude to nature, but an opportunity to reveal the inner world of a person. Color, as the constant component of culture, has a system with different associations, semantic values, interpretations and moral and esthetic values.

Key words: culture, folk-lore, folk-lore consciousness, symbolism, color, moral and esthetic values.

SIMBOLICA CULORII ÎN ALGIA TRADIȚIILOR FOLCLORICE (CU REFERIRE LA EXEMPLE DIN CREAȚIA POPULARĂ RUSĂ DIN REPUBLICA MOLDOVA)

Adnotare. Culoarea ocupă un loc important printre elementele principale și obligatorii ale culturii, fiind constantul ei, capabil să impulsioneze receptarea modelelor ei de dezvoltare, modele, care reflectă căile de formare, asimilare, fortificare în memoria culturală nu numai a unor concepte arhetipice și de coloratură națională. În creațiile folclorice adeseori interpretarea fenomenelor umane se produce fie cu sprijinul, fie integral în mediul naturii. Culoarea a devenit nu numai mijloc de contaminare estetică cu natura, dar și instrument de exprimare a lumii interioare a omului. Fiind o componentă a culturii, tirajele coloristice se contopesc cu un sistem ramificat de asociații, nuanțe de sens, interpretări, devenind în ultimă instanță o expresie și o sinteză semnificativă a multiplelor valori esteticul-morale.

Cuvinte cheie: cultura, folclor, conștiință folclorică, simbolică, culoare, valori esteticul-morale.

*Ночка тёмная, роза синяя,
Головка ж моя распобедная.
С кем же я буду ночку ночевать?
(Богомольная, 1968, № 29)*

Цвет является одним из главных и обязательных элементов культуры, ее констант, способных содействовать пониманию модели ее развития, отражающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только архетипических, но и национально окрашенных культурно-значимых концептов. Будучи постоянным компонентом культуры, цветообозначения обрастают разветвленной системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, становятся воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей. Говоря о смысле цвета в культуре, в том числе в фольклоре, исследователи употребляют понятия «семантика», «символика», «информативность», оперируют категориями «миф», «символ», «образ». Видимо, такое обилие терминов связано с тем, что проходя сквозь время, цвет становится выразителем огромного смыслового потенциала. Однако на современном этапе раз-

вития науки совершенно очевидна необходимость в более строгих терминах и их определениях.

В фольклорных произведениях происходит осмысление человеческого в природном (особенно ярко об этом свидетельствует такой излюбленный прием песенного жанра, как параллелизм, – см. ниже). Цвет на этом этапе стал не только средством выражения эстетического отношения к природе, но и средством выражения внутреннего мира человека. Так, традиционная формула «туманно красно солнышко, туманно» указывает не только на противопоставление света и тьмы, но и на психологическое состояние человека: смену радости грустью. Мрак, туман, чернота – знаки печали. Эпитет *черный* становится эпитетом-метафорой: *черная тоска, черная кручина*. Подобное использование цвета отражает стремление к предельной конкретности, «зримости» переживания. Такие эпитеты очень эффективны в смысле тона, яркости ощущения: *«Цветовые образы со временем теряют познавательное значение как открывающие мир, но они приобретают эстетическое и шире – духовное значение как выражающее внутренний мир человека. Цвет-миф становится метафорой: гносеологическая, магическая, сакральная функции цвета сменяются нравственно-эстетической и символической. Цвет из оценки, в которой сливаются материальное и духовное, превращается в оценку чисто духовную, не имеющую материальной основы и базирующуюся на переносном значении (золотое сердце, черная душа, красная девица). Красота цвета выступает как духовная сторона материи, идеал, чувственно воплощенный»* [2, 21].

При рассмотрении фольклорных произведений становится очевидным, что далеко не все цвета спектра в них используются. Среди выявленных цветообозначений находятся следующие (расположены по убывающей в соответствии с частотностью):

- *зеленый,*
- *красный/алый/червонный,*
- *белый,*
- *золотой/желтый,*
- *синий/голубой/лазоревый,*
- *серый/сизый,*
- *черный.*

*По той травке цвели цветы,
Ой, барыня, барыня, сударыня-барыня.
Цвели цветы **желтым** цветом,
Ой, барыня, барыня, сударыня-барыня.*

*Что по травке-травычке, было по муравке,
Люли, люли, люли, по муравке.
По **зелёной** травычке мольдец гуляет,
Люли, люли, люли, ды гуляет.*

*Желтым цветом, **разорливым**,
Ой, барыня, барыня, сударыня-
барыня.*
(Архив авторов – далее АА, Бельчен-
кова
Инна Митрофановна, Покровка, 2011,
Там на поле, на поляне)

*Что за лесу, лесу темныва,
Эй, и за садика **зеленыва**,
Эй, улетали там два стадийка,
Эй, одно стадо – гуси **серые**,
Эй, другое – лебедь **белыя**.
Эй, отлучилася лебедушка,
Эй, прилучилася к **серым** гусям.*
(Богомольная, 1968, № 77,
Что за лесу, лесу темныва)

*Кличет, выкликает **красную** девчон-
ку.*
(Савельева, 1998, № 34,
Что по травке)

*Щей до дому не дошел,
Вже причинушку нашёл.
Не велика причинá,
Не готова вечерá.
Как ударил по личкú,
По румяном яблочкú.
Полилася **ала** кровь,
По вышиванном рукаву.
Не так жалко рукава,
Жалко **белого** лица.*
(АА, Серёжникова Улита Харитонов-
на,
с. Старая Добруджа, 2012,
Была в мати одна дочь)

Иногда наблюдается так называемая двойная цветовая характеристика – проявление цвета не только в прилагательном, характеризующем предмет, но и в самом предмете: *белые белила, алые румянца*.

В ряде случаев зафиксировано несколько необычное употребление различных цветообозначений, например, *алый, зеленый*:

*Цвела, цвела липушка алыми цветами,
Люли да люлешеньки, алыми цветами.
Обсыпалась липушка утреми зырями.*
(Савельева, 1998, № 15, *Цвела,
цвела липушка*)

*За собой провёл Натальюшку-душу,
(2 раза)
За собой провёл
Васильевну.
Она несла (2 раза)
Она несла бутылъ **зелена вина**,
(2 раза)
Под полою (2 раза)
Под полою **гарнитуровый** платок.
(2 раза)
(Рыльская Мария Карповна,
с. Покровка, 2011, *От терема до те-
рема*)*

Если обобщить сведения различных словарей, то алый цвет – это яркий оттенок красного. Он отличается от истинно красного уклоном в оранжевый цвет, поэтому чисто красный воспринимается холоднее алого. Традиционно связывается с цветом пламени, иногда – с цве-

том человеческой крови, губ (уст). Известно, что соцветия липы желтого цвета. Трудно предположить, чтобы носителям фольклора это было неизвестно. Поэтому вызывает недоумение, почему в вышеприведенном примере эти цветки обозначены как алые. Данный момент требует пояснения.

Относительно второго словосочетания, характерного для народного устнопоэтического творчества, – *зелено вино*, в котором цветообозначение является постоянным эпитетом, следует отметить, что, как ни странно, речь идет вовсе не о вине в том смысле, в каком привыкли понимать это слово носители русского литературного языка.

Обратимся к *Фразеологическому словарю русского литературного языка* под редакцией А.И. Фёдорова [8]: «**Зелёное (зелено) вино. Прост. водка.** – Гордей Евстратыч в первый раз был на винном заводе и в первый раз видел все процессы, как из ржи получалось зелёное вино (Мамин-Сибиряк. *Дикое счастье*). – Ты ведь что-нибудь кланчить приехал?.. А прежде чем кланчить, угостить надо канцелярскую крысу, ублажить подъячего зелёным вином (В. Шугаев. *Помолвка в Боготоле*). С утра до вечера звенел по слободе её голос, клянущий и сулящий всякие нелёгкие, и умолкал только тогда, когда зелено вино угомоняло её до потери сознания (Салтыков-Щедрин. *История одного города*)». Как видим, в данной словарной статье приведены примеры не из фольклорных произведений, а из литературной классики, причем рассматриваемое словосочетание дано с пометой *просторечное*, то есть в просторечии сохранилось его старинное значение.

Одна из версий этимологии данного словосочетания изложена в работе Г.В. Судакова: «*Ароматные водки настаивались на естественном сырье, имеющем лечебные свойства, поэтому они могли служить и лекарством... Довольно рано русские стали использовать водку и как хмельной напиток... Водки ароматизировали, старались придать какой-то цвет... Отсюда пошло выражение зелено-вино – это **зельено** (выделено нами – авт.) вино, то есть „с зельем“ – хмелем, зверобоем и иными травами» [7, 76-77].*

Уже при первичном анализе наблюдается достаточно отчетливое проявление национальной составляющей в семантике цвета, в частности, predetermined природными условиями развития русской культуры в целом. Так, вследствие преобладания сурового климата особенно ценится тепло солнца и связанного с ним растительного мира, поэтому одной из наиболее характерных черт русского фольклора является предпочтение цвета растительности – зеленого, а также ярких, светлых (свет – один из важнейших концептов русского языкового и фольклорного сознания; в данном контексте уместно упомянуть и часто

встречающиеся в народнопоэтических произведениях эпитеты к антропонимам – *свет-Федор господин, свет-Настасьюшка душа* и др. как выражение высокой оценки и особого расположения к человеку) цветов – белого (считается символом чистоты, совершенства, мира и взаимопонимания), красного (символ девичьей красоты, любви и счастья), желтого/золотого (символ богатства, стабильности, уважения и жизненного тепла). Они отличаются богатой и разнообразной семантикой и служат одним из средств воплощения идеала, эталона: *лицо белое, грудь белая, руки белые, красный двор, красное крылечко, золотая нива, золотые весла, золотые ключи* и т.п.

Например:

*На дороге верба рбсла,
Там стояла девка **красна**.
Она **краснощёка** и красива,
Её доля несчастлива.
(На дороге верба росла., Придорожная Елена, Кунича, 2011)*

*Ходит солнушко весело за лесом,
Ой-да люли, все по-за лесом,
Ходит и свет-Марьюшка,
Золотыми ключами все побряцывает,
Ой-да люли, помахивает.
(Богомольная, 1968, № 82, *Ходит солнушко весело за лесом...*)*

*Голубочек сел на теремочек,
С теремочка опустил на **красно крылечко**,
А с **красного крылечка** ко мне на окошко.
(Богомольная, 1968, № 37,
Во лесочку комарочку много уродилось...)*

*Навела она **красных девушек**
Полный дом, ды полный дом.
<...>
Как на девушках **рубашечки белые-белые**,
А на мне, молодой, ды белей всех.
(АА, Щербакова Наталия Лактионовна,
с. Покровка, 2011, *Навела она красных девушек*)*

Белый цвет, как уже отмечалось, – это символ чистоты, совершенства, мира и взаимопонимания. Отсюда часто встречающиеся выражения *белое лицо, белый свет, белая рубашка, махнула белым платком*, поэтому так частотны в песнях образы *белой березы* и *белой черемухи*. Его связь со светом прочнее всего. Впрочем, отметим попутно, А. Потебня считает, что так или иначе практически все цвета связаны со светом.

Черный зафиксирован сравнительно редко – в описаниях пространства, деталей костюма, в портретных характеристиках, и т.д.:

Русы кудри завидные,
Чёрны брови наводные,
Дружка карие глаза,
Распрелестны словеса.
(Богомольная, 1968, № 16, Из-под
зорьки, с-под зари)

Потолки черные со пыли,
Лавочки кипарисовые,
Два вокошки грамчастные,
На тех вокошках стояли два блюда,
Два блюдечка серебряные.
(Богомольная, 1968, № 97, Потолки
черные со пыли...)

Прим. Р.А. Богомольной: «Грамчаст-
ные – очевидно, имеется в виду окно с
частым переплетом».

Машет он рукой, рукой правой,
Шляпой чёрной.
– Милая моя, перейди сюда.
– Рада перейти, переходу нет.
(Богомольная, 1968, № 29,
Ночка тёмная, роза синяя)

Катя, Катя, Катерина, был я вчора у
тебя,
На кровати просидел, у перины про-
лежал,
У перины **чёрна шаль**, одеяло ле-
жит.
(Богомольная, 1968, № 15,
Катя, Катя, Катерина)

Более частотное значение черного цвета, выраженное в глаголах
(в том числе символическое), или же его аналогах, например, *вороной*
(конь):

А свекрушенька сидит, мому мужу
говорит:
– Уж ты, сынок, и жоночку не
бьёшь?
– А за что её бить, когда ды век с
ней прожить?
Когда ударил её раз – она **почерне-
ла**,
А стал плакать и рыдать – она **по-
белела**. (Богомольная, 1968, № 53, Уж
ты маков цвет, завязал мене век)

Только паруса белеют,
Бабаечки зеленеют,
На гребцах шапки **чернеют**.
– Гребить, братцы, не робейте,
Белых ручек не жалейте.
(Богомольная, 1968, № 1, Вниз по
матушке по Волге)
(Прим. Р.А. Богомольной: Бабаечки
– вёсла).

В представленных выше примерах из песен передано символическое противопоставление *чёрный* – *белый*, использование которых в одном контексте позволяет оттенить значение каждого из компонентов.

Говорят люди, что он не пьет,
А и он что утро – со корчмы идет.
(2 раза)
Как пропил **коня вороного**. (2 раза)
Так берется он за другого. (2 раза)

Как и увидела её маменька, скричала.
Как и вырвала **чернобыль** травы со ко-
реня,
Как и вдарила **вороного коня** по ребрам.
Не досталось вороному коню по ребрам,

(АА, Бельченкова Инна Митрофановна, с. Покровка, 2011, *Говорят люди, что он не пьет*)

*Как досталось ды Ягорушке по кудрям,
Как досталось Кондратьевичу по русям.*
(Савельева, 1998, № 6, *Да что тёмная да осенняя ночушка*)

Следует отметить, что в мировидении носителей русского фольклора Молдовы кони почти неизменно вороные, причем образ коней обладает особой значимостью в устном народнопоэтическом творчестве и представлены в многочисленных песнях. Зафиксированы редчайшие случаи наличия коней иной масти:

*Приходил к нему товарищ, позавидовал ему:
«Если б эта девица да мене, молодцу,
Я б её не ругал, я б её не бранил,
Я б её летом, летом на колясочках возил,
А зимой, а зимой на санях-козырях,
На буланных лошадях».*
(Богомольная, 1968, № 70, *Как за речкой, за рекой*)

В известном смысле с точки зрения символики (ср. *черный* – *белый*) к эпитету *черный* примыкает *темный* (как антоним слова *светлый*), который отмечен в рассмотренных произведениях несравненно чаще:

*Из-за лесуку, лесу тёмныва,
Вой ли, вой люли, лесу тёмныва,
Из-за садику, з-за зелёныва
Выходила к им туча грозныя,
Туча грозная, непохожая.
Что за той тучей шли два молодца,
Они шли-прошли, становилися,
Между собою разбранилися.*
(Савельева, 1998, № 36, *Из-за лесуку*)

*Не за лесом то было, леса тёмного,
Не за садиком было, да зелёного,
Уезжал брат-майор со майоршею,
Увозил брат-майор двести радужных,
Двести радужных невесёлых,
Молодых-то ребят во солдатушки
брать.*
(Храпченкова Васса Полуэктовна, Старая Добруджа, 2011, *Не за лесом то было, леса тёмного*)

В обоих примерах описываются неприятные, мрачные ситуации (в первом случае спор двух молодцев, во втором – отправление в дорогу за новым рекрутским набором), негативность которых, наряду с другими средствами, использованными в данных контекстах, подчеркивается также и словом *темный*.

Вместе с тем, как было подчеркнута, *черный* цвет, связанный с символикой мрака, холода, смерти, употребляется сравнительно редко, характеризуя явления, противопоставленные основополагающим ценно-

стям русской культуры: родной земле, миру природы, огню домашнего очага, счастливому состоянию человека.

Что касается синего цвета, то он, прежде всего, тесно увязывается с водной стихией, а именно с морем, выступая в функции постоянного эпитета:

*Где matka плакала,
Там **синя море**,
Ох, да люли, люли,
Там **синя море**.
Где сестра плакала,
Там **быстра река**,
Ох, да люли, люли,
Там **быстра река**.
(АА, Бельченкова Инна Митрофановна,
с. Покровка, 2011, *Стрела*)*

*В воскресенье рано
Сине море играло,
Анна воду брала,
В море потопáла,
Тятеньке гукала:
– Ой, тятенька, горе,
Рятуй мене с моря.
(АА, Серёжникова Улита Харитоновна,
с. Старая Добруджа, 2012,
В воскресенье рано)*

Море является одним из локусов фольклорного пространства, наряду с другими, такими как *лес, сад, луг, поле*.

Заметим, между прочим, что река (тоже водная стихия) в видении носителей фольклора чаще всего является *быстрой, буйной* (см. также и вышеприведенный пример от информатора И.М. Бельченковой), которая, что часто специально подчеркивается, не течет, а бежит, то есть подчеркивается динамичность движения воды, а цвет отступает на задний план:

*Отвечал ей казак молодой:
– Я осётра ловил под водой,
Буйна речка, быстра, не поймал осетра,
Зачерпнул я воды сапогом.
(АА, Придорожнова Елена, с. Кунича,
2011, *Шел казак на побывку домой*).*

***Бежит реченька, бежит быстрая**
Скóчу-перескóчу. (2 раза)
Отдай, маменька, отдай, рóдная,
За кого я схочу. (2 раза)
(АА, Килимник Галина Агафоновна, с. Покровка, 2011, *Бежит реченька*)*

Встречаются и другие случаи использования данного цветообозначения, в том числе совсем неожиданные и труднообъяснимые:

*Ночка тёмная, **роза синяя**,
Головка ж моя распобедная.
С кем же я буду ночку ночевать?
(Богомольная, 1968, № 29, *Ночка темная, роза синяя*)*

Одним из предположений может быть следующее: этот необычный образ связан с чисто физическим зрительным восприятием – в темную ночь светлая роза кажется синей.

В то же время один из оттенков синего цвета – голубой – выражен в произведениях народного устнопоэтического творчества двумя лексемами – *лазоревый* и *голубой*. Первый последовательно выступает в качестве постоянного эпитета к словам *цветок*, *цветы*, *цветик* и т. п. В *Словаре русского языка* под редакцией Н.Ю. Шведовой [5] приводится следующее определение этого слова: «**Лазоревый** – в народной словесности: голубой, лазурный. Лазоревый цветок». Интересно, что и в словаре приведен пример словосочетания, в которое входит слово *цветок*. В фольклорной символике лазоревый считается цветом радости.

В русских народных песнях, записанных на территории Республики Молдова, зачастую отмечены варианты этого эпитета, образованные на основе метатезы – перестановки слогов, а также с помощью изменения суффикса:

*По той травке цвели цветы,
Ой, барыня, барыня, сударыня-барыня.
Цвели цветы желтым цветом,
Ой, барыня, барыня, сударыня-барыня.
Желтым цветом, **разорливым**,
Ой, барыня, барыня, сударыня-барыня.
(АА, Бельченкова Инна Митрофановна,
Покровка, 2011, Там на поле, на поляне)*

*Сады мои, сады зелёные,
а в садах цветы **лазорливые**
(Богомольная, 1968, № 84,
Вот на горочке)*

*Пойду с горя во зелёнький садок,
Пойду с горя во зелёнький садок,
Срублю-сломлю я гербовенький листок
<...> а навстречу мил дружок:
– Здравствуй, здравствуй,
Мой **разорливый** цветок.
(Богомольная, 1968, № 25, Где б я,
где б я со досадушки пошла)*

*Василь ты мой,
Василь ты мой, василёчек,
Лазорливый,
Лазорливый мой цветочек.
Сорву цветок, совью веночек.
(Савельева, 1998, № 32,
Василь ты мой, василёк)*

Лазоревый является постоянным эпитетом к слову *цветок*. Данное цветообозначение обладает «частной семантикой несбыточности» [4].

Еще один оттенок синего – голубой, тоже встречается редко (в отличие от сизого – постоянного эпитета к словам *голубок*, *голубчик*, *голубка* и т. п., поскольку сами они обладают большой частотностью, видимо, по причине важности места, занимаемого образом голубя в фольклорном сознании и сопряженной с ним символики:

*Генерал-порубушка – сизая голубушка,
Одна лента алая – печаль девке малая,
А другая голубая – пройдет славушка худая.
(Богомольная, 1968, № 7, Шагом, шагом на гору)*

Зеленый цвет в фольклорном пространстве связан с растениями (листвой, травой, лесом, садом, лугами и т. д.):

*На высоком на кургане
Растет травка зеленая.
Ой, барыня, барыня,
Сударыня-барыня.
(АА, Кубанцева Ахилия Артемовна,
с. Покровка, 2011)*

*Сполюбила парня молодого,
А его в рекруты взяли.
Ходила, гуляла в зелёном саду,
И всё щипала-рвала зелёный ви-
ноград
И отдала милому в терем.
(Богомольная, 1968, № 9, При до-
лине
да при широкой)*

*Спородила меня маменька
Во несчастный день, во пятницу,
В зелёном саду гуляючи,
Под грушею под зелёною,
Под яблоней под кудрявою.
(Богомольная, 1968, № 54, Спородила
меня маменька)*

*Спрятался месяц за тучи,
Не хочет по небе гулять,
Ишёл милый лугом зелёным,
А я шла крутым бережком.
Махнул ко мне правой рукою,
А я ему белым платком.
(АА, Шереметьева Татьяна Георги-
евна,
с. Егоровка, 2012, Спрятался месяц
за тучи)*

Одновременно многие из рассмотренных понятий обладают метафорическим значением, в ряде случаев, как это уже было показано, вырастая до уровня символа (например, зеленый – это символ молодости, веселья). Так, через образ *зеленого сада* выражается идея некоего микрокосма, с которым связаны положительные события, чувства, эмоции. С его помощью выражается идея *своего* пространства, где человек чувствует себя хорошо, спокойно и привольно. Кроме того, зеленый сад в русском фольклоре считается символом любви [3], что подтверждается вышеприведенными фрагментами песен. Как уже отмечалось, песенный фольклор пронизан символикой. Поэтому без знания смысла, который несет в себе тот или иной образ, порой трудно понять некоторые песни. Так, в приведенной ниже песне вначале прямо сказано, что девушке Маше запрещали гулять по улице и встречаться с «молодчиком». А когда она нарушила запрет – наказали. Однако далее не сразу можно разобраться, почему отец бранил девушку за то, что она пошла в зеленый сад и нашла там серебро и золото:

Не велят Маше по улице бродить, (2 раза)
Не приказано мне молодчика любить. (2 раза)
Парень молодой,
Любитель дорогой. (2 раза)
Только ж есть на свете любовь горяча,
Вечор Машеньку прибили за тебя,
За тебя, за вдалого молодца.
Что за те побои
Меня тятенька бранил, (2 раза)
Что за те побои
Три недели лежала. (2 раза)
На четвертую неделю
Во зеленый сад пошла. (2 раза)
Много злата, много серебра нашла.
Что за то серебро
Меня тятенька бранил. (2 раза)

Всё становится на свои места, если исходить из того, что зеленый сад, в частности, – это символ любви, золото – символ красоты, а серебро – символ слез. Так проясняется и вторая, закодированная, часть песни. Несмотря на то, что девушку «прибили» и побранили за нарушение запрета, она вновь, отлежавшись три недели, нарушает его. Однако в этот раз, помимо любви и красоты, она находит и слезы.

Поскольку цветообозначения несут в себе богатую символику, то не удивительно, что этими словами щедро пересыпаны песни свадебной обрядности, в которой отчасти заключены действия, связанные с инициальной магией, с надеждой молодых на будущую совместную жизнь в довольстве, мире и согласии:

Как с-под груши, с-под большой,
С-под кудрявой зеленой, д-калина, д-малина.
Он такой, такой, такой,
Не женатый – холостой, д-калина, д-малина.
Он покровский купец,
Он такой молодец, д-калина, д-малина.
(АА, Латышева Татьяна Ионовна, с. Покровка, 2011,
Как с-под груши, с-под большой)

Цветообозначения, ввиду их четко определенных символических значений, являются востребованными элементами и в частушках, лаконичность которых требует особой точности выражения мысли и

эмоции, а также нужной расстановки смысловых акцентов. Приведем несколько примеров, записанных в 2011 г. от информатора из с. Покровка И.М. Бельченковой:

*Я коровушку доила
Белую-пребелую.
Я такого ухажера
Из болота сделала.*

*Ой, беда, беда, беда,
В огороде лебеда,
Черёмуха белая,
Что любовь надела!*

*Я надену бело платье,
Замараю – вымою.
Отдаю подружку замуж
Самую любимую.*

*Скатерть бела, рыбу ела,
Сердцем рыбу видела.
Молодых всегда любила,
Мужа не обидела.*

В этих примерах цветообозначение *белый* использовано в одном из своих символических значений, а именно – для подчеркивания чистоты, непорочности (в некоторых случаях – с использованием неявного контрастного противопоставления).

Иносказательность в народной песне, основанной на поэтизации жизни, с течением времени приобрела устойчивость и получила выражение в образах-символах. В данной статье это продемонстрировано на примерах цветообозначений.

Литература

1. Богомольная, Р.А. Русская народная песня в Молдавии. – Кишинев, 1968.
2. Гмызина, Э.В. Цвет в культуре Древней Руси. – М., 2000.
3. Лазутин, С.Г. Поэтика русского фольклора. – М., 1981.
4. Копытов, Н.Ю. К семантике фитонимических символов в фольклорных текстах (на материале песенной традиции Карагайского района Пермской области) // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Мифология как система. 2005. www.ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm
5. Словарь русского языка. Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1990.
6. Савельева, Н.М. Народные песни русских поселений Молдовы и Украины. Вып. I. Песни и хороводы села Егоровка // Русская традиционная культура. – М.: Родникъ, 1998, № 6-8.
7. Судаков, Г.В. «Водка вину тётка» // Русская речь, 2003, № 1.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка. Под ред. А.И. Фёдорова. – М., 2008.

ПОРІВНЯННЯ В РОМАНІ ІВАНА БАГРЯНОГО «САД ГЕТСИМАНСЬКИЙ», ЇХ ФУНКЦІОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧНЕ ТА СТИЛІСТИЧНЕ НАВАНТАЖЕННЯ

*Туницька Марина Василівна,
доктор педагогіки, конференціар університар
(Бельці, Молдова)*

Анотація. В статті досліджується роль порівнянь в отриманні індивідуальної мовної картини світу Івана Багряного, зокрема, в його романі «Сад Гетсиманський». Проаналізована зв'язь семантики порівнянь з темою та ідеєю твору, особливу увагу приділяється порівнянням з біблійними образами.

Ключеві слова: семантичні типи порівнянь, індивідуальна картина світу, біблійські мотиви, стилістична роль порівнянь.

COMPARING THE NOVEL I. BAGRIANY "GARDEN GETSIMANSKY" FUNCTIONALLY- STYLISTIC AND SEMANTIC LOAD

Abstract. The article describes constructions in the literature language by Ivan Bagryany «The Getsiman's Garden», their role in creating theme and idea of his artist text. Special attention is given to comparatives with biblical characters.

Key words: comparisons, semantic types of comparisons, biblical characters, writer's style, comparisons is an artist tool to show the machine of destruction of million innocent individuals.

COMPARAȚIILE ÎN ROMANUL «САД ГЕТСИМАНСЬКИЙ» DE I. BAGREAN, VALORI FUNȚIONAL-SEMANTICE ȘI STILISTICE

Adnotare. În prezentul studiu este revelat rolul comparațiilor în tabloul individual lingual al lumii, în special în romanul «Сад Гетсиманський» de I. Bagrean. Autoarea analizează relația semantică a comparațiilor cu tema și idea operei literare, evidențiind, în deosebi, comparațiile cu motive biblice.

Cuvinte-cheie: comparație, semantică, motiv biblic, tablou individual al lumii, valoare stilistică.

Порівняння посідає особливе місце в мові та мисленні, адже допомагає класифікувати, упорядковувати, оцінювати довідки, що оточує людину. Якщо в повсякденному житті «не вистачає точного слова для позначення чого- або кого-небудь, ми частіш за все вдаємося до порівняння» [5, 174].

Порівняння є образним, наочним і експресивним художнім прийомом, саме тому в більшості випадків його визнають за краще, ніж розпливчаті описи. Зазначений троп характеризує точність уже тому, що *«кожен образ неповторний, індивідуальний, відокремлений»* [5, 175]. Звичайно, в порівняннях відбиваються етнічні та національні особливості (це пов'язано з поняттям менталітету, мовного типу особистості), а також часова та історична специфіка мовної картини світу.

Художній текст складається з образів, які знаходять своє вираження в різноманітних мовних засобах – від одного слова до розгорнутого компонента тексту. Оскільки в центрі всесвіту людина, тому авторському відображенню світу людини відводиться першорядне значення. Порівняння, виступаючи прийомом мовної образності, є ініціальним тропом. Це особливо помітно при зіставленні його з метафорою, де імпліцитно подані предмет і тло порівняння.

Отже, серед мовних одиниць, що виконують когнітивну та прагматичну функції, важливе місце належить порівнянням. Видається перспективним їх дослідження на основі цілого, яким є художній твір, пов'язаний з історією, культурою народу, тобто з картиною світу. Зосереджуємо увагу на зв'язок порівнянь з індивідуальною моделлю світу Івана Багряного, відбитою в романі *«Сад Гетсиманський»*, в якому автор не тільки відтворює реалії тоталітарної системи, а й допомагає читачеві усвідомити сутність комуністичної ідеології.

Наші спостереження дозволяють дійти висновку, що порівняння в аналізованому творі вводяться послідовно, виструнчуються в ланцюжки з певною комунікативною метою. Виділяємо три групи таких порівняльних ланцюжків:

1) Порівняння, за допомогою яких описуються зовнішність, поведінка, психічний стан, мовлення головного героя Андрія Чумака. Вони тісно пов'язані з переживаннями, болем, викликаним нелюдськими тортурами, і є зовнішнім виявом його внутрішнього стану.

2) Порівняння, що беруть участь в описі навколишнього світу, являючись відповіддю на переживання персонажа.

3) Порівняння з біблійними образами та мотивами, які стали основним засобом розкриття жахів сталінської епохи, *«розгнужданої оприщини»*.

Образи порівнянь, що пов'язані з антропонімом *«Андрій Чумак»*, різні за семантикою. Наприклад:

«Нерви дзвеніли тоскно, як осінні дроти в степу, і той дзвін свердлов мізок, як біль зубний <...>» [1, 175];

«Очі горять, мов насипані приском, і болять, голова гуде» [1, 186];

«Ні, він стояв, **як стовп**, заціпенів, і жодна сльозинка не зрошувала його очей» [1, 184];

«Надія в Андрієвому серці погасла так, **як погасла ранкова зоря у вікні**» [1, 180];

«Лихоманка починає бити майже з першої хвилини, і Андрій мається, **як на розп'ятті**» [1, 202];

«На ранок Андрій був уже, **як викручена ганчірка**» [1, 202];

«Бачили, що він (Андрій) тане, **як віск**, з дня на день, з години на годину, і позирали на нього тоскно» [1, 215];

«...Андрій сидить перед Сергеевим і жадібно, **пошакалячому, жує хліб**» [1, 188];

«Андрій бився, **по-звірячому ревучи і намагаючись вирватися із залізних лабет**» [1, 261];.

«Великін, мабуть, злякався вигляду Андрія, що нагадував **вигляд великого зацькованого звіра** <...>» [1, 161];

«Герсонський назвав мову Андрія **“собачою мовою”**» [1, 145].

Деякі образи порівнянь належать до семантичного поля «тварина». Це зумовлено темою роману. Після жахливих тортур ішли абсурдні самозвинувачення – «психоз самовикриття». Свідомість не тільки головного героя доходила до крайньої межі. «*Душу обступало почуття божевілля...*», «*тваринний інстинкт перед лицем можливої смерті... вимагав капітуляції*». Предметом порівняння стає не стільки зовнішність Андрія Чумака, скільки його душевний біль. Ізольований від суспільства, зраджений (за твердженням слідчих) найближчими людьми, самотній, він не повинен був вистояти: зламати будь-який організм – це лише справа часу й інтенсивності фізичних катувань (у цьому недолюди були переконані).

«Ось одного вкидають до камери<...> Видають у повному розумінні цього слова, взявши за руки і за ноги, **як колоду за сучки**, бо він вже тими кінцями не володіє, він непритомний від побоїв [1, 394]. Ноги підкосились, і тіло похилилось, **як підрізаний колос**» [1, 491].

«Сорочка на плечах прикипіла до шкіри, бралася рудими плямами. Плечі були, **як біфштекси**» [1, 192].

«Якби вони знали, як його били!.. Ганебно, брутально, підло, **як б'ють собак** <...> Ні, так не б'ють собак, так не б'ють і не мучать **худобу** <...>» [1, 204].

Влада прагнула зламати морально Андрія, щоб знищити шляхетність його натури, та не змогла цього зробити. Людина, опинившись перед смертельними тортуррами, не здатна на геройський вчинок, бо повзає і звивається, **«як черв'як, одна-однісінька у герме-**

тично ізольованих від світу кам'яних мішках» [1, 210]. Автор блискуче використовує порівняння в'язниці з кам'яними мішками, які були герметично ізольовані від світу. Тут «людина намагається зберегти своє маленьке “я” від моральної ганьби і позорища перед самим собою. Це зовсім не героїзм. Це щось таке, що йому немає ім'я в людській мові» [1, 211].

Другий ланцюжок порівнянь пов'язано з описом довкілля, опосередковано, а інколи й безпосередньо спроектованих на переживання, душевний стан персонажів, зокрема Андрія.

Головний герой на початку твору повертається додому, з ностальгією споглядає рідні простори, але радість повернення притуплюється болісною констатацією.

«<...>місто лежало, як старець у лахмітті, доношуючи давнє убрання. Все, як колись, лише згорбилось, пішло вниз. Жодної нової будівлі, жодних риштвань, жодного руху вперед», все «постаріло й огорнулося безнадією повільної руїни» [1, 15].

Все «якесь занедбане, засушене, запорошене, постаріле на цілу вічність, ніби вкрите лишаями й іржею, повикривлюване, повищерблюване. Місто-жебрак <...>» [1, 38].

Аналогічна ситуація і в Харкові, і в усіх містах-селах не лише України, а всього радянського Союзу. Митець підкреслює алогізм і катастрофічність становища напрочуд лаконічною, простою і метафоричною фразою: *«Тільки парк буйно розрісся, стояв, як дикий праліс» [1, 15].* Антитеза *«ліс – дикий праліс»* (акцентовано: не просто ліс, а праліс, та ще й дикий) прочитується символом не лише соціуму і природи, запущеності на побутовому рівні, а перш за все протиставленням культури й безкультур'я, цивілізаційного прогресу і деградації людства, деструктивних начал і творчості, цінностей і доктрин минулих та сучасних епох, ерудованих знань і примітивізму, сучасних вірувань і первісних культів, світла і тьми, добра і зла. Автор допитливим спостереженням Андрія Чумака звертає нашу увагу на колір будівель Харкова, порівнюючи їх з димом пожарищ: *«Ним, тим кольором революційним, цебто кольором червоним, було вифарблено геть всі будівлі в центрі міста і навіть муровані огорожі. Той червоний колір миготів обабіч і щезав позаду, змішуючись з курявою, ніби з димом пожарища» [1, 38].*

Символіка відтінку крові однозначна в контексті епохи, проте І. Багряний показав сутність цієї тенденції ще й в іншому значенні: *«Коли всередині зі здобутками революції не гаразд, коли ту революцію підмінено чим іншим, коли треба те “інше” злочинно ховати, тоді ретельно фарбиться фасад» [1, 39].* Проте фальш світлих гасел рево-

люції пробивалася навіть крізь пелену «фарбованих фасадів»: *«Колір пооблазив, пооблуплювався, порудів від дощів і часу, і місто мало вигляд ніби попечений, покалічений, напівбожевільний»* [1, 38]. Усе, немов окутуючись якоюсь нелюдською, антигуманною силою, опинялося у парадигмі цінностей, кардинально протилежних людським і божественним, в апокаліптичному світі деспотизму, прострації та деградації, у божевільні, де підноситься на п'єдестал зрада, підступ і вбивство, у світі утопічних мрій і реальних жертв, на плацдармі двобою між Добром і Злом (але не метафорично умовним, а напрочуд реальним).

Багато порівнянь стосується в'язниці – основного місця дії роману, через них автор дає оцінку фізичних та духовних страждань персонажів. Наприклад:

«Ця камера таки дійсно була натоптана бідолашними людьми, немов діжка оселедцями [1, 159];

«У коридорах тюрми повітря вібрує від невиразного шуму й гудіння, нагадуючи фабрику, що працює нічну зміну» [1, 146].

Конвейєр системи Єжова – це *«конвейєр безперервного процесу знеосіблення людини, “розколювання” її психіки, розбирання людської душі, обернення людини в ніщо, в “дірку від бублика”*. *“Сознаніє” здебільшого цього процесу не витримує, і на місці його, як і на місці розібраної на гвинтики душі, лишається порожнеча, ім'я якій — божевільля, або повна прострація й падіння»* [1, 210].

Інколи автор вдається до паралелізму, звертаючись до порівнянь, виражених зворотами, підрядними порівняльними та формою орудного відмінка іменника. Так рельєфніше простежується паралель стану людини, заточеної в темну вогку камеру з нестерпною консистенцією повітря, зі станом довкілля.

«Життя плинуло. Дивно, час починав втрачати свою чіткість. Вірніше, почуття часу в цій камері якимось дивно трансформувалось <...> Все було суцільною ніччю, і все було суцільним днем. Все було суцільним кипучим життям, і все було сном, кошмаром. Ба, сон був більшою реальністю, аніж дійсність. Бо він був барвистіший, часом осяяний сонцем, веселкою, громовими дощами, закосичений квітами й озвучений сміхом золотого дитинства <...> Сон, як утеча, сон, як свобода, сон, як повторення в безмірно яскравішій формі всього, що було і що буде, без того, що є. <...> В'язням майже ніколи не сниться дійсність» [1, 313].

Образні порівняння представленого уривка наповнені денотативними та конотативними семами, що являють паралелізм словоформ. У межах розширеного контексту вони здатні викликати неаби-

які чуттєві асоціації. Крім того, ці тропи є засобом внутрішньотекстового зв'язку, допомагають змалювати ситуацію випукло, наочно, наповнюючи її максимальною експресією, породжуючи цілий ряд уявлень. Вони відносяться не до слова, а до цілого речення, що являє своєрідне складне синтаксичне ціле.

Нарешті, третій ланцюжок – це порівняння з біблійними образами, за допомогою яких зображується протистояння людини та системи.

Біблійні образи стали в романі основним засобом розкриття жахливої системи сталінської епохи. *«Андрій розплющує очі й дивиться по камері — всі сплять, як побиті <...> Як вони міцно сплять! Немов ті Христові учні перед розп'яттям їхньої совісті, їхньої власної душі»* [1, 95]. Концепт «сад Гетсиманський» постає в романі символом страждання, зради, тюрми.

На початку роману ми дізнаємося, що два різні персонажі мають одне ім'я з різними фонетичними варіантами. *«І від самого ранку сидить біля неї отець Яков (чомусь неодмінно Яков, а не Яків, бо то, бач, звучить дуже фамільярно і по-протецькому, бо то Яків просто старого Чумака звали, бо був коваль)»* [1, 8]. За словником-довідником біблійних осіб К. Костіва, антропонім «Яков» має дві різні етимології. Перша – *«п'ятá триматися за п'яту; той, що наслідує Єгову; а друга – обманець, хитрун, підбурювач, провокатор»* [3, 403]. Можна припустити, що Яків (Чумак) – той, хто наслідує Єгову, п'ятá; Яков (священик) – хитрун, обманець або підбурювач, провокатор. Порівняння *«ім'я Яків звучить по-протецькому»* підкреслює, виокремлює світ українських антропонімів, а разом з ним, будучи складником художнього образу, – і цілий світ українства – людей, культури, історії. «Благородне» Яков відсилає до російського культурного простору.

Тема зради в романі закарбована не тільки в порівнянні антропонімів, а й в оповіді про сад Гетсиманський.

«<...> отець Яков тихо, але все серце вкладаючи, читав матері про сад Гетсиманський... читав про зраду Юди..., заким півень прокричав двічі.

На цім місці стара мати здригнула, затиснувши папірець, наче їй справді вчувся крик того півня чорної, глухої ночі, що віщував зраду, чи дійшло до свідомості ім'я “Юда”, при якому завжди стискалося їй щире материнське серце» [1, 8].

Засобом оформлення біблійної оповіді виступає поширена синтаксична конструкція з підрядними порівняльними предикативними частинами послідовного зв'язку.

Іншим садом Гетсиманським є в'язниця – особливий світ жорстокої антихристиянської реальності. Саме в тюрмі біблійна легенда сприймається як велична таїна.

«Андрій прислухався <...> Петровський, що нагадував апостола Петра і постаттю, й своєю апостольською величчю, розповідав про сад Гетсиманський <...>, щось в тій трагічній легенді... про вірність і про зраду було неспізнане до самих глибин, а тому вічно нове, вічно вабляє й приковує людські душі, як бездонна криниця, сповнена якоїсь неспізнаної тайни» [1, 207].

Підрядна порівняльна частина, ускладнена відокремленим означенням, сприяє розумінню глибинної сутності уривка.

У коло реалій, які стосуються біблійних порівнянь роману, потрапила і осика. Автор пов'язує осику, що росте за ґратами в «Гетсимані» і так само перебуває в неволі, як і в'язні, з біблійним образом Юди Іскаріотського.

«Осика — дерево жалоби. Дерево, на якому повісився Юда <...> Ця легенда про тремтливу осику, про свідка останнього зітхання нещасливого учня Христового, Юди Іскаріотського, немовби плинула крізь ґрати з шелестом листу — приходила не одному на пам'ять, так, ніби та осика за муром кричала про це в арештантські душі <...> приходила на пам'ять і та осика, що стояла, мабуть, у біблійнім саду Гетсиманським» [1, 216].

Головного героя протягом усього роману свердлить думка, хто «Юда».

«Свідок повертається анфас, підводить свої очі <...> й їхні очі зустрілися! .. А... а!! Як блискавкою прорізало мізок: сцена в хаті, батькова Біблія і цей погляд на прощання <...> Юда!!! Ось він Юда!! Ось він!!!» [1, 475].

Герой пройшов усі кола земного пекла, переніс неймовірні страждання, при цьому виявив неабияку мужність і незламність духу майже, як Христос.

«Андрій підіймався крутими сходами, тяжко й помалу ступаючи, немов ішов на Голготу, часто зупинявся збезсилений і заходився раптовим кашлем — йому здавалося, що всередині щось уривається. Тепер він ішов на Голготу <...> Ах, коли б же хтось знав! Коли б хоч хтось знав!..» [1, 491].

Порівняння завжди містить відтінок умовності, несправжності, дистанції між дійсним, справжнім і уявним: *ступав, немов ішов на Голготу*. Зміна висловлювання, пов'язана із семантико-синтаксичною перебудовою фрази, приводить не тільки до трансформації модальності, але

й до появи цілковито нового бачення себе як страдника і захисника людської душі: «*Тепер він ішов на Голготу*».

Наші спостереження переконують, що авторський текст розвивається і рухається на тлі релігійних дискурсів, влучно порівнюючи давноминуле і сучасне. Тюрма, як сад Гетсиманський, синтезує в собі саму історію, де відбито жахи сталінської епохи, одвічну боротьбу Добра і Зла.

Отже, мистецтво І. Багряного як письменника полягає не тільки у виразній наочності зображення, у психологічній насиченості тексту, але й в майстерності використання художньо-образних засобів, зокрема влучно дібраних порівняльних конструкцій здебільшого епітетного характеру. Причому порівнюється живе й неживе, конкретне й абстрактне, фізичне і психічне, виражаючись різноманітними за семантикою та структурою конструкціями. Порівняння виконують не тільки смислове, але й естетичне навантаження, постаючи важливим засобом ідіостилю І. Багряного.

Література

1. Багрянний, І. Сад Гетсиманський. – Київ, 1991.
2. Бахтин, М. М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
3. Костів, К. Словник-довідник біблійних осіб, племен і народів. – Київ, 1995.
4. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. – СПб, 1998.
5. Мокиєнко, В. М. О словаре русских народных сравнений // Вопросы теории и истории языка. – СПб, 1993. С. 173-177.
6. Чонка, Т. Між світом і темрявою. // Українська мова і література в середніх школах, колегіумах, ліцеях та гімназіях, 2001, № 8.

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ТИПА
ПО-ДРУЖЕСКИ – ДРУЖЕСКИ: СТИЛИСТИЧЕСКАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРЕФИКСАЛЬНО-
СУФФИКСАЛЬНЫХ И СУФФИКСАЛЬНЫХ ФОРМ
КАЧЕСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ НА -СКИ**

*Попов Сергей Леонидович,
кандидат филологических наук, доцент
(Харьков, Украина)*

Аннотация. В статье рассматривается один из недостаточно исследованных вопросов русской словообразовательной вариантности: стилистическая дифференциация префиксально-суффиксальных и суффиксальных форм качественных наречий на *-ски*. Проверяется достоверность традиционных аргументов, дифференцирующих употребление этих вариантов. Используются понятия эксплицитного и имплицитного контекстов. Применяется аргумент прямой эмпирической верификации маркеров определенной стилистической характеристики в эксплицитных контекстах.

Ключевые слова: ортология, словообразовательная вариантность, эксплицитность/имплицитность, восприятие, аргументация.

**RUSSIAN WORD-FORMATIVE VARIANT PATTERNS
ПО-ДРУЖЕСКИ – ДРУЖЕСКИ: STYLISTIC
DIFFERENTIATION BETWEEN PREFIXAL-SUFFIXAL
AND SUFFIXAL FORMS OF QUALITATIVE ADVERBS
WITH SUFFIX –СКИ**

Abstract. The issue of stylistic differentiation between prefixal-suffixal and suffixal forms of the qualitative adverbs with suffix *-ски* is being considered in the article. This issue has not been fully researched yet in the framework of the Russian word-formative variability. Reliability of the traditional arguments distinguishing between these variants is being tested. The concepts of explicit and implicit contexts are being used. The argument of direct empirical verification of certain stylistic characteristic markers in explicit contexts is being applied.

Key words: orthology, word-formative variability, explicitness/implicitness, perception, reasoning.

Явления русской языковой вариантности, прежде всего грамматической, привлекают внимание лингвистов с середины XVIII века. Описания различий между грамматическими вариантами имеются в грамматиках В.Е. Аодурова, М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, Ф.И. Буслаева, в работах «Справочное место русского слова» А.Н. Греча, «Правильность и чистота русской речи» В.И. Чернышева,

«Русском синтаксисе...» А.М. Пешковского, «Синтаксисе» А.А. Шахматова и других трудах вплоть до середины XX века, когда началось массовое изучение языковой вариантности, утвердилась новая дисциплина – ортология [1], появились разноаспектные ортологические словари и расцвел такой ортожанр, как практическая стилистика русского языка, реализованный в стилистиках А.Н. Гвоздева, Д.Э. Розенталя, И.Б. Голуб, Г.Я. Солганика, Ю.А. Бельчикова.

В указанных практических стилистиках уделялось внимание лексической, морфологической и синтаксической вариантности и почти не рассматривалась вариантность словообразовательная. Лишь Д.Э. Розенталь в своей «Практической стилистике русского языка» в трехстраничном разделе «Стилистические ресурсы словообразования» путем представления и описания некоторого количества примеров обратил внимание на необходимость исследования словообразовательной вариантности [7, 86-88]. Однако в позднее увидевших свет практических стилистиках русского языка И.Б. Голуб, Г.Я. Солганика и Ю.А. Бельчикова, продолживших стилистические традиции Д.Э. Розенталя, словообразовательная вариантность не представлена.

Ученым, предпринявшим серьезную попытку показать и проанализировать основные типы вариантов русского словообразования, является Лия Павловна Катлинская, соавтор знаменитого и в своем роде уникального ортологического труда «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов» [3] (первое издание – 1976 г.), где ей принадлежит раздел «Словообразование». Труд Л.П. Катлинской был для своего времени весьма значительным, но не все дифференциальные признаки словообразовательных вариантов получили должное описание. Именно в этом разделе словаря, в специальном подразделе «Суффиксально-префиксальное словообразование», представлены, но без возможного и необходимого описания различий, «Варианты типа *геройски – по-геройски*. Суффиксальные и префиксально-суффиксальные формы качественных наречий на *-ски*» [3, 429-430] (здесь же см. ссылки на две работы О.П. Ермаковой, посвященные вопросам словообразования русских наречий [3, 432]). Л.П. Катлинской отмечено такое – на самом деле не абсолютное – семантическое предпочтение этих вариантов, как собственность или несобственность имени, от которого произведено прилагательное, ставшее производящим для наречия на *-ски* (см. ниже традиционный аргумент-1). В то же время автором предпринята – в некоторых случаях логичная, но не объясняющая всех случаев такой вариантности – попытка объяснить вариантность наречий на *-ски* типа *зрительноски – по-зрительноски*, с собственными именами не соотносимых, их постепен-

ной лексикализацией (см. ниже традиционный аргумент-2). Между тем и в семасиологии, и в ортологии хорошо известно, что при обнаружении семантических различий между исследуемыми явлениями логично искать стилистические различия между ними [8, 423; 2, 85].

Стилистическая дифференциация суффиксально-префиксальных и суффиксальных вариантов наречий на *-ски* и является целью настоящей статьи.

Указанные варианты рассматриваются в соответствии с методикой, опирающейся на понятия аргументации, логики и восприятия.

Прежде всего проверяется и в случае необходимости уточняется достоверность традиционных (отраженных в [3, 429-430]) аргументов, объясняющих узуальные особенности изучаемых в настоящей статье вариантов.

Согласно теории аргументации, из всех распространенных универсальных аргументов наиболее достоверными являются: из универсальных эмпирических – прямая эмпирическая верификация (ПЭВ), из универсальных теоретических – логическое обоснование (ЛО) [4, 22-28, 51-57]. Понятийное объединение этих аргументов в один, в частности с целью использования при дифференциации грамматических вариантов, можно признать идеально скомбинированным аргументом [6].

ПЭВ семантических или стилистических характеристик исследуемых вариантов возможна при наличии в контексте соответствующих этим характеристикам маркеров (в примерах подчеркнуты): маркер определенной семантической или стилистической характеристики считается таковым, если он встречается только при одном из двух изучаемых вариантов.

Контекст, содержащий такие маркеры, корректно именовать эксплицитным, а контекст, таких маркеров не содержащий, – имплицитным. В эксплицитных контекстах демонстрируются дедуктивно доказательные, а в имплицитных индуктивно допускаемые примеры определенной семантической или стилистической характеристики. Такая индуктивная допустимость поддерживается отсутствием других признаков, по которым дифференцируются рассматриваемые варианты. Однако возможны положения дел, в частности положение, описываемое в настоящей статье, когда отсутствие маркера невозможно, что в свою очередь отменяет необходимость демонстрации имплицитных контекстов.

ЛО, представляющее собой любой из описанных Аристотелем и его последователями видов силлогизма, всегда безупречно. Логический сбой в ходе рассуждения – явление редкое. Гораздо больше про-

блем возникает из-за так называемой «ложности посылки», прагматично осознанной древнегреческими софистами, которые намеренно применяли подмену основания силлогизма ради весьма логичного убеждения собеседника в чем угодно. Против софизмов в риторике последовательно выступали Сократ и Платон. Можно также утверждать, что и «Риторика» Аристотеля стала в определенной мере реакцией на сознательное пренебрежение софистами истиной [4, 10-11].

Ложность посылки, помещаемой в основание силлогизма, действительно не влияет на ход логического вывода истины. Например, вид человека, вернувшегося с улицы в мокрой одежде, может обусловить автоматическое срабатывание такого силлогизма: вернуться с улицы в мокрой одежде можно только вследствие дождя (большая посылка) – одежда этого вернувшегося с улицы человека мокра (меньшая посылка) – заключение: одежда этого человека намочила потому, что на улице идет дождь. Логический ход рассуждения безупречен, но большая посылка ложна, поскольку ПЭВ позволяет убедиться в следующем: одежда вернувшегося с улицы человека может быть мокрой не только вследствие дождя, но и вследствие того, что этого человека облили из шланга, вылили на него ведро воды, бросили (поместили и т.д.) его в ванну, бассейн, реку или любую другую подходящую по размерам, наполненную жидкостью емкость и любой другой водоем и т. п. Такая большая посылка наивна и является частью наивной картины мира. Но к такой картине мира иногда (возможно, не так редко, как хотелось бы) можно относить и представления ученых, которые в идеале должны создавать другую картину мира: научную.

Так, лингвист-ортолог может исходить из большей посылки, что распространенность грамматического явления в современном узусе свидетельствует о том, что так было всегда. Из этой большей посылки посредством посылки меньшей, – а именно: в современном узусе образование приставочных наречий на *-ски* невозможно от прилагательных, производных от собственных имен (то есть возможно только *по-пушкински*, но не *пушкински*) – логично выводится, что такая закономерность образования наречий на *-ски* существовала всегда. Ложность этой большей посылки обнаруживается при ПЭВ таких наречий в контекстах XIX и первой половины XX веков (см. ниже), и тогда логичность данного силлогизма «теряет в репутации»: ложность показанной большей посылки лишает логичность силлогизма абсолютности. Следовательно, можно говорить об абсолютной и относительной логичности мышления, а значит, о ее качестве.

В соответствии с данными когнитивной психологии, качество логичности мышления зависит от качества восприятия, в котором

можно различить три степени: 1) синкретичное восприятие (СВ), то есть восприятие недифференцированное, целостное; 2) поверхностное восприятие (ПВ), то есть восприятие лишь одного из наличествующих, эмпирически достоверных признаков; 3) альтернативное восприятие (АВ), то есть восприятие всех эмпирически достоверных признаков в одной из двух его разновидностей: это альтернативно-императивное восприятие (АИВ), императивно предпочитающее один признак и отвергающее другой, и альтернативно-диспозитивное восприятие (АДВ), альтернативно фиксирующее признаки как закономерно сосуществующие (подробнее об изложенном в настоящем абзаце – см. [5, 5-105]).

Совмещение перцептивных понятий СВ, ПВ, АИВ и АДВ с аргументационными понятиями ПЭВ и ЛО позволяет зафиксировать следующие закономерности:

ПЭВ, опирающаяся на данные СВ, в ортологии, по статусу занимающейся различением вариантов, – явление маловероятное, и в данном случае оно отсутствует;

ПЭВ, опирающаяся на данные ПВ, – ПЭВ (ПВ) – обуславливает относительное ЛО (ОЛО);

ПЭВ, опирающаяся на данные АИВ или АДВ, – ПЭВ (АИВ) или ПЭВ (АДВ) – обуславливает абсолютное ЛО (АЛО).

Если традиционный аргумент представляет собой ПЭВ (ПВ) и ОЛО, после его представления разъясняется, в чем состоит его противоречивость (см. ниже «противоречие-1» и «противоречие-2»).

После описания противоречий традиционных аргументов предлагается новый аргумент, разрешающий указанные противоречия, – ПЭВ(АДВ)иАЛО.

Рассматриваемые в подтверждение нового аргумента примеры употребления изучаемых нами вариантов наречий взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). По причине относительной ограниченности объема статьи дифференциальный признак каждого варианта подтверждается шестью примерами-предложениями с указанием их источников в виде, представленном в НКРЯ, а также рядом извлеченных из предложений словосочетаний с указанием фамилий авторов.

Дополнительные, не вошедшие в состав аргументов, комментарии даются в размещенных после примеров «примечаниях».

Рассмотрение стилистических характеристик префиксально-суффиксальных и суффиксальных форм качественных наречий на *-ски* имеет следующий вид.

Традиционный аргумент-1 – ПЭВ(ПВ)иОЛО: поскольку «уже в XIX в. произошло окончательное разграничение значения при-

ставочной и бесприставочной модели на *-ски...*» (префиксальные образования «невозможны от прилагательных, не выделяющих в своей основе существительные – названия лица», то есть возможны только: *издевательски*, но не **по-издевательски* от *издевательский*, *наплевательски*, но не **по-наплевательски* от *наплевательский*), «большинство наречий этого типа не вступает в отношения свободного варьирования. Так, качественные наречия, соотносительные с именами собственными, возможны только в приставочной форме: *по-наполеоновски*, *по-шекспировски*, *по-карамзински...*» [3, 429-430].

Противоречие-1: по данным НКРЯ, наречия на *-ски*, соотносительные с именами собственными, встречаются и в XX веке, из чего следует, что в XIX веке окончательного семантического разграничения приставочной и бесприставочной моделей на *-ски* еще не произошло.

Традиционный аргумент-2 – ПЭВ(ПВ)иОЛО: некоторые из наречий на *-ски* остаются вариантными: *зрительски – по-зрительски*, *отечески – по-отечески*, *дружески – по-дружески* и т. д. <...> В большинстве случаев употребление одного из вариантов наречия лексически закреплено: *зверски голодный*, *дружески подмигнуть*, *по-хозяйски рассчитывать*, *по-детски обидеться* и т. д.» [3, 430].

Противоречие-2: по данным НКРЯ, в этих же «лексически закрепленных» сочетаниях возможны также приставочные и бесприставочные оппоненты показанных вариантов. Следовательно, дифференциация этих вариантов не может быть сведена к их лексической закреплённости.

Новый аргумент – ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): префиксально-суффиксальные и суффиксальные формы качественных наречий на *-ски* различаются стилистически: как современные нейтральные и как устаревающие, иногда коммуникативно востребованные высокие.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры стилистической современной нейтральности:

«Спектакль Аллы Бабенко, психологически утонченный, по-чеховски целомудренный, по-современному нервный, украсил бы любой фестиваль» [Чеховские круги (2003) // «Театральная жизнь», 2003.11.24].

«На фоне других советских детских фильмов «Отроки» смотрелись почти по-шекспировски» [Коллективный Космос как идея // «Русский репортер», № 18 (18), 4-11 октября 2007, 2007].

«Он был **по-пушкински** щедр на сюжеты и обладал удивительным бесстрашием исследователя» [Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)].

«Жгунов уже **по-дружески** подмигнул: – Во-первых, ты в армии разведчиком срочную служил и в саперном деле должен понимать» [Владимир Черкасов. Черный ящик (2000)].

«– Еще бы, – по-доброму, **по-сестрински** отвечает ей Верочка...» [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008].

«Такие первоклассники ведут себя **по-детски** непосредственно и учатся неровно» [Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)].

Во всех шести примерах маркеры представляют собой показатели современности источников цитирования.

Ср. также словосочетания: **по-женски** победно (А. Варламов); **по-женски** длинные волосы (А. Иличевский); **по-женски** аккуратно (А. Рубанов); **по-женски** наблюдательная (С. Данилюк); **по-женски** нежная кожа (Л. Улицкая); **по-женски** милая бабушка (А. Мишарин); **по-женски** мудра (Ю. Трифонов); **по-женски** властно (В. Аксенов); **по-женски** привлекательные особы (Ю. Даниэль); **по-женски** беззащитная (В. Липатов); его **по-женски** безмускульные руки (В. Кожевников); о голосе: звучал **по-женски** (К. Воробьев). ПЭВ фамилий авторов позволяет убедиться: писатели – абсолютно и относительно современные. Примерно сто и более лет назад в таких сочетаниях часто употреблялся вариант *женски* (см. ниже).

Дедуктивно доказательные примеры стилистической устарелости и иногда возможной стилистической «высокости»:

«**Чеховски** деликатно, меткими полунамеками, А.П. повествовал мне о своих житейских невзгодах...» [И.Л. Леонтьев-Щеглов. Из воспоминаний об Антоне Чехове (1904-1911)]. Маркер представляет собой показатель несовременности источника цитирования.

«У Пушкина мы увидели **шекспировски** сложную и в то же время кристально-ясную лермонтовскую трагедию – ожившую здесь в третий раз, и надолго». [Я.Л. Варшавский. Третье рождение «Маскарада» (1939.01.25) // «Советское искусство». № 12 (592), 1939]. Маркер представляет собой показатель относительной несовременности источника цитирования.

«Говорил спокойно, без рисовки, **пушкински** ясным языком, с солдатской вежливостью отвечая на вопросы...». [Н.С. Гумилев. Записки кавалериста (1914-1915)]. Маркер представляет собой показатель несовременности источника цитирования.

«– Хорошо поешь, парень, – **дружески** подмигнул он, – отец научил?» [Г.М. Марков. *Строговы. Кн. 2 (1936-1948)*].

«Иногда, успокоив Н***, я радовался детскому выражению ее просветлевшего лица, на котором вспыхивали двумя огнями глаза; и улыбка так **сестрински** проникала в душу...» [Андрей Белый. *Начало века (1930)*].

«Что-то **детски** наивное должно быть в этой смерти». [В.Т. Шаламов. *Колымские рассказы (1954-1961)*].

В трех последних примерах маркеры представляют собой показатели относительной несовременности источника цитирования.

Ср. также: **женски** нежная забота (И. Ефремов); **женски** белая грудь, **женски** красивые глаза, **женски** белая рука (М. Шолохов), **женски** обиделась (А. Платонов); **женски** ласковые глаза (М. Горький); волосы, **женски** висевшие вдоль щек (И. Бунин); **женски** счастлива (А. Чехов); **женски** визгливое «караул» (А. Левитов); о мужчине: **женски** нежен (И. Тургенев). ПЭВ фамилий авторов позволяет убедиться: писатели – не современные. В современном узусе во всех подобных сочетаниях в основном наблюдается вариант *по-женски* (см. выше).

Редкий в современных употреблениях вариант *женски*, особенно при глаголах, может выглядеть стилистически высоким архаизмом: «Жару поддавало то, что Клумба **женски** и граждански была сторонницей Апофеозова Валерия Петровича; при постановке этой фигуры в центр переплетение столичных и местных властных ветвей приобретало столь неожиданный рисунок, богатый воображаемыми профилями и – как в журнальных рисованных загадках – спрятанными разбойниками, что воодушевленной Клумбе, действительно, было о чем поговорить». [Ольга Славникова. *Бессмертный. Повесть о настоящем человеке (2000-2001)* // «Октябрь», 2001]. В таком художественном, с намеренным смешением стилей и достаточно ироничном повествовании (ср. *сторонница*, *постановка фигуры в центр*, *переплетение властных ветвей*, *приобретало столь неожиданный рисунок*, *богатый воображаемыми профилями*, с одной стороны, и *жару поддавало*, *воодушевленная Клумба*, *спрятанные разбойники*, с другой) вариант *женски* (как и *граждански*), подчеркивая иронию, выглядит стилистически более высоким, чем его оппонент *по-женски*.

Примечание 1. Поскольку все примеры НКРЯ имеют указания на источники цитирования, являющиеся маркерами современности-устарелости, имплицитные контексты в данном случае невозможны и в целях дифференциации рассматриваемых вариантов нецелесообразны.

Примечание 2. Обращает на себя внимание тот факт, что в современном узусе современные нейтральные, то есть префиксально-суффиксальные, наречия встречаются в основном при глаголах и в меньшей степени при прилагательных и наречиях, в то время как устаревшие высокие, то есть суффиксальные, наречия, напротив, чаще встречаются при прилагательных и наречиях, нежели при глаголах. Это свидетельствует о том, что при глаголах процесс устаревания бесприставочных наречий происходит быстрее, и такая «приглагольная» тенденция объяснима частеречной естественностью такого процесса: прежде всего наречие имеет значение признака действия, обозначаемого глаголом («ad + verbum»).

Примечание 3. Имеются и современные примеры употребления сочетаний *дружески подмигнул*, что действительно свидетельствует об отмеченной Л.П. Катлинской (см. выше) лексикализации некоторых сочетаний, однако показанная выше возможность сочетания *подружески подмигнул* свидетельствует о неабсолютном характере такой лексикализации. Аналогичная картина наблюдается с вариантами *геройски – по-геройски*: в НКРЯ (дата обращения – 28.01.2014 г.) первый имеет 263 вхождения (в основном он употребляется при разных формах глаголов *погибнуть, воевать, умереть* и производных от них причастий и деепричастий), а второй – только 5 вхождений, в том числе *умри по-геройски* (А. Платонов, 1936 г.), что противоречит идее абсолютной лексикализации варианта *геройски*.

Таким образом, основанная на альтернативно-диспозитивном восприятии (АДВ) прямая эмпирическая верификация (ПЭВ) таких очевидных маркеров, как показатели времени употребления рассматриваемых вариантов, позволила прийти к абсолютному логическому обоснованию (АЛО) того, что префиксально-суффиксальные и суффиксальные формы качественных наречий на *-ски* различаются стилистически: как современные нейтральные и как устаревшие, иногда коммуникативно востребованные высокие.

Причина, по которой современными стали префиксально-суффиксальные, а не суффиксальные формы качественных наречий на *-ски*, требует отдельного изучения. В настоящее время можно предположить, что данную причину следует искать в узуальной активизации предлога *по*, проявляющейся не только в росте частотности его употребления, но и в тенденции к развитию новых значений, отмечаемой исследователями в последние десятилетия.

Выявление стилистических маркеров, коррелирующих с логически обосновываемыми стилистическими характеристиками исследуемых вариантов, которое осуществлено с применением перцептивно-

аргументационной методики, позволяет предположить возможность ее использования при изучении любых, в том числе семантических, различий в сферах грамматической вариантности разных языков.

Литература

1. Ахманова, О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В.В. К вопросу о «правильности» речи // Вопросы языкознания. 1960. № 2. – С. 35-42.
2. Граудина, Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. – М., 1980.
3. Граудина, Л.К., Ицкович, В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001.
4. Ивин, А.А. Теория аргументации: Учеб. пособие. – М., 2007.
5. Попов, С.Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования. – Харьков, 2013.
6. Попов, С.Л. О применении теории аргументации при дифференциации грамматических вариантов (на материале русского языка) (в печати).
7. Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка. 4-е изд. – М., 1977.
8. Шмелев, Д.Н. Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXI. Вып. 5. – М., 1962.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ПОЛИЛОГ КОНЦЕПЦИЙ

«ВЕЛЕСОВА КНИГА» – ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ И ИСТОЧНИК ИСТОРИИ СЛАВЯН?

*Дубровский Анатолий Дмитриевич,
доктор истории, конференциар университетар
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье рассматриваются аргументы участников полувековой научной дискуссии филологов и историков, инициированной русскими эмигрантами, писателем Ю.П.Миролюбовым и ученым языковедом А.А.Куренковым, по вопросу достоверности опубликованных во второй половине XX века текстов дощечек «Велесовой книги», выдаваемой за памятник древнерусской литературы и источник древнеславянской и русской истории.

Ключевые слова: славяне, руническая письменность, кириллица, древнерусская литература, дощечки А.Изенбека, «Велесова книга».

“THE BOOK OF VELES” – IS IT A LITERARY WORK AND A SOURCE OF THE SLAVS HISTORY?

Abstract. The article has reviewed the arguments of the participants of the scientific debate between philologists and historians that has been lasting for half a century. It was initiated by the Russian emigres, Yu.P.Mirolyubov the writer and A.A.Kurenkov the linguist. The question is whether the texts from “The Book of Veles” published as the monument of literature and the source of the ancient Slavs and Russian history in the second half of the twentieth century are authentic.

Key words: the Slavs, runic writing, Cyrillic script, Old Russian literature, A. Izenbek’s planks, “The Book of Veles”

“CARTEA LUI VELES” – OPERĂ LITERARĂ ȘI IZVOR AL ISTORIEI SLAVILOR?

Adnotare. În articol sînt analizate argumentele părților implicate în discuția științifică dintre lingviștii și istoricii, inițiată de emigranții ruși, scriitorul Iurie Miroljubov și savantul lingvist Alexandru Kurenkov, privind autenticitatea cronicii „Cartea lui Veles”, publicată în a doua jumătate a secolului XX și care pretinde a fi, în opinia unor savanți, operă literară rusă veche și totodată - sursă a istoriei popoarelor slave.

Cuvinte-cheie: slavii, scrisul runic, scrisul chirilic, literatura rusă veche, “Cartea lui Veles”.

Вплоть до недавнего времени самыми ранними памятниками древнерусской литературы и письменными источниками истории славян считались Иоакимовская летопись (XI век), «Повесть временных лет» (XII век), выдающееся произведение древнерусской поэзии «Слово о полку Игореве» (XII век), Лаврентьевская (XIV век) и Ипатьевская (XV век) летописи, путевые заметки Афанасия Никитина «Хождение за три моря» (XV век), три редакции «Русского хронографа» (XV век), произведение русской литературы «Степенная книга» (XVI век) и т.д. Оригиналы отдельных памятников, к великому сожалению, исчезли или были уничтожены во время пожара в Москве в годы Великой Отечественной войны 1812 года. Южные и западные славянские народы находились под оккупацией Пруссии, Османской и Австро-Венгерской империй, и потому любые попытки местных патриотов найти и опубликовать какие-либо памятники древнеславянской литературы или написать подлинную историю своих народов жестоко пресекалась властями. В Российской империи до начала XVIII века история считалась одним из литературных жанров. Ценилось не документальное обоснование исторических фактов, а только интересное, литературно-художественное их изложение. Во второй четверти XVIII века особы царской династии Романовых решили отделить историю от жанра художественной литературы и превратить ее в науку. Для этой цели были приглашены в Российскую Академию Наук немецкие историки Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер и чуть позднее А.Л. Шлецер. Немецкие ученые слабо владели русским языком и потому правильно интерпретировать многочисленные древнерусские летописи не могли. Основываясь на ошибочном переводе фрагмента легендарного рассказа летописца из «Повести временных лет» о призвании славянами на Русь варяжского конунга Рюрика, который дал имя первой русской княжеской династии (Рюриковичи, IX-XVI вв.), и игнорируя многочисленные факты, содержащиеся в остальных памятниках древнерусской литературы, они навязали российской науке норманнскую «теорию» образования древнерусской государственности. В соответствии с этой «теорией» представители шведских викингов якобы положили основу господствующего класса древнерусского общества (князья, бояре, воеводы-верхушка командного состава дружин во «времена военной демократии»). Так как эта «теория» противоречила фактам многих летописей, то оригиналы произведений древнерусской литературы стали бесследно исчезать, в частности Ипатьевская летопись, Иоакимовская и другие. Правда, историку В.Н.Татищеву удалось одну летопись переписать. Исчезла богатая библиотека Ивана Грозного. Многие артефакты в области истории, археологии, картографии, а также древние лето-

писи предавались забвению и жесточайшей критике со стороны российской Академии Наук или просто уничтожались, как документы языческого периода. Немецкие ученые превалировали в российской Академии Наук. Из 34 академиков с 1724 по 1840 годов только три были русскими: М.В.Ломоносов, Я.О. Ярцов, и Н.Г.Устрялов. Поэтому не удивительно, что источниковедческая база истории славян обеднела одновременно с уничтожением ценнейших произведений древнерусской литературы. В силу этих обстоятельств поиск древних письменных памятников литературы и источников истории славян стал неотъемлемой задачей филологов и историков всех славянских государств.

В результате этих поисков во второй половине XX века ученым были предложены к рассмотрению дощечки А.Изенбека, выдаваемые за памятник древней письменности славян и летописный источник. В научных кругах развернулась острая дискуссия о достоверности «нового» древнерусского литературного произведения. Эти дощечки с рунической письменностью славян известны с начала XIX века, когда они попали в Россию из хранилищ библиотеки королевы Франции Анны Ярославны (дочери Ярослава Мудрого, выданной замуж в 1051 году за французского короля Генриха I). Как и отец, королева Анна свободно говорила на нескольких иностранных языках, и равных ей по образованности среди женщин всей Европы не было. Помимо богатого приданого она привезла с собой в Париж много книг из отцовской библиотеки, в том числе и старинных. Её муж, король Генрих I, был неграмотен и, подписывая документы, ставил крестик. Однако Генрих I умер в молодом возрасте, и Анна в качестве королевы со славой правила Францией в течение многих лет. Она установила закон, ставший и обычаем: при восхождении на трон французские короли клялись на славянском Евангелии. Спустя столетия Петру I показали Евангелие времен Анны Ярославны с таинственными письменами, которое Петр свободно читал. Свои книги королева Анна передала в основанное ею аббатство Санлик, в котором они хранились почти 800 лет до начала Великой Французской революции. В условиях кровавой смуты, когда громились монастыри и библиотеки, сжигались древние книги, представлявшие большую историческую и литературную ценность, П.П. Дубровский, российский дипломат во Франции, в 1800 году купил множество старинных книг библиотеки Анны Ярославны и привез их в Россию. Будучи небогатым человеком, П.П. Дубровский продал эти ценности крупнейшему коллекционеру древностей начала XIX века ученому археографу А.Н. Сулакадзеву. Однако в 1830 году А.Н.Сулакадзев скончался, его вдова распродала огромную коллекцию мужа, а дощечки купил генерал Н.В.Неклюдов, дед Е.В.Задонской, от

которого она и унаследовала большую библиотеку вместе с уникальной рукописью [5, 1517].

В 1919 году на Украине части белогвардейской армии генерала Деникина заняли село Великий Бурлук, Харьковской губернии, в котором находилась усадьба князей Задонских. К этому времени владелица усадьбы Е.В.Задонская была расстреляна красногвардейцами. Усадьба была разворована. Среди разбросанных книг библиотеки А.Изенбек, полковник артиллерии дивизии генерала Маркова, обнаружил несколько десятков дощечек, которые представляли собой фрагменты деревянной книги, часть из них в виде осколков. На поверхности дощечек А.Изенбек заметил странные письмена, знаки, рисунки животных. Их смысла А.Изенбек не понимал, но так как до войны работал художником-зарисовщиком и принимал участие в археологических раскопках в Туркестане под руководством профессора Фетисова (результаты исследований послужили основанием для принятия А.Изенбека Академию наук), он понял, что тексты дощечек представляют собой большую ценность [19]. После поражения белогвардейских армий на фронтах России А. Изенбек эмигрировал в Болгарию, а впоследствии в Югославию. В Белграде он показал дощечки А.В.Соловьеву, профессору местного университета, который посчитал их подделкой А.И.Сулакадзева, хотя никаких доказательств не привел. В 1924 году А.Изенбек поселился в Брюсселе, где устроился работать художником на местной фабрике и в свободное от работы время стал писать картины. Спустя год в русском православном храме он познакомился с Ю.Миролюбовым, писателем и историком, известным в русских эмигрантских кругах как исследователь религии древних славян и русского фольклора. Он родился и вырос в Карпатах в гуцульской среде и был хорошо знаком с гуцульскими преданиями и фольклором. Миролюбов знал о древнейшем гуцульском способе письма на деревянных дощечках. Будучи студентом Киевского медицинского института, он одновременно занимался русской историей, диалектологией и литературой, а позже изучал санскрит, интересуясь связями славянского языка с этим древним языком. После нескольких встреч и продолжительных бесед с А.Изенбеком, Ю.Миролюбов сообщил ему, что собирается написать поэму о великом князе киевском Святославе Игоревиче, но затрудняется, так как у него нет надежных образцов древнерусского языка. Тогда А.Изенбек сообщил ему о хранящихся в его художественной мастерской дощечках, которые написаны вдавленными в древесину руническими знаками с рисунками, которые вероятно трудно расшифровать. Ознакомившись с дощечками, Ю.Миролюбов представил себе их ценность и неоднократно предлагал

А.Изенбеку показать дощечки специалистам либо сфотографировать их. Однако А.Изенбек, опасаясь потерять реликвии, не разрешал Ю.Миролюбову выносить дощечки из мастерской, а только переписывать их в его присутствии. Ученый-энтузиаст согласился работать в любых условиях, лишь бы иметь доступ к ценнейшему историческому и литературному материалу. Он первым из исследователей предположил, что текст дощечек написан на неизвестном древнеславянском языке. По инициативе Ю.Миролюбова здесь, в Брюсселе, с памятником ознакомились и выдали свое заключение русские ученые-эмигранты, профессора университета Д. Вергун, А.Экк и М.Шефтель. Последний впоследствии эмигрировал в США и стал профессором Корнеллского университета г. Итака [2, 8].

Ю. Миролюбов писал о дощечках: *«Нам выпало большое счастье видеть дощечки из коллекции художника Изенбека, числом в 37... Частью буквы напоминали греческие заглавные буквы, а частью походили на санскритские»* [2,8]. В течение последующих 15 лет Ю.Миролюбов занимался переписыванием и расшифровкой дощечек. Это была кропотливая и трудоемкая работа, так как дощечки были покорежены, их поверхность исцарапана, а местами совсем испорчена какими-то пятнами. Лак, их покрывающий, кое-где отлетел. Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт и покрыт лаком или маслом. Ю.Миролюбов успел скопировать примерно 90% текста. В настоящее время специалисты располагают только его записями и случайно сохранившейся фотографией одной из дощечек. Изучая дощечки, Ю.Миролюбов сделал вывод, что литературный памятник древний, а текст писали несколько человек.

В августе 1941 г. А.Изенбек умер, а в 1943 году его дощечки вместе с сотнями картин и всем имуществом художника были изъяты гестапо. По предположению Ю.Миролюбова, священные письма руссов-волхвов находились в архивах "Ahnenerbe", организации, занимавшейся в годы Второй Мировой войны оккультными исследованиями. Организацией руководили специалисты по древним текстам и санскриту. Также существуют предположения, что дощечки были кем-то украдены и хранятся то ли в библиотеке Лувенского университета, то ли в Ватикане, то ли в Москве в фонде немецкой тайной организации «Ahnenerbe». Невольно напрашивается сравнение с историей оригинала другого исторического памятника – «Слова о полку Игореве», который в 1812 году тоже или был уничтожен пожаром или увезли монахи-иезуиты при отступлении армии Наполеона.

В 1948 году Ю.П.Миролюбов направил копии текстов отдельных дощечек в Русский музей города Сан-Франциско. Этой информа-

цией в 1953 году заинтересовался Александр Куренков (А.А. Кур), получивший классическое языковедческое образование в Петербургском университете [19]. Он, так же, как и Миролюбов, был участником Первой мировой войны, а потом в звании генерала воевал на стороне Белого движения. В 1923 году он эмигрировал в США и стал серьезно заниматься языкознанием и историей. По инициативе А.Куренкова на страницах литературного журнала Русского музея «Жар-птица» с 1957 по 1960 годы систематически публиковались тексты дощечек. Да и сам Ю.П. Миролюбов, вплоть до своей смерти в 1970 году, публиковал статьи и книги по данной проблеме и был уверен в том, что все исходные тексты дощечек подлинные.

Одновременно с публикациями А.Куренкова и Ю.Миролюбова русские и украинские ученые-эмигранты опубликовали много новых источниковедческих трудов по истории и филологии, подтверждающих подлинность текстов дощечек. Ими заинтересовался живший в Австралии ученый-этимолог С.Я.Парамонов, который еще до Второй мировой войны получил довольно широкую известность как исследователь в области славянской истории и диалектологии [19]. Он вступил в переписку с Ю.П. Миролюбовым, получив от него копии текстов, исследовал их и частично издал в своих книгах, опубликованных в Париже и Мюнхене, под псевдонимом С.Я. Лесной. Именно Парамонов назвал безымянные до того времени дощечки «Велесовой книгой», а алфавит, которым она была написана, – «влесовицей». Монографии С.Я.Лесного о «Велесовой книге», истории России, «Слове о полку Игореве», опубликованные в 1950-1960-х годах, по научной основательности не только не уступают работам советским историкам, но и заметно превосходят их по уровню системности анализа [19].

Впоследствии переводом и исследованием текстов дощечек занимался еще целый ряд ученых: Б.А.Ребиндер, В.Е.Лазаревич, А.Кирпич, П.Соколов, С.Н.Ляшевский, В.Шаян, Б.Яценко, Н.Д.Скрипник, В.Качура и др. Большинство из них были лингвистами, и с лингвистической точки зрения они признавали несомненную подлинность текстов. Но специальную историческую экспертизу в то время нельзя было провести из-за отсутствия предмета исследования. Если русские и украинские ученые-эмигранты, сосредоточившись на «Велесовой книге», взялись за разработку и обогащение древнеславянского источниковедения, то советская историческая наука устранилась от этой работы. Тогда С.Я.Парамонов передал в Советский Комитет Славистов на экспертизу снимки текстов «Велесовой книги». Академик В.В. Виноградов поручил экспертизу снимка палеографу и языковеду Л.П.Жуковской. После изучения материала Л.П.Жуковская опубликовала статью «Поддельная

докириллическая рукопись. К вопросу о методе определения подделок» с ясным по заглавию статьи смыслом. Она располагала весьма ограниченным материалом, фотокопией текста только одной дощечки, на которой читалось всего десять строк текста, однако сделала принципиальный вывод, что *«рассмотренный материал не является подлинным [9.117]. С.Лесной посчитал, что соображения эксперта не имеют основания уже потому, что он, эксперт, «этого языка не знает» [12,36]. Потом, по свидетельству А.А.Асова, Л.П.Жуковская вспомнила (на вечере в Доме ученых), какое впечатление на нее произвело появление копии текста «дощечки», принесенной людьми «из органов», да еще вместе с письмом от того самого С.Я.Лесного, коего Н.М.Шарлемань назвал «фашистским прихвостнем» [3, 295]. Таким образом, сотрудники КГБ дали понять ученому, какой результат экспертизы они ожидают. Был 1960 год, когда борьба против «буржуазной псевдонауки» в СССР была в самом разгаре. Кроме того, материалы о дощечках исходили из белоэмигрантских кругов, от которых в это время ничего хорошего не ожидали, кроме идеологических диверсий. Но даже и в этих обстоятельствах Л.П.Жуковская дала понять тем, кто разбирается в вопросе, что на самом-то деле она определила только подлинность дощечки и даже привела строгое палеографическое доказательство этого. Так поняли ее статью А.А.Асов и украинский филолог Б.Яценко [3, 295]. Рецензия Л.П.Жуковской не выглядела убедительной для ученого мира, потому что отсутствовали подлинные дощечки. Определенные надежды сторонникам подлинности исторического памятника внушала публикация С.Я.Лесного в авторитетном сборнике IV Съезда славистов в Софии. Вот основные выдержки из этой публикации, которые вопреки последующей полемике не потеряли ценности и доказательности.*

«<...> 3. Летопись имеет языческий и явно антихристианский характер и включает в себе много оригинальных данных о вере древних (включая даже своеобразное «Верую»), о ритуале и обычаях, но категорически протестует против приписываемых греками людских жертвоприношений. Жертвоприношение людьми, говорит летопись, существует у варягов, но не у нас.

4. Летопись охватывает период «за 1500 лет до Дира», т.е. приблизительно от 650 г. до н.э. и останавливается на Аскольде и Дире. Тип летописи совершенно иной, чем у Нестора. Это не погодная хроника, а изложение эпохальных событий вперемежку с религиозными мыслями, призывами к единству, любви к русской земле и т.д. По крайней мере, три автора, угадываемых по разнице в орфографии,

стиле и типических выражениях, принимали участие в создании летописи.

5. *Летопись не имеет нумерованных страниц, написана «сплошняком», много в ней стёрто, уничтожено временем и червем, есть множество фрагментов и осколков с отдельными словами или фразами, несомненно есть и вовсе утраченные дощечки. Фактически имеется хаос исторического материала.*

6. *Написана летопись особым алфавитом, похожим на кириллицу, но примитивнее её: некоторые буквы, например, «ы» или «ю», вовсе отсутствуют, заменяясь комбинацией: «ы»-ои, а «ю»-иу, имеются и совсем оригинальные буквы.*

7. *Язык летописи безусловно славянский, понимаемый с большим трудом, с совершенно оригинальной грамматикой. Это какая-то странная смесь старославянского, русского, украинского и польского. Преобладают усеченные формы и особые сложные глагольные формы. Бросаются в глаза полонизмы, вроде «пиеде» и т.д. Всюду употребляются архаические формы: «зомб» (зуб), «голомб» (голубь), «ренка» (рука), «вендеврететеса» (возвратиться) и т.д.*

8. *Вопрос о подлинности изучался нами со всей строгостью и тщательностью. Нами установлено, что это не подделка, ибо прежде всего всё в летописи оригинально и непохоже на нам известное:*

а) *Письмена на дощечках вдавлены в древесину, и во вдавленные места втерта краска, и затем все покрыто чем-то вроде лака, этот сорт письмен неизвестен совершенно.*

б) *Алфавит особый: примитивная кириллица с добавлением нескольких неизвестных букв.*

в) *Орфография, грамматика, лексика совершенно своеобразны: нужно было выдумать целый язык.*

г) *Количество материала огромно: до 3 печатных листов сохранилось.*

д) *Сообщаемое о религиозных верованиях объясняет многое, оставшееся до сих пор туманным, например: Триглав, связан с троичной символикой: Сварог, Перун и Свентовид, образующие единство. Религия древних была монотеистична.*

е) *Бросается в глаза своеобразие выражений и интересов писца. Все происходит в степях Причерноморья и сосредотачивается главным образом на скоте. О Киеве имеются только беглые упоминания, хотя в одном месте перечисляется ряд киевских князей и указывается число лет их княжения. Почти половину, если не больше, занимает описание событий, в которых главную роль играют греки, готы, и гунны, а затем идет целый ряд известных и неизвестных народов:*

римляне, кельты, берендеи, ильмерцы, яги, хазары и т.д. Упоминаются известные имена: Германарих (Иерменрех), Аларих (Галарех) и все неизвестные: Сах, Сегеня, Белояр, Свентояр и др. <...> Вся летопись – это сплошной вопль к единению Руси <...> Самое понятие Руси гораздо шире, это не только Киевская Русь, корни Руси уходят на запад к Карпатам, Дунаю и т.п. Суммируя все, можно сказать, что летописец обладал огромными и глубокими познаниями в древней истории, которые были совершенно не под силу какому-нибудь фальсификатору» [18, 321-323].

В 1967 году после смерти Парамонова изучением текста «Велесовой книги» занялся выдающийся украинский философ, санскритолог, славист, религиовед, психолог и педагог В.Шаян. В своих исследованиях профессор В.Шаян исходил из принципа, что «Религия данного народа является свидетельством о нем самом, познать его веру – это познать его характер». В одной из своих работ «Анализ Велес Книги», датированной 12 июля 1974 г., в разделе «Ригведа и Книга Велеса», В.Шаян утверждает одновременность возникновения Ригведы и Книги Велеса. В 1972 г. издатель Н.Ф. Скрыпник опубликовал все найденные тексты дощечек. В Швеции тексты дощечек исследовал В.Штепа, в Австралии П.Соколов, в США В.Качур, во Франции Б.А.Ребиндер и т.д.

Гонения на «Велесову книгу» начались в 70-е годы, когда академик Д.С.Лихачев поручил своему сотруднику О.В.Творогу написать отрицательную рецензию на языческую летопись. Д.С.Лихачев считал, что «Книги Велеса» вообще не могло быть, потому что древнерусская литература возникла сразу после крещения Руси на основе византийской литературы греко-православного типа и деловой письменности [13]. В СССР известные специалисты (В.Буганов, А.Монгайт, Ф.Филин, О.Творогов и др.) считали дощечки подделкой Ю.Миролюбова или Сулакадзева. Причиной отвержения подлинности «Велесовой книги» была не только неприязнь к «белогвардейцам» но и недоверие ученых профессионалов к «любителям» вроде Ю.Миролюбова и С.Лесного. В итоге полный текст «Велесовой книги» был недоступен широкому кругу читателей.

Первый аргумент противников достоверности памятника – это «искусственный» язык «Велесовой Книги», не соответствующий нормам церковнославянского языка. Однако вряд ли можно судить о языке этого памятника с точки зрения норм единственно известного нам древнего славянского языка, на котором писали христианские авторы, тем более что имеется много аргументов, свидетельствующих, что письменность на Руси существовала задолго до принятия христи-

анства. В поселениях Черняховской культуры на Днепре (III-IV вв.н.э.) находят рунические надписи на глиняных пряслицах и сосудах. В древней Хазарии, по сведениям арабских ученых, пользовались «русским письмом». Монахи Кирилл и Мефодий в 860 году в своих воспоминаниях «Паннонском житии», утверждают, что Кирилл задолго до того, «как им была создана азбука, побывал в Крыму (Херсонесе), и привез оттуда Евангелие и Псалтырь, изложенные русскими буквами». Известен диплом папы Льва IV (с 847 по 855 гг.), написанный кириллицей до её «изобретения» [6, 1]. А ученый Н.А.Павленко в фундаментальной монографии «История письма» обсуждает шесть гипотез происхождения кириллицы и глаголицы и приводит аргументы в пользу существования глаголицы и кириллицы у славян еще в дохристианские времена [14].

Сегодня никто не может отрицать, что языческие предки славян вполне могли создать свою грамоту. Древние славяне активно общались на западе и северо-западе с германскими племенами, пользовавшимися руницей, а на востоке и юго-востоке с тюркскими народами с такой же письменностью. Трудно предположить, что славянские племена, находившиеся тогда на одинаковом с германскими племенами уровне развития, не знали рун. «Велесова книга» является важным источником по дохристианской истории Руси. К этому же сведения, которые сообщаются в источнике, подтверждают исследования ряда современных авторов, к примеру Ю.Д.Петухова.

Более оживленный интерес к «Велесовой книге» проявляется, начиная с 1976 года, так как в СССР стали доступны по различным каналам публикации текста и переводы текстов дощечек, появившиеся на Западе. Газета «Неделя» напечатала статью В.Скурлатовой и Н.Николаевой, в которой отмечается, что *«Содержание ее (Велесовой книги) столь необычно, что не укладывается в рамки существующих представлений о древности славянской письменности. И, может быть, поэтому недоверие было первой реакцией некоторых ученых. Необычность содержания „Велесовой книги” ставит перед исследователями вопрос: о соответствии этого содержания современным научным представлениям о происхождении славян»* [16,10].

В.Скурлатова и Н.Николаева обращают внимание на тот факт что летопись изображает совершенно неожиданную картину далекого прошлого славян, повествует о руссах как «внуках Дажьдбога», о «праотцах Богумире и Оре», рассказывает о передвижении славянских племен из глубин Центральной Азии в Подунавье, о битвах с готами и затем с гуннами и аварами, о том, что трижды Русь погибала и вновь возрождалась. Летопись сообщает о скотоводстве как основном хозяй-

ственном занятии древних славяно-русов, о стройной и своеобразной системе мифологии, миропредставлении, во многом неведомом ранее. Придумать такое вряд ли под силу какому-либо заурядному фальсификатору [16,10]. В 1976 году в той же «Неделе» было напечатано выступление писателя В.Старостина, который вновь поднимает проблему исследования древнерусского литературного памятника: *«...для меня и в маленьких отрывках, но большой смысл открылся. Одни имена уже неподдельны и неподражаемы: Богумир, Славуна, а вместо Рюрика – Ерек; дивно прекрасен оборот «прибежищная сила» – все это мог создать только народ. А найдись бы творец да сотвори все это пусть и в недавние времена единственно из сердца своего – значит, такой человек безмерно даровит. В любом случае “Велесова книга” бесценный дар, и недопустимо замалчиванием отстранять от нее читателей и писателей»* [17,10].

В ответ на статьи поборников подлинности текстов дощечек в 1977 году в журнале «Вопросы истории» свое суждение по этому вопросу высказали Б.А.Рыбаков, В.И.Буганов и Л.П.Жуковская. Однако их критика была основана лишь на лингвистических и палеографических наблюдениях Л.П.Жуковской, сделанных ею еще в 1959 году, а с содержанием текста памятника авторы так и не познакомились, видимо, руководствуясь информацией, содержащейся в статье В.Скурлатова и Н.Николаева. Они отмечают наивность мнений о «Велесовой книге», славянских праотцах Богумире и Оре, их сыновьях и дочерях, от имени которых будто бы пошли названия славянских племен [4, 202-205]. В том же году, в журнале «Огонек», писатель Д.Жуков призывает к *«возобновлению изучения „Велесовой книги“, содержание которой столь необычно, что оно не укладывается в существующие представления о древности славянской письменности и потому стало предметом научных споров и даже обвинений в мистификации»* [8,29]. В том же году газета «Литературная Россия» публикует письмо поэта И.Кобзева, в котором вновь поднимается вопрос о необходимости тщательного изучения исторического и литературного памятника, каким является «Велесова книга» [11,19]. В 1980 г. в журнале «Русская речь» была опубликована статья члена-корреспондента АН СССР Ф.П.Филина и доктора филологических наук Л.П.Жуковской, в которой вновь анализируется язык «Велесовой книги» и на основе этого анализа делается весьма определенный вывод: *«Это совершенно явная и грубая подделка, в которой нет ни “таинственности”, ни загадок»* [9,117].

Однако прежде чем обвинять Ю.Миролюбова в подделке, надо понять, зачем ему это было нужно. Язык берестяных грамот Новгоро-

да, найденных А.В.Арциховским, имеет некоторые особенности, например, отражает цоканье – неразличимость Ц и Ч, на что объективно указала Л.П.Жуковская до ее экспертизы одной фотографии текста дощечки «Велесовой книги». Для языка берестяных грамот древнего Новгорода характерно также совпадение форм дательного и родительного падежей. Эта морфологическая особенность склонения наблюдается и в текстах волхвов. «Велесова книга» IX века на два столетия древнее известных ныне берестяных грамот (XII в.), время, за которое новгородский диалект еще не претерпел столь существенных изменений. Поскольку берестяные грамоты признаны подлинниками, а были найдены они через несколько десятилетий после обретения «Велесовой книги», следовательно, использовать их для подделки никто не мог. В 1949 году в 39 томе архива поэта Державина был найден рунический текст «Боянова гимна», который рассказывает об эпизоде борьбы антов-полян с готами в IV веке н.э. Предельно сжатый стиль документа удивительно напоминает «велесовицу».

Исследователь Виктор Грицко выделил из «Велесовой книги» один сюжет. Согласно хронологии авторов текста дощечек, их предки в начале II века до н.э. переселились с Карпат в бассейн Припяти. В районе Днепра они жили до начала III века н.э., а потом вновь последовало переселение. При этом к родственным народам причислены придунайские бастраны. Выделенный сюжет, – пишет В.Грицко, – хорошо ложится на зарубинецкую археологическую культуру. Ее памятники сосредоточены главным образом в районах Среднего и Верхнего Поднепровья и Припятского Полесья. Возникновение этой культуры относится к последней трети III – началу II века до н.э., а исчезновение – к концу II века н.э. Данная культура полиэтнична. Таким образом, налицо согласованность сведений «Книги Велеса» и современных нам археологических данных.

П.Н. Третьяков, В.В. Седов и их сторонники утверждают, что зарубинецкая культура оставлена славянами. Расселение носителей зарубинецкой культуры в северо-восточном направлении, по мнению этих исследователей, отражает процесс славянизации верхнеднепровских областей, ранее принадлежавших балтам. Носителями позднезарубинецкой культуры были славяне – потомки зарубинецких племен и славянизированное местное население. Исследователь К.В.Каспарова, анализируя металлические застежки для одежды (фибулы), найденные в археологических культурах, пришла к выводу, что зарубинецкая культура имеет также и черты культур Балкано-Карпатского региона, носителями которых были кельто-даки и кельто-иллирийцы. Особенно близки к зарубинецким племенам, по мнению К.В.Каспаровой, носи-

тели поянешть-лукашевской культуры, представленной племенами ба-странов, славян-венетов и др. Исходя из этого тезиса, исследователь высказала мнение, что носители зарубинецкой культуры представлены разноэтничными племенами – бастранов и кельто-илирийцев, которые в процессе исторического развития смешались с местными группами населения [10]. С конца II века н.э. зарубинецкая культура сменяется черняховской, с которой имеет много общих черт [1].

Следовательно, «фальсификатор» Ю.П.Миролюбов должен был быть болгарской Вангой и заранее знать филологические тонкости новгородских берестяных грамот, и буквально смотреть сквозь землю, чтобы опередить своей фальшивкой сведения современной археологии на 30-50 лет. И таких примеров опережения «Книгой Велеса» данных археологии много, главным образом они укладываются в праславянскую концепцию академика Б.А.Рыбакова, хотя он сам не высказался определенно ни за, ни против достоверности текстов дощечек волхвов.

Однако, несмотря на позицию академиков, апологеты у «Велесовой книги» остались. Среди советских ученых были личности, которые не клеймили этот памятник древности как подделку, но призывали к его тщательному изучению. Это, например, В.Вилинбахов и В.Скурлатова, а также известный археолог, открыватель берестяных грамот А.В.Арциховский. Достоверность «Книги Велеса» отстаивал литературовед Ю.К.Бегунов – академик и доктор филологических наук, известный специалист по средневековой русской литературе. Мнение такого учёного весомо. Кроме него аутентичность «Книги Велеса» отстаивал профессиональный филолог Н.В.Слатин, профессор Санкт-Петербургского университета И.В.Базиленко и др. Таким образом, с конца 80-х годов в бой с обеих сторон (и сторонников, и противников подлинности памятника) включились профессионалы. В Украине сложилась целая школа «влесоведения», которая заняла заметные позиции в украинской науке. За подлинность «Книги Велеса» в этой стране высказалась целая группа известных ученых: профессор О.И.Белодед, кандидат филологических наук В.В.Цыбулькин, историки М.Ф. Слабошпицкий, В.Киркевич, С.П.Плачинда, известный археолог Ю.А.Шилов. Ими опубликованы монографии, брошюры и статьи о «Книге Велеса», сделаны переводы литературного памятника. В Украине, на официальном уровне, «Книга Велеса» признана подлинным древним литературным и историческим памятником, ее изучают в средних школах и университетах. В научной печати Украины нет статей и монографий, отрицающих подлинность «Велесовой книги».

Даже в Латвии на кафедре славяноведения Латвийского государственного университета с 1996 г. идут защиты диссертаций по

«Книге Велеса». Да и в странах дальнего зарубежья ученые проявляют большой интерес к исследованиям дощечек. Среди них профессионалы с мировым именем: П.Е.Ковалевский, Р.Пешич, а также ученики Г.В.Вернадского И.В.Константинов и М.Башилов. Особо следует отметить сербскую школу «влесоведов». У ее истоков стоял академик Радивой Пешич, который был генеральным секретарем Балканологического общества в Риме, ведущим сотрудником Института раннеславянских исследований в Лондоне, профессором Миланского и Белградского университетов. Приведем оценку сербской школы «Велесовой книги», выраженную академиком Радивоем Пешичем: *«<...> она охватывает период жизни славян приблизительно от 650 года до н.э. включительно до последней четверти IX века. Хотя нам известно, что некогда давно писали на дереве, это первые дощечки, которые узнала наша история. <...> Ни один исторический документ до настоящего времени не написан таким письмом, которое в основе очень близко к кириллице. Следовательно, язык полностью самостоятельный и вновь не обработанный, а также объединяет в себе наряду с архаизмами и языковые формы, которые выглядят новыми. Существование представления о развития славянских языков основываются только на фрагментах исторических источников, которые берут свое начало от IX века и далее. При этом не существует ни одного образца древнего говора Киевской Руси. Язык древней Руси филологически реконструировали только на основе сравнения с другими славянскими языками и то опять из источников нового происхождения. Язык дощечек Изенбека, вероятно, на несколько веков старше нашего наиболее старого источника...»* [15]. После смерти академика Р.Пешича в 1991 г. его дело продолжила целая группа ученых: доктор филологических наук, декан филологического факультета Белградского университета Радмило Мароевич, доктор филологических наук А.М.Петрович, археолог С.Давидович-Живанович, дети Р.Пешича и ряд других исследователей.

Из представителей российской академической науки в 90-е годы в защиту «Велесовой книги» выступили солидные ученые: доктор филологических наук, специалист по средневековой литературе, академик Ю.Бегунов (Москва), профессор-филолог Б.И. Яценко (Киев), ученый совет Международного института им. Г.Р.Державина. Кроме них аутентичность текстов «Книги Велеса» отстаивали филолог Н.В.Слатин, а также профессор И.В.Базиленко из Санкт-Петербурга, которым в 1999 г. был прочитан доклад «Русь и Иран: общеарийское прошлое (по «Книге Велеса»). Проблемы историографии».

На Международном симпозиуме «Разрушение и ренессанс славянской цивилизации» в Лондоне (1992 г.) «Велесова книга» была признана важным звеном общеславянских ценностей. В 1994 и 1997 годах «Велесова Книга» была переведена на сербохорватский и украинский языки филологами профессионалами. Надо отметить, что «Велесова книга» стала важной частью всей славянской культуры. Ее образы используют поэты (И.Кобзев, М.Карпенко), писатель С.Алексеев), художники (И.Глазунов, А.Клименко), авторы документальных фильмов. На основе данных этой работы ведут реконструкцию обрядов народных славянских религий Украины и России. В своем труде «Приникание» А.И.Умнов-Денисов решил главную задачу, которая может поставить точку в продолжающемся десятилетиями споре. Он дал добротный перевод текстов дощечек, представил некоторые убедительные аргументы в пользу того, что «Велесова книга» не может быть подделкой и хранит признаки древнего восточнославянского языка VIII века н.э. Он считает, что невозможно подделать тысячи фактов и придумать тысячи имен без смысла и цели. К сожалению, считает А.И.Умнов-Денисов, Ю.П.Миролюбову не удалось сделать правильный перевод, а все остальные исследователи исходили из его перевода, не стремясь правильно прочитать подлинник на влесовице. Ю.П.Миролюбову подражали и все последующие переводчики, и потому их переводы оказались неправильными. А.И.Умнов-Денисов впервые дал, вероятно, достоверный перевод текстов дощечек, а значит, и реконструкцию содержания «Велесовой книги», основываясь на подлинной влесовице, а не на ее многочисленных интерпретациях. Таким образом, А.И.Умнов-Денисов открыл новые возможности для правильного и глубокого изучения памятника древнерусской литературы, что явится весомым вкладом в историческую и филологическую науку.

В завершение рассмотрения интереснейшего памятника древней славянской письменности, а возможно, и источника истории славян – «Велесовой книги», необходимо отметить, что этот памятник остается предметом дискуссий, ибо далеко не всеми учеными признается его подлинность. Мы постарались показать, что нет прямых, серьезных доказательств фальсификации этого памятника и что есть масса свидетельств его аутентичности. Поэтому надеемся, что исследования этого памятника будут продолжаться.

Литература

1. Археологія України: Курс лекцій. – Київ, 2005.
2. Асов, А.И. Атланты, арии, славяне: История и вера. М., 2008.
3. Асов, А.И. «Тайны Книги Велеса». – М., 2009.

4. Буганов, В.И., Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А. Мнимая "Древнейшая летопись" // Вопросы истории. 1977, № 6.
5. Вестник Академии ДНК-генеалогии. 2013, № 9.
6. Грибковский, В.П. Была ли у славян письменность до Кирилла и Мефодия?/ <http://libereya.ru/public/gribovskiy/c/1>.
7. Додонов, И.Ю. Истоки славянской письменности. М., 2008.
8. Жуков, Д. Тысячелетие русской литературы.// Огонек, 1977, № 13.
9. Жуковская, Л.П., Филин, Ф.П. "Влесова книга..." Почему не Велесова? (Об одной подделке) // Русская речь, 1980, № 4.
10. Каспарова, К.В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1984.
11. Кобзев, И. Где прочитать "Влесову книгу": Письмо в редакцию.// Литературная Россия, 1977. № 49.
12. Лесной, С. «Влесова книга» - языческая летопись доолеговской Руси: История находки, текст и комментарий. Вып. 1. Виннипег, 1966.
13. Лихачёв, Д.С. Возникновение русской литературы. – М.-Л., 1952.
14. Павленко, Н.А. История Письма. – М., 1987.
15. Пешич, Радивой. Рассмотрение материалов Велесовой книги и комментарии. <http://via-midgard.info/news/20021-radivoj-peshich-rassmotrenie-materialov-velesovoj.html>.
16. Скурлатов, В., Николаев, Н. Таинственная летопись: Гипотеза на проверку. «Влесова книга» – подделка или бесценный памятник мировой культуры. // Неделя. 1976. № 18.
17. Старостин, В. Документ или подделка. // Неделя, 1976. № 33.
18. Тезисы С. Лесного «О "Влесовой книге"» были опубликованы в кн.: Славянская филология. Т. 4: Доклады, сообщения и статьи по литературоведению. – София, 1963.
19. Трофимов, А.И. Велесова книга. Научные страсти-мордасти. <http://www.strannik.tv/history/vleskniga.htm>

О ВЛИЯНИИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО НА БОЛГАРСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

*Караиванова Татьяна
(София, Болгария)*

Аннотация. В статье рассматривается влияние великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко на болгарскую литературу во второй половине XIX – начале XX веков. Данный период совпал с расцветом литературы болгарского Возрождения, торжеством реализма и усилением в литературе идей освободительного и революционно - демократического направления.

Ключевые слова: болгарское Возрождение, украинский поэт Тарас Шевченко, реализм, национально-освободительное движение.

THE INFLUENCE OF TARAS SHEVCHENKO ON THE BULGARIAN LITERATURE

Abstract. The article examines the impact of the great Ukrainian poet Taras Shevchenko on the Bulgarian literature in the second half of XIX - early XX centuries. The period coincided with the golden age of the Bulgarian Renaissance literature and the triumph of realism and strengthening the ideas of liberation and revolutionary- democratic direction in literature.

Key words: Bulgarian Renaissance, Ukrainian poet Taras Shevchenko, realism, the national liberation movement.

INFLUENȚA OPEREI LUI TARAS ȘEVCENCO ASUPRA LITERATURII BULGARE

Adnotare. În articol este abordată problema influenței operei artistice a marelui poet ucrainean Taras Șevcenko asupra literaturii bulgare în perioada anilor 1863-1914, marcați prin apogeul Renașterii naționale a bulgarilor și evoluția în literatura bulgară a ideilor revoluționar-democratice.

Cuvinte-cheie: Renașterea națională, poetul ucrainean Taras Șevcenko, realismul în literatură, mișcarea de eliberare națională.

Осенью 1863 г. в Москве Райко Жинзифов издает свою книгу «Новоболгарский сборник», в которой публикует первый перевод на болгарский язык отрывка поэмы Шевченко «Кобзарь» под названием «Гуслияр Тарас Шевченко». В связи со 150-летием издания сборника и предстоящим в марте 2014 г. 200-летием со дня рождения великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко у нас появилась возможность рассказать о его значительном влиянии на болгарскую литературу в целом и ее представителей в частности.

Произведения украинских поэтов и писателей начали распространяться в порабощенной Болгарии в 60-е годы XIX века. Это совпало с расцветом литературы болгарского Возрождения, торжеством реализма и усилением в литературе идей освободительного и революционно-демократического направления.

Творчество великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко (1814-1861 гг.) оставило глубокий след в болгарской литературе до и после Освобождения. Первыми знакомятся с творчеством поэта представители болгарской интеллигенции, обучающейся в России. Болгарские студенты, некоторые из них будущие писатели и поэты, читают в оригинале произведения этого борца за освобождение украинского народа. И не только читают произведения Шевченко, но и сами вдохновляются их естественностью и простотой, реалистичностью и волнующим лиризмом, близостью к народной песне и ясным

народным языком, образами народной жизни, свободомыслием и глубоким гуманизмом. Через свои произведения Шевченко внушает читателям необходимость сопереживания народной жизни, вызывает в их душе патриотический огонь сопричастности к борьбе и стремлениям народа. Великий болгарский поэт и писатель Стилиан Чилингиоров пишет: *«Тарас Шевченко был одним из наиболее любимых поэтов наших писателей в последние двадцать лет рабства»* [9, 62].

Рассмотрим переводы произведений Шевченко на болгарский язык и попытаемся оценить влияние, которое оказал великий украинский поэт на некоторых будущих классиков болгарской литературы в период с 1863 года, когда были переведены его первые произведения, и до 1914 года, когда в Болгарии литературной и культурной общественностью широко отмечалось 100-летие со дня рождения «кобзаря».

Первым литературным деятелем, который проявил интерес к творчеству Шевченко, стал Райко Жинзифов (1839-1877 гг.). С произведениями великого украинского поэта Жинзифов знакомится еще в 1857 году, будучи учащимся Херсонской семинарии в Одессе. Обучаясь в Московском университете, он переводит на болгарский язык стихотворение Т.Шевченко «Послание славному П.И. Шафарику» (которое не было напечатано и осталось в его архиве). В своей книге «Новоболгарский сборник» Райко Жинзифов публикует свой перевод части замечательной поэмы Шевченко «Кобзарь» под названием «Гусляр Тарас Шевченко, перевод с малоросского наречия» [5, 107]. С этого момента и до своей смерти в 1877 г. Райко Жинзифов переводит и печатает произведения украинского поэта в газете «Свобода» и журнале «Читалище» («Библиотека»).

Кроме упомянутого отрывка из «Кобзаря» Жинзифов переводит также «Казацкую песню» [6, №. 35 от 1870], отрывок из драмы «Наймичка» под названием «Ратайкиня» [10, кн. 1-2 от 1871], «Завраження» [10, кн. 12 от 1872] и «Стихотворения» [10, кн. 14 от 1873]. Переводы этих произведений несовершенны с художественной точки зрения [3, 261-272]. Критикуя переводы Жинзифова, Любен Каравелов пишет: *«<...> нужно во-первых пережить, перестрадать то, что пережил, перестрадал Шевченко. Нужно, чтобы каждая Шевченковская песня была частицей твоей жизни, нужно дорасти до Шевченко, а этого может постичь не каждый, особенно г-н Жинзифов»* [1, 203]. Все это верно, но отвечает ли строгое требование Каравелова необходимости внутреннего родства с чужой поэзией и верного перевода оригинала? Критика Райко Жинзифова столь основательна, что обращается против самого Каравелова. Он также пытается перевести «Коб-

заря» на болгарский язык [1, с. 203] и, поняв, что перевод не отвечает художественным требованиям, не публикует его.

Под влиянием лирики Т. Шевченко Райко Жинзифов пишет и публикует в Москве свои первые стихотворения, а вдохновленный «Кобзарем», сочиняет поэму «Кървава кошуля» («Кровавая косуля»). Сегодня переводы Жинзифовым шевченковских произведений утратили свое значение и популярность, но в 60-е и 70-е годы XIX века они пропагандировали идеи Шевченко среди болгарской интеллигенции и народа, оказывали влияние на воспитание идей борьбы за освобождение среди болгар.

Переводы Любена Каравелова (1834-1879 гг.) публикуются почти в это же время (70-е годы XIX века). Он первым переводит стихотворение «Учитесь, братья мои» [6, №. 2 от 1870]. Затем переводит и печатает стихотворения «Песня» [6, №. 44 от 1870], «Родила меня мама» [6, №52 от 1871], «Иоанн Хус или еретик» [6, №2 от 1871], «Течет вода в синее море» [6, №17 от 1871]. Некоторые из этих переводов и сегодня не утратили своей художественной ценности.

Протест против социального гнета в обществе и использование поэтических элементов народных песен больше всего привлекает творца Каравелова, по этой причине Шевченко стал особенно близок его сердцу: «<...> *есть стихотворения, – пишет Каравелов, – которые способствуют прогрессу народа, но они должны быть гуманны, правдивы и разумны, каковыми являются стихотворения малорусского поэта Тараса Шевченко. Любая поэзия должна быть истинна, должна правильно отражать нравы и обычаи народа...*» [1, 269].

Любена Каравелову близка поэзия Шевченко, поэтому под воздействием творчества великого украинского поэта он пишет и свои стихотворения. Каравелов усваивает ряд мотивов, ритмику «кобзаря». Одновременно испытывая влияние болгарской народной поэзии и тонко чувствуя богатство болгарского языка, он полностью ставит свою лирику на службу освободительной борьбе болгарского народа. Профессор Иван Шишманов отмечает, что из 191 стихотворения Любена Каравелова, напечатанных в его собрании сочинений, 113 написаны в свойственной Шевченко ритмике и в духе украинских народных песен [12, 64].

Глубоко связан с творчеством Т. Шевченко и Петко Рачев Славейков (1827-1891 гг.). «*Несомненно – пишет проф. Шишманов, – самый талантливый из трех самых горячих почитателей творчества Шевченко у нас – Петко Славейков, настоящий поэт, мастер слова, он наиболее глубоко в сравнении с Жинзифовым и Каравеловым проникся душой украинского барда*» [12, 20].

Петко Славейков рано знакомится с произведениями Тараса Шевченко. В его архиве сохранились русские стихотворения, среди которых есть и произведения украинского поэта. Еще перед Освобождением Болгарии в 1878 году Славейков переводит стихотворение «Проходят дни, проходят ночи». В его творчестве обнаруживается большое количество элементов благотворного влияния великого поэта Украины. Поэзия Шевченко открывает болгарскому возрожденческому писателю широкий путь к народу, к жизни болгар, их истории, устному творчеству, укрепляет его сочувствие народным страданиям в неволе. Все это помогает Петко Славейкову почувствовать Шевченко, как своего учителя и настоящего народного поэта. Следы влияния украинского лирика обнаруживаются во многих стихотворениях Славейкова, в его поэмах «Изворът на Белоногата» («Источник белоногой») и «Бойка войвода» («Бойка воевода»), в его стремлении творить поэзию на понятном мелодичном языке.

Творчество Тараса Шевченко оказывает благотворное влияние и на великого болгарского поэта, публициста, революционера Христо Ботева (1848 – 1876 гг.). С произведениями Шевченко он знакомится, будучи учеником второй одесской гимназии (1863 – 1865 гг.). Сильное влияние лирики украинского поэта видно в стихах Ботева «Майци си» («Маме»), «На прощаване» («На прощанье») и «Хайдуту» («Гайдуки») [8, 381].

После освобождения Болгарии от турецкого рабства в 1878 году болгарская переводная литература продолжает обогащаться произведениями Тараса Шевченко. Особое внимание к его творчеству в 80 – 90 годы XIX века проявляют Петко Славейков и Иван Вазов. Славейков переводит и печатает известные произведения украинского поэта: «Мысли мои», «Гусляр» (отрывок из поэмы «Перебендя») и «Сиротка» (отрывок из баллады «Причинная») [4, 425].

Творчество украинского поэта вдохновляет Славейкова на написание остросатирических произведений против политики болгарских князей Александра I и Фердинанда I. Шевченковский дух ненависти к угнетателям и народные страдания отразились в сатире Славейкова «Песня тиранов», которая сегодня, к сожалению, не популярна среди читателей.

Народный поэт Иван Вазов (1850 – 1921 гг.) знакомится с творчеством Шевченко, еще будучи учащимся в родном городе Сопот: произведения «кобзаря» читал своим воспитанникам учитель Партевий Белчев. Позже, когда в 1865 – 1866 учебном году Вазов был помощником учителя Ботьо Петкова в богатой библиотеке Калоферского училища, он с увлечением читает лирику Шевченко [11, 234]. Знание

творчества украинского поэта позже помогает Вазову создать свои поэмы, в частности, «Грамада». Впоследствии Вазов признается проф. И.Шишманову: «Размер поэмы “Грамада” я взял у Шевченко, из поэмы “Катерина”, которую нам читал учитель Белчев в Сопоте. После снова читал “Катерину”» [11, 234].

В поэме «Грамада» Иван Вазов правдиво отражает конфликт между болгарским народом и его врагами – турецкими поработителями и их болгарскими помощниками – чорбаджиями. Правдиво и искренне Вазов рисует быт и жизнь болгарских крестьян, нежную любовь молодых людей – темы, которые в творчестве Шевченко находят широкое воплощение. Действительность времен турецкого рабства и демократические позиции Ивана Вазова позволяют ему создать образы, близкие к образам украинского поэта [2, 440].

Упомянутый болгарский поэт и писатель Стилиян Чилингиров публикует в 1911 году книгу «Тарас Шевченко на болгарском языке. Библиографические заметки по случаю 50-й годовщины его смерти». Из этой библиографии видно, как много произведений Шевченко переводилось и печаталось в болгарских журналах и газетах, что свидетельствует о большом и постоянном интересе болгарских читателей к творчеству великого украинца в период с 1878 по 1911 годы.

Особенно много переводов произведений Тараса Шевченко на болгарский язык было опубликовано в первой половине 1914 года в связи с 100-летней годовщиной со дня рождения. Нужно отметить, что многочисленные публикации в болгарской печати того времени носили исключительно научно-популярный характер. Собственно исследовательский характер имеет работа известного болгарского ученого и украинофила профессора Ивана Шишманова (женатого на одной из дочерей профессора М. Драгоманова и первого посла Болгарии в Киеве в 1919 – 1920 гг. во времена Украинской Народной Республики) «Тарас Шевченко, его творчество и его влияние на болгарских писателей перед Освобождением» [12, 37-40].

В заключение можем обобщить, что лирика Шевченко была хорошо знакома болгарским литературным деятелям и читателям с 60-х годов XIX века до первого десятилетия XX века. Шевченковское творчество оказало свое благотворное влияние на видных болгарских поэтов Райко Жинзифова, Любена Каравелова, Петко Славейкова, Христо Ботева, Ивана Вазова и многих других.

Литература

1. Арnaudов, М. Любен Каравелов. Живот, дело, епоха. – София, 1972.
2. Вълчев, В. Грамада, сюжет, първообрази, съпоставки. В: Сборник Иван Вазов по случай 100 години от рождението му. – София, 1950.
3. Динеков, П. Възрожденски писатели. – София, 1962.
4. Периодично списание на Българското книжовно дружество. – София, 1885.
5. Поглубко, К. За да бъдат полезни на народа си. – София, 1976.
6. Вестник «Свобода». – Букурещ, 1871.
7. Сп. Славянски глас, кн. 1-2. – София, 1911.
8. Унджиев, И., Унджиева, Ц. Христо Ботев. Живот и дело. – София, 1975.
9. Чилингиров, С. Тарас Шевченко на български език. В: Сборник в чест на проф. Иван Шишманов по случай 30-годишната му научна дейност. 1889-1919. – София, 1920.
10. Сп. «Читалище». – Цариград, 1870.
11. Шишманов, И. Иван Вазов. Спомени и документи. – София, 1930.
12. Шишманов, И. Тарас Шевченко, неговото творчество и неговото влияние върху българските писатели преди Освобождението. – София, 1914.

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ: ОЧЕРК «ПОХОРОНЫ НЕКРАСОВА (ПИСЬМО ИЗ ПЕТЕРБУРГА)»

*Гулуа Нато Ревазовна,
академически доктор филологии,
асоцииран професор
(Кутаиси, Грузия)*

Анотация. В статъе разсматривается очерк Акакия Церетели «По-хороны Некрасова», опубликованный на русском языке. Церетели как очевидец передает свое впечатление о данном событии. Статъе является историческим свидетельством, так как современные исследователи литературы видят в ней отношение грузинского писателя к русской литературе, к событиям 60-х годов XIX века. Научная новизна статъи определяется тем, что данное произведение все еще не получило должного освещения в русско-грузинской компаративистике.

Ключевые слова: Акакий Церетели, русско-грузинская компаративистика, биографический очерк.

AKAKI TSERETELI AND RUSSIAN NATIVE WRITERS (ACCORDING TO WORK «NEKRASOV'S FUNERAL»)

Abstract. Among Akaki Tsereteli's Russian works here is emphasized in a given work the letter «Nekrasov's Funeral». In this work as an eyewitness Akaki is telling us the story about funeral of the well-known Russian poet. The mentioned work «Nekrasov's Funeral» is so interesting and important for contemporary literature studies as there have been clearly defined the author's approach to Russian writers, and also his position towards the events of Russia in 60th of XIX century, which he has revealed in his ironic approach to revolutionary-youths, for whom the Nekrasov's ideological and political sights were more important than his poetry.

Key words: Akaki Tsereteli, Russian-Georgian Comparative, biographical sketch.

История русско-грузинских литературных взаимоотношений сегодня открывает новую страницу. Деидеологизированный подход к их истории позволяет непредвзято взглянуть на известные, забытые или же вовсе не получившие отражения факты. Тем самым восполняется еще одна страница культурного и научного интереса, в которой с равных позиций анализируются факты творческой биографии грузинского общественного деятеля, писателя и поэта Акакия Церетели. Его интерес к русской литературе отражен в многочисленных очерках и статьях, опубликованных на грузинском языке и ставших предметом исследования в грузинской литературной компаративистике и литературной критике. Очерк А. Церетели «Похороны Некрасова (Письмо из Петербурга)» стоит несколько особняком от его известных очерков о русских писателях. Очерк написан на русском языке и непосредственно отражает восприятие этого события сторонним наблюдателем. С точки зрения жанра он также интересен, так как выполнен в традиции европейской эссеистики, в нем передана картина живого восприятия события, а также факты отношения Ф.Достоевского и А.Краевского к личности Некрасова и его деятельности; тем самым полифонизм рецептивных уровней текста создает живую картину, в которой зафиксирован синтез документализма, биографизма, бытовой фон как бы обрамляет передаваемое событие.

Молодой Акакий Церетели уже этим небольшим произведением показал свою осведомленность в тех процессах, которые в это время происходили в литературе. «Письмо», несомненно, написано в жанре физиологического очерка, который популяризировали в своем журнале Некрасов и его единомышленники. Это давало возможность показывать действительность с такой стороны, которая не была предметом литературного интереса, тем самым высказывать свое непредвзятое отношение к ней. Очерк написан в то время, когда внутри страны особенно осложнились проблемы национальной политики. Крымская война показала

несостоятельность армии, возникали восстания и бунты. Документализм, желание объективного восприятия и изложения отражены в заглавии очерка. Подзаголовок очерка также имеет несколько ироничский подтекст: известно, что все письма проходили цензуру, следовательно, автор подчеркивает, что некоторые пассажи текста нужно было «прочитывать» между строк. Он только констатирует факт и фактически не дает авторской оценки. Однако сам стиль повествования контрастен заглавию, конфликтен: от скорбного к ироничному. Наш интерес к этому очерку вызван тем, что в истории русско-грузинской компаративистики это произведение все еще не получило должного освещения. В числе первых публикаций в Грузии он был включен в издание произведений Акакия Церетели на русском языке в 1963 году.

Во вступительной статье к изданию Г. Абзианидзе дает общую характеристику произведений А. Церетели и отмечает его неувядающий интерес к русской литературе. В примечаниях к публикации Г. Абзианидзе дает краткие исторические комментарии, которые, на наш взгляд, нуждаются в информационном дополнении. К немногочисленным откликам на это произведение необходимо отнести статью А. Буачидзе «Акакий и русскоязычная пресса» [1, 14], который объясняет стремление Акакия Церетели писать статьи и очерки на русском языке желанием донести до русского общественного мнения истинное отношение реакционеров к национальным проблемам, тем самым противостоять языковой политике царизма, защитить грузинскую культуру и грузинский язык. Подобный очерк мог быть написан лишь в 90-е годы, когда грузинская общественность смогла защитить свой государственный язык. Сложность анализа заключается также в том, что сама история этих взаимоотношений сегодня требует пересмотра и реорганизации. В своей статье А. Буачидзе упоминает Некрасова в перечне писателей, которым А. Церетели посвящал свои статьи. Можно предположить, что отсутствие интереса к этому очерку со стороны как русских, так и грузинских исследователей вызвано тем, что до 90-х гг. анализировались лишь те произведения, в которых выражалась общественно-политическая позиция писателей, в данном же очерке отношение Акакия Церетели к личности Некрасова и его общественной деятельности сопровождается созданием картины полнейшего отсутствия интереса к нему со стороны обывателей, мещанства, неграмотных слоев населения. Описание Церетели наполнено горькой иронией. Это напоминает известный очерк А. Куприна «Памяти Чехова», в котором автор также показывает отношение обывателей к смерти писателя. В 2005 году автор этой статьи выпустила книгу «Русскоязычные произведения Акакия Церетели» [2], в которой постаралась восполнить этот пробел.

Очерк «Похороны Некрасова» был опубликован в тбилисской газете «Обзор» от 10 января 1878 года. Газета выходила в 1878–1883 гг., ее издателем и редактором был Нико Николадзе, известный своим пренебрежительным отношением к цензуре. В этой литературно-политической газете публиковались статьи, которые вызывали недовольство правительства, вскоре после публикации очерка Акакия Церетели в 1879 году «Обзор» была закрыта по распоряжению генерал-губернатора, а очерк предан забвению.

Акакий Церетели вместе с другими грузинскими студентами присутствовал на похоронах Н.А. Некрасова и, как свидетель этого печального события, описал его. 30 декабря 1877 года ранним утром огромная толпа людей количеством около трех-четырёх тысяч человек собралась возле дома А. Краевского, известного русского журналиста и издателя, чтобы проводить в последний путь Некрасова, который жил здесь в последние дни жизни. Вместе с Краевским он издавал журнал «Современник», который в 60-е годы 19 века был основным идейным центром русского революционно-демократического движения. «Современник» часто находился под угрозой закрытия. В 1868 году журнал закрыли, но Некрасов не прекратил издательской деятельности и вместе с М.Е. Салтыковым-Щедриным стал выпускать «Отечественные записки». Следовательно, очерк Акакия Церетели вряд ли мог быть опубликован в России. Поклонники Некрасова в знак уважения перед его талантом и мужеством отнесли его прах на кладбище на руках. Печальную процессию предваряли венки с надписями: «От русских женщин», «Некрасову от студентов», «Бессмертному певцу народа», «Печальнику народного горя» и проч. Акакий отмечал, что это не была обычная похоронная процессия, так как русская прогрессивная общественность превратила похороны Некрасова в демонстрацию против социально-политического режима. С горькой иронией очеркист отмечал, что не заметил на похоронах тех, кому Некрасов посвятил всю свою творческую жизнь: «Невольно бросилось в глаза отсутствие простого класса», – с удивлением отмечал он [3, 377]. Он объяснял это необразованностью низких слоев населения, что выражалось юмористической формой диалога, которая не уместна с точки зрения жанра, но совершенно естественна с точки зрения физиологического очерка, одним из новаторов которого в России был Николай Некрасов.

«– Некрасов!

– Некрасов?

– Ну, да. Народный поэт.

– Поэт?.. Не можем знать. Не слыхали-с, – отвечали они, качая головой, и уходили себе продолжать прерванное занятие» [3,378].

Этот диалог воспринимается как ироническая деталь в исторической и культурологической картине происходящих в то время событий. В 1877 году Россия объявила войну Турции, после упорного сопротивления турки сдали Плевну. Этому предшествовали жестокие репрессии болгарского населения со стороны турок. Историография (Ф.Конт) отмечает двусмысленную политику России по отношению к этим событиям. В диалоге названы конкретные исторические имена, связанные с внешними и внутренними политическими и стратегическими действиями России: Асман-паша, Г.Д. Скобелев. Далее делается намек на полицейский режим в России. С такими почестями, как Некрасова, могли, по мнению простого народа, хоронить только полицейских и генералов. Простому народу непонятно, что означает слово «поэт» и какое он к нему имеет отношение.

Далее в обсуждение похорон вступают дамы, но вовсе не те, которые почитали Некрасова как сторонника женской эмансипации. Мещанское женское общество раздражено его переходом на сторону нигилизма, тем, что он отошел от своего класса: *«Ведь прежде он был совсем другим, воспевал наших, но в 60-х годах его окружили нигилисты, познакомили его с ней (можно предположить, что здесь речь идет о гражданской жене Некрасова, Панаевой – Н.Г.), вскружили ему голову и пошел, и пошел, и пошел он после того воспевать простой класс, и все из любви к ней!»* [3, 379]

Во второй части очерка выражается авторское отношение уже не к церемонии похорон, а в творческому наследию Некрасова, его роли в жизни русского общества, его месту в литературном ряду Панаева, Достоевского. Если в первой части превалирует диалогическая форма, то во второй очеркист имеет возможность показать и свою позицию. Один из присутствующих читает отрывок из незаконченной автобиографической поэмы Некрасова «Рыцарь на час». Заглавие звучит очень символично, так как именно рыцарем борьбы с царизмом был Некрасов. В этом отрывке есть строки, в которых Некрасов называет революционный лагерь его единомышленников «станом за великое дело любви». Автор имел в виду арестованных Михайлова, Чернышевского, Писарева; некоторые из них преждевременно погибли. Чтение этого отрывка как бы символизировало присутствие соратников Некрасова на похоронах. Акакий Церетели передает впечатление от речи Ф.Достоевского. Документальная форма изложения позволяет очеркисту показать впечатление, которое речь Достоевского произвела непосредственно на присутствующих. Достоевский говорит о творческих заслугах Некрасова, о типологической близости его лирики с поэзией Лермонтова и Пушкина. Для поэта такая оценка может вос-

приниматься очень высоко. Причем не Некрасов пошел бы вслед за Лермонтовым по пути служения Родине, а Лермонтов последовал бы за ним. Такова литературная оценка заслуг, которая вызывает несогласие со стороны толпы студентов. Студенческая молодежь видела в Некрасове непосредственного и реального деятеля, боровшегося с крепостным правом, отдавшего все свои силы борьбе с несправедливостью. Он имеет не только литературные заслуги, поэтому студенты ставили его выше не в творчестве, а в деле реальной борьбы за счастье народа. В этой фразе, в подобном отклике очеркист запечатлел также конкретно-исторический штрих времени. Среди нигилистически настроенной молодежи было много таких, которые отрицали вслед за героем романа Тургенева Базаровым и его реальным прототипом и другом Некрасова Д.Писаревым классическую литературу и искусство, в том числе и поэзию Пушкина. Автор так описывает студенческую реакцию: *«Затем говорили студенты, частью горячо, но не особенно удачно, а ведь можно бы иначе сказать о том, кто при личном благополучии вспоминал иной раз о народе и восклицал:*

Холодно, родименький, холодно.

Голодно, родименький, голодно и пр.» [3,380].

Тем самым поэта Некрасова поэт Акакий Церетели ставит выше Некрасова как общественного деятеля. Очеркист предстает не сторонним наблюдателем. Он выражает свое личное отношение к процессу демократизации общества и литературы. Дворянин Некрасов сочувствовал обездоленному народу. На таких же демократических позициях стоял в то время и грузинский поэт. Сам факт присутствия Акакия Церетели на похоронах Некрасова говорит о близости его к мировоззренческим позициям русского поэта.

Таким образом, анализ очерка показал неоднозначное отношение Акакия Церетели к личности Некрасова, а также к русской литературной и общественной мысли.

Литература

1. Буачидзе, А. Акакий и русскоязычная пресса // Дроеба, 1990. С. 14-16 (на груз. яз.).
2. Гулуа, Н. Русскоязычные произведения Акакия Церетели. – Кутаиси, 2005 (на груз. яз.).
3. Церетели, А. Похороны Некрасова (Письмо из Петербурга) // Акакий Церетели. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах. Т. XV. – Тбилиси, 1950-1963. С. 377-381.

ПРОШЛОЕ И ПАМЯТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ КАМАЛА АБДУЛЛЫ

*Беженару Людмила,
кандидат филологических наук, доцент
(Яссы, Румыния)*

Аннотация. Автор статьи показывает, как в художественном творчестве и филологических исследованиях писателя, поэта, драматурга и ученого Камала Абдуллы раскрываются ключевые для коллективной памяти азербайджанского народа понятия Прошлого и Памяти в их взаимосвязи. Объектом исследования являются книги трилогии «Неполная рукопись», «Долина Кудесников», «И некого забыть», филологическое исследование «Тайный “Деде Коркуд”».

Ключевые слова: Камал Абдулла, Китаби-Деде Коркуд, культурная память, азербайджанский эпос.

PAST AND MEMORY IN THE WORKS OF KAMAL ABDULLA

Abstract. The author demonstrates in what way the concepts of the Past and Memory which are key to Azerbaijan people have been revealed in their interrelation in works and philological studies of the writer, poet, playwright and scientist Kamal Abdulla. The research object is the books of the trilogy “The Incomplete Manuscript”, “The Wizard Valley”, “Nobody to Forget”, the philological research “Secret Dede Gorgud”.

Key words: Kamal Abdulla, Kitabi - Dede Gorgud, cultural memory, Azerbaijan epic.

TRECUTUL ȘI MEMORIA ÎN ACTIVITATEA ARTISTICĂ A LUI KAMALA ABDULLÎ

Adnotare. Autorul arată cum în activitatea de creație artistică și în cercetările filologice ale scriitorului, poetului, dramaturgului și savantului Kamala Abdullî sînt abordate momentele cheie pentru memoria colectivă a poporului azer așa noțiuni ca Trecutul și Memoria despre trecut. Drept obiect al stud sînt subiectele trilogiei lui Kamala Abdullî.

Cuvinte-cheie. Kamala Abdullî, memoria culturală, eposul azer.

Значение традиций, культурной памяти и причастность к ним стимулируют творчество национальных авторов, порождают новое и оставляют веку в научном познании исторического и художественного процесса [6, 12], а разноплановость культуры прошлого (словесно-художественные средства, фрагменты текстов-реминисценций, мировоз-

зрения, концепции, идеи, формы внехудожественной культуры) помогает авторам опираться на *«те или иные формы жизни, ставшие культурной традицией»* [8, 335]. Русский философ В.Ф.Эрн считает традиции *внутренним метафизическим единством человечества* [9, 98].

В этом внутреннем метафизическом единстве человечества азербайджанская литература, основанная на подлинных народных традициях и культурно-художественных ценностях, сохранила свою самостоятельность и этническую особенность.

Возможность нового прочтения глубоких смыслов традиций и констант азербайджанской и всемирной литературы, составляющей *«золотой» фонд преемственности* (Хализев), а также *«абсолютно первых книг»* (Гегель, Эстетика), Библий народов, в которых показан их *«изначальный дух»*, позволили Камалу Абдулле исследовать существование азербайджанского народа – не физическое, а *«существование историческое, нравственное, эстетическое, <...> народа, у которого есть прошлое, есть предки, есть заветы этих предков»* [3, 3]. Среди таких *«первых книг»* – *Китаби-Деде Коркуд*. Книга первопредков-огузов не только стала настольной для ученого-исследователя, но повлияла и на творчество Камала Абдуллы как писателя. Его *«Неполная рукопись»*, основанная на древних тюркских эпических сказаниях и на легендах о Деде Коркуде, подкупает читателя-реципиента богатейшим культурным материалом *«большого исторического времени»* [8, 352], так как произведение уходит своими корнями в далекое прошлое азербайджанского народа, которое не дает ему раствориться и потерять свою идентичность в огромном мире народов, населяющих нашу планету

В своей трилогии [1, 2] Камал Абдулла описывает не только общечеловеческую бытийность, представленную в азербайджанском пространстве (известное томление человеческого духа, людские страсти и тайны бытия, интриги и исторические катаклизмы), но и само *«азербайджанское»*, азербайджанский мир со своим характером, красками и влияниями. Он создает *свою философию Полноты* поучениями – *«Не сотвори себе кумира»*, *«Не живи мстью»*, *«Не живи одним миром»*. Во главу личных убеждений каждому человеку необходимо поставить отношение к собственным грехам и исповедовать принципы *всепрощения и любви ко всем людям*. Только посредством *очищения и всепрощения*, в которых автор видит достижение полной гармонии человека с Универсумом, выражается глубинный смысл познания человеческой жизни и человеческой природы

Роман *«Долина Кудесников»* – это гимн всепрощению, которое сохраняет Память ради Жизни, ради Будущего, о чем в Дастане

Китаби-Деде Коркуд сказано: «Простить ради Мухаммада Мустафы – прощать грехи ради памяти пророков». В этом не только смысл, но и таинственность «тайного» Деде Коркуда, чьи идеи выражены в «Неоконченной рукописи» и «Долине Кудесников».

В XX веке Н.А.Бердяев указывал на такое свойство памяти, как ее загадочность. «*Время есть величайшая метафизическая тайна и сплошной парадокс. Потому-то так трудно писать о прошлом, потому что правдивость прошлого – сплошная проблема. Память в человеке есть величайшая метафизическая тайна*», – писал русский философ [4, 292].

Память как фундаментальная категория времени и в то же время общекультурный концепт связана с концептом *прошлое*. Во всех исследуемых нами литературах (русской, румынской, азербайджанской) этот концепт включает в себя *время, вечность, прошлое, минувшее, прошедшее, былое, давнее*, а еще *беспамятство и традицию*.

Образ прошлого в культуре формирует *коллективную память*, когда индивид не только хранит в памяти прошлое, но и меняет собственный образ, исходя из коллективного опыта.

Коллективная память неотъемлема от памяти нации и от внеличностной *памяти культуры*. О последней Ю.Лотман и Б.Успенский писали, что она состоит из воспоминаний, закодированных элементов прошлого опыта, которые существуют в самых различных формах – от письменных текстов, произведений искусства до народных обычаев, традиций. (Старуха Дарья, главный идейный персонаж повести В.Распутина «Прощание с Матерой», так формулирует главную мысль произведения: «*Правда в памяти. У кого нет Памяти, у того нет жизни*» [6, 12].)

В творчестве К.Абдуллы *Прошлое* и *Память* о нем предстают не только в художественных произведениях («Неполная рукопись», «Долина Кудесников»). «Абсолютно первая книга азербайджанского народа» [3, 3] образно домысливается в филологическом исследовании «Тайный “Деде Коркуд”»; эти понятия прослеживаются в оценке бывших разновременных событий, которые двигают сознанием читателя-реципиента, приводя его к мыслительным и эмоционально-психологическим действиям.

Память о Прошлом имеет в романе Камала Абдуллы какую-то изначальную «художественную магию» [7, 61], магию истории. И эта история не однозначна и не написана по однозначно фактологическому протокольному документу. Поэтическая история и поэтическая *Память* имеют в романе Камала Абдуллы много значений. Метафорический язык, образное, поэтическое мышление, отвлеченный восточно-огузский

колорит не потонули в быте, а выступают в иных измерениях. Соотношение человека и мироздания, Прошлого и Будущего, Памяти о Прошлом, грехопадения и всепрощения – все эти планы автор создает средствами словесной жизни, на которых сказывается талант поэта и драматурга. Повествуя о Прошлом, автор выходит из *«минимального момента времени»* [7, 61] и *«освобождается от плоскости наличного состояния, побеждает, если не в физическом смысле, то в символической реальности, смерть прошлой своей жизни»* [7, 61].

Камал Абдулла повествует о Прошлом с радостным настроением и с большой ответственностью; так же, как и в *Дастане*, в романе «Долина Кудесников» Прошлом дополнено широкой оппозицией. Только в *Деде Коркуд* оппозицией Прошлого является настоящее, а в романе – притче Камала Абдуллы – Будущее. Без Прошлого нет Будущего, и в своем романе автор остается верным этой мудрости.

В романе-притче автор переживает за историческое прошлое своих предков, гордится своей историей, но вместе с тем подходит к истории со своей собственной концепцией: *«Все конечное и бесконечное состоит из одного мгновения. И это мгновение содержит в себе и прошлое, и будущее»* [2, 248].

Определяет автор через посредство Ак дервиша и шейха Манучехра и название этой концепции. *«Шейх улыбнулся: – Оно уже имеет название. И имя ему – **полнота**. Полное мгновение – это настоящее, вобравшее в себя и прошлое и будущее. Мертвых и живых, рожденных и нерожденных...»* [2, 248]

Камаловский текст историко-мифической притчи «Долина Кудесников» создает эффект присутствия (наблюдение событий, участие и повествование), эффект достоверности и эффект впечатления в подлинно *настоящем времени*. Все это помогает переосознанию текста. Будущее в нем существует наравне с настоящим (пусть в малом количестве страниц) по наполненности и глубине переписываний, а, главное, по эстетике пророчества. Память Прошлого всегда присутствует в настоящем (эту мысль высказывал У.Фолкнер, связав ее с персонажем произведения, чье настоящее всегда определяется грузом прошлого). Поэтому современность в романе сдвинута в направлении прошлого. Такое переплетение и созерцание Будущего и Прошлого, которое происходит в мифологических событиях Настоящего, можно назвать *эстетикой Полноты*.

Литература

1. Абдулла, Камал. Неполная рукопись. Серия «Мир современной прозы». Перевод с азербайджанского Вагифа Ибрагимоглу. – М., 2006.
2. Абдулла, Камал. Долина кудесников. Перевод с азербайджанского Людмилы Лавровой. – Санкт-Петербург, 2010.
3. Абдулла, Камал. Тайный «Деде Коркуд». Вступ. статья Рахтана Бадалова «Прошлое, которое не остается позади». 2006. Мутарждым.
4. Бердяев, Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М., 1991
5. Ибрагимова, Гейла. Мир чудес Кямала Абдуллы. // *Kaspi Gazeti*, 08. 01. 2011.
6. Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 16. – Wien, 1985.
7. Наджи, Флора. Современность истории и история современности. – Баку, 2012.
8. Хализев, В.Е. Теория литературы. – М., 1999.
9. Эрн, В.Ф. Борьба за Логос // Эрн В.Ф. Сочинение. – М., 1991.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ШКОЛ ЮГА РОССИИ

*Михеева Татьяна Борисовна,
кандидат педагогических наук, доцент
(Ростов-на-Дону, Россия)*

Аннотация. В статье рассматриваются специфические характеристики педагогической культуры учителя-словесника полиэтнической школы. Определены компоненты, составляющие профессиональную культуру учителя. Разделяются понятия «профессиональная культура» и «педагогическая культура» учителя. Особое внимание уделяется способам успешного формирования педагогической культуры учителя и условиям развития его профессиональных умений.

Ключевые слова: педагогическая культура, профессиональные умения, поликультурность, основы этнопедагогике, система ценностей.

PEDAGOGICAL CULTURE of the TEACHER of RUSSIAN LANGUAGE in MULTIETHNIC SCHOOLS of the SOUTH of RUSSIA

Abstract. Article considering specific characteristics of pedagogical culture of the literature and language teacher in multiethnic school. The components making professional culture of the teacher are defined. The concepts "professional culture" and "pedagogical culture" of the teacher are separated. The special attention is paid to ways of successful formation of pedagogical culture of the teacher and conditions of development of his professional abilities.

Key words: pedagogical culture, professional abilities, multiculturalism, ethnopedagogics bases, values system.

В обществе этнического, культурного, религиозного многообразия, каковым является российское общество, актуальной проблемой является воспитание подрастающего поколения, свободного от предубеждений, расизма, дискриминации, ксенофобии, способного эффективно сотрудничать с представителями иных культур. Проблема подготовки педагога нового типа, призванного осуществлять профессиональную деятельность в условиях поликультурного общества, обладающего системными знаниями по этнопедагогике, педагогической толерантностью,

способностью к межэтническому диалогу, решается в основном на курсах повышения квалификации учителей.

Объектом нашего внимания становится педагогическая культура учителя русского языка полиэтнических школ юга России, где проживают десятки больших и малых этносов. Южный федеральный округ, Северный Кавказ и Ставрополье представляют собой уникальный регион даже для такой многонациональной страны, как Российская Федерация. Именно здесь, в условиях поликультурности и многоязычия, особенно остро проявляются наиболее характерные тенденции развития и взаимовлияния межкультурной коммуникации различных этносов. Для русского образования полиэтничность – это построение и функционирование в мегаполисах и регионах страны системы общеобразовательной школы с учетом языковых, культурных и духовных различий многонационального состава учащихся. Логика исторического развития страны требует достижения фактического равенства людей в процессах коммуникации, а значит, в языковой сфере, в том числе в процессе получения общего и специального образования.

Государство, общество и различные образовательные учреждения должны быть профессионально подготовлены к обеспечению условий для самовыражения и самореализации учащихся – представителей различных этнических и языковых групп, живущих и обучающихся в единой образовательной среде. При этом на практике решаются проблемы межэтнической интеграции народов, населяющих юг России.

Словосочетание «педагогическая культура» достаточно широко используется в учебниках по педагогике и в научных исследованиях. В.Л. Бенин дает такое определение этому понятию: *«Педагогическая культура представляет собой интегративную характеристику педагогического процесса, включающую единство как непосредственной деятельности людей по передаче накопленного социального опыта, так и результатов этой деятельности, закрепленных в виде знаний, умений, навыков, и специфических институтов такой передачи от одного поколения к другому»* [2, 276-277]. Следует сказать, что педагогическая культура определяется автором через интегративную характеристику педагогического процесса в единстве его системы и целей, объекта и субъектов деятельности, содержания и механизмов реализации этой деятельности.

Переориентация образования на общечеловеческие и национальные ценности, на интересы личности актуализирует смыслопоисковую, то есть методологическую функцию педагогической деятельности. *«В гуманитарно направленной деятельности педагогов-практиков живут, умирают и вновь воссоздаются педагогические ценности, гуманные способы педагогического взаимодействия, культурное ядро содержания*

образования, творческие способы педагогической деятельности, культуросообразные педагогические теории и системы. Поскольку педагогическую культуру создают люди, они – живой организм, чутко реагирующий на изменения в обществе, образовании, науке» [3, 110].

Профессиональная культура учителя складывается из следующих составляющих:

- профессиональные знания, умения и научная эрудиция;
- личностные качества педагога;
- активная педагогическая и научная позиция;
- опыт творческой деятельности, создающий предпосылки для развития собственных коммуникативных способностей.

Педагогическая культура в процессе деятельности учителя реализуется как динамическая система педагогических ценностей, творческих способов педагогической деятельности и личных достижений учителя в создании образцов педагогической практики. С целью выделения и описания характерных черт – показателей педагогической культуры – исследователи выявляют учителя соответствующего уровня педагогической культуры. Е.В. Бондаревская и С.В. Кульневич [3, 104] такими показателями предлагают считать:

- гуманистическую и педагогическую позицию учителя по отношению к детям и его способность быть воспитателем;
- психолого-педагогическую компетентность и развитое педагогическое мышление;
- образованность в сфере преподаваемого предмета и владение педагогическими технологиями;
- опыт творческой деятельности, умение обосновать собственную педагогическую деятельность как систему (дидактическую, воспитательную, методическую), способность разработать авторский образовательный проект;
- культуру профессионального поведения, способы саморазвития, умения саморегуляции собственной деятельности, общения.

Наряду с понятием «педагогическая культура» исследователи часто используют понятие «профессиональная культура». Профессиональная культура учителя – это совокупность общей культуры личности и профессиональных знаний по всем направлениям педагогической деятельности, а также умения применять эти знания в педагогической практике. Профессиональная культура включает в себя знания теории и методики преподаваемых предметов. Следует добавить, что профессиональная культура педагога – это не только (и не столько) сфера знаний (интеллекта, качества профессионального ума), но и в значительной степени – сфера самой профессиональной деятельности и структура личности

специалиста. Профессиональная культура педагога в отличие от педагогической культуры, человека, не имеющего педагогического образования (родителя, например) опирается на научное, а не на обыденное знание, т. е. отличается качественно.

Педагогическая культура представляет собой интегративную характеристику педагогического процесса, включающую как непосредственную деятельность людей по передаче накопленного социального опыта, так и результаты этой деятельности, закрепленные в виде знаний, умений, навыков, и специфических институтов такой передачи от одного поколения к другому. Высокая профессиональная педагогическая культура включает в себя высокую общую культуру личности. В недавнем прошлом в профессии учителя выделялись обычно идеологические установки или какие-либо обязательные компоненты (знание своего предмета, любовь к педагогической профессии), или понятия, конкретное содержание которых трудно определить (педагогическая наблюдательность, педагогический такт).

Особое значение в условиях гуманизации образовательного процесса приобретает личностный аспект профессиональной культуры педагога. Т.М. Балыхина отмечает, что *«культура личности является производной от культуры конкретного общества и складывается из нескольких групп элементов: знаний, убеждений личности, умений и навыков разнообразной деятельности, поведения, социальных чувств»* [1, 193]. Далее исследователь выделяет три вида активности личности, определяющих пять структурных уровней личностной культуры. Это познавательная активность, эмоциональная активность и коммуникативная активность. Коммуникативная активность личности учителя реализуется через систему индивидуальных норм деятельности и поведения (уровень социального поведения), формируется на базе императивных (повелительных, долженствующих) принципов и культурных образцов поведения в процессе профессионально-педагогического взаимодействия. *«Опорной смысловой характеристикой культуры личности является культура труда, деятельности»*, – считает Т.М. Балыхина.

Исследование общей культуры личности с позиции самого учителя-словесника показало, что ведущими ее компонентами являются литературная начитанность и знание отечественного и мирового искусства, понимание многообразия мира, быта людей, их традиций, знание путей развития человечества, т.е. мировой и отечественной культуры. Основой общей культуры является владение гуманитарными знаниями в традиционно значимых областях, дающих возможность:

- понимать человека и человечество в разнообразных их проявлениях,

- соотносить себя с накопленным человечеством уроками и вечными ценностями через историю и искусство. Эта тенденция прослеживается не только у гуманистов, чья профессиональная задача – раскрыть эти ценности ученикам, но и у педагогов других специальностей. Однако другая половина не поддерживает этого мнения коллег, что заставляет задуматься о состоятельности этих учителей как профессионалов.

Исследовательское поле педагогической культуры включает в себя также целый ряд национально-культурных феноменов речевой деятельности, обеспечивающих ее успешность. Успешность речевой деятельности – обязательное условие эффективного педагогического процесса. Педагогическая культура представляет собой часть общечеловеческой культуры, в которой с наибольшей полнотой запечатлелись духовные и материальные ценности образования и воспитания, а также способы творческой педагогической деятельности, необходимые для обслуживания исторического процесса смены поколений, социализации личности.

Из многоаспектного понятия «педагогическая культура» вычленяется понятие «профессиональная культура педагога», которое включает в себя культуру личности самого педагога как центральной фигуры образовательного процесса. Профессиональная культура педагога представляет собой единство духовного и деятельностного. Сущность профессиональной культуры определяется способами осуществления деятельности учителем и складывается из таких элементов, которые ощутимо влияют на характер и качество его профессиональной деятельности. Однако может возникнуть вопрос: не сводится ли понятие профессиональной культуры педагога к его профессиональной компетентности и квалификации? Компетентность в определенной сфере знаний, приобретенная в процессе профессиональной подготовки, – это только один из компонентов профессиональной культуры специалиста, предметная основа для формирования культуры его педагогической деятельности.

Профессиональную культуру учителя составляют следующие умения:

- *гностические* – анализировать на основе приобретенных знаний типовые проблемные педагогические ситуации;

- *конструктивно-планирующие* – самостоятельно моделировать проблемы педагогических ситуаций и давать общий план их решения;

- *коммуникативные* – умения профессионально-педагогического общения;

- *организаторские* – организовывать как свою собственную деятельность, так и деятельность обучающихся.

Профессиональная культура педагога представляет собой единство духовного и деятельностного. Сущность профессиональной культуры определяется способами осуществления деятельности и складывается из таких элементов, которые ощутимо влияют на характер и качество профессиональной деятельности педагога. Успешность формирования профессиональной культуры педагога определяется непрерывностью процесса, его системностью, пролонгированностью и созданием условий для продуктивного профессионального взаимодействия членов педагогического сообщества, а также всех участников образовательного процесса.

Наше исследование показало, что учитель полиэтнической школы становится более успешным при условии формирования и развития в себе умений:

- понимать и принимать поликультурные проявления своих учеников;
- помогать учащимся определить свою культурную идентичность;
- изучать культурную атмосферу в классе с целью определения уровня толерантности культурных различий;
- анализировать свои собственные культурные предрассудки и стереотипы и избавляться от них, для чего уметь критически и рефлексивно мыслить.

Именно эти умения учителя русского языка развиваются и совершенствуются в процессе курсового повышения квалификации [4].

Поликультурная подготовка специалиста дополняет мастерство учителя знаниями и этнокультурными умениями, отношением и убеждениями, требуемыми для работы в поликультурной образовательной среде полиэтнической школы. Профессиональная культура учителя уже понятия педагогическая культура, поскольку последняя характеризует культуру любой педагогической деятельности, причем не только профессиональной.

Мы придаем большое значение знанию учителем, который работает в классе с многонациональным контингентом учащихся, национальных особенностей культуры поведения своих учеников, их ментальности. Эти знания являются непременным атрибутом этнокультурной грамотности учителя. Учет национально-психологических особенностей учащихся различных этнических групп, на наш взгляд, - важное условие педагогической деятельности. Для педагога, работающего в полиэтнической школе, обязательно знание и правильное использование конкретных форм коммуникативного воздействия, необходимых для моделирования эффективного учебного процесса на занятиях по русскому языку и диктуемых поликультурным режимом коммуникации.

Этнопедагогическая подготовка учителя для работы в полиэтнической школе, которая реализуется в системе курсовой подготовки через спецкурс «Основы этнопедагогики», включает осознание учителем соотношения общечеловеческого, межнационального и национального, суть которого заключается в необходимости учета одновременно интегративных и дифференциальных аспектов существования различных культур.

Таким образом, педагогическая культура учителя понимается как система ценностей педагогической деятельности, как цели и инструмент педагогической деятельности, как уровень самореализации учителя в ней и ее результат. Если учитель – субъект педагогической культуры, включающей в себя национальную, общечеловеческую и личностную культуры, профессиональную компетентность, то он становится организатором образовательной среды школы, в том числе – школы полиэтнической.

Литература

1. Балыхина, Т.М. Содержание и структура профессиональной компетенции филолога (Методологические проблемы обучения русскому языку) Дисс. ... докт. пед. наук. – М., 2000. 476 с.
2. Бенин, В.Л. Теоретико-методологические основы формирования и развития педагогической культуры. Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. – Екатеринбург, 1996. 42 с.
3. Бондаревская, Е.В. Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. – М.-Ростов-на-Дону, 1999. 560 с.
4. Михеева, Т.Б. Теория и практика совершенствования профессиональной компетентности учителя русского языка полиэтнической школы. – Ростов-на-Дону, 2010. 208 с.

ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО СТРУКТУРНО- СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА (К ТЕОРИИ ТЕКСТА)

*Тудосе Вера Ивановна,
доктор педагогики, конференциар университетар
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье предлагается схема комплексного структурно-семантического анализа текста как синтаксической единицы и даётся образец проведения такого анализа художественного текста на материале повести Л.Н.Андреева «Иуда Искариот».

Ключевые слова: комплексный структурно-семантический анализ, создатель-субъект, читатель-реципиент.

THE EXPERIENCE OF COMPLEX STRUCTURAL- SEMANTIC ANALYSIS OF THE TEXT (TO THEORY OF TEXT)

Abstract. The paper presents a scheme of complex structural-semantic analysis of the text as a syntactic unit and provides a sample of such analysis of a literary text on the basis of L.N.Andreev's "Judas Iscariot" story.

Key words: complex structural-semantic analysis, the creator-subject, the reader recipient.

EXPERIENȚA ANALIZEI COMPLEXE STRUCTURAL SEMANTICE A TEXTULUI

Adnotație: Autorul demonstrează schema analizei complexe structural semantice a textului în calitatea lui de unitate semantică și propune modelul efectuării analizei literare a textului în baza povestirii scriitoarei Andreeva L.N. „Iuda Iscariot”.

Cuvinte-cheie: analiza complexă structural semantică, subiect- creator, cititor-recepient.

В работе предпринята попытка представить образец комплексного структурно-семантического анализа текста в рамках изучения теории текста. Для этой цели было выбрано художественное произведение «Иуда Искариот» Л.Н. Андреева.

По мнению Н.С.Валгиной, *«текст определяется как динамическая единица высшего порядка, как речевое произведение, обладающее признаками связности и цельности – в информационном, структурном и коммуникативном плане»* [1,5].

Существуют различные по стилю тексты. Отличие художественного текста от других видов (публицистического, научного) заключается в специфике его функционирования, эстетическом воздействии на реципиента: «художественно-поэтическая функция языка опирается на коммуникативную, исходит из неё, но воздвигает над ней подчинённый закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений» [2,45]; то есть каждый текст создаётся как эмотивное произведение, которое способно приобщать читателей к ценностям автора.

Необходимо отметить, что комплексный анализ текста предполагает как лингвистический, так и литературоведческий аспекты анализа, ведь никто не станет оспаривать факт принадлежности поня-

тия «художественный текст» и к литературоведению, и к лингвистике. Долгое время художественные произведения анализировались лишь с точки зрения литературоведения, которое традиционно занималось их идейно-тематическим содержанием, их жанровыми и композиционными особенностями. В настоящее время связный текст интересует исследователей как объект не только литературоведческого анализа, но и лингвистического. Поэтому возникли новые научные направления, связанные с интерпретацией текста: филологический анализ текста, эмотивный анализ текста, теория текста и др. Все эти направления так или иначе связаны с комплексным анализом связного текста.

Подготовительный этап по сбору сведений об авторе, его мировоззрении, об эпохе создания произведения, социально-политической жизни общества, о месте основных событий *предваряет* комплексный структурно-семантический анализ текста литературного произведения, затем проводится анализ по предложенной схеме. Если говорить об анализируемом произведении, то первые наброски «Иуды Искарота» были сделаны автором в марте 1906 года, однако произведение было закончено лишь в феврале 1907 года. В течение почти целого года Л.Н. Андреев тщательно изучал и накапливал материалы по этой теме – изучал философско-теологическую литературу, художественные произведения об Иуде. Известно, например, что он прочитал тетралогии «Иуда и Христос» К. Вейзера, произведение Г. Тора «Иуда. История одного страдания», драму в стихах «Искарот» Н. Голованова. [3, 72 – 95; 4, 61–62]

В основе сюжета повести лежит евангельская история о предательстве Иисуса Христа одним из его учеников. Предательство – актуальный вопрос во все времена, в тяжелые дни человеческой жизни, в дни сомнений и непонимания людьми друг друга. В этом произведении интересна оценка автором мотивов предательства, исследуется цель поступка героя и его мотивы. Сам автор определил свою повесть так: «*Нечто по психологии, этике и практике предательства*». За основу писатель взял известную легенду о предательстве Иисуса Христа одним из учеников, сделав попытку психологически обосновать поступки и действия героев легенды.

В рамках изучения теории текста проводится комплексный структурно-семантический анализ связного текста – художественного, публицистического, научного и др., представленный в следующей схеме.

1. Внимательно, вдумчиво прочитайте текст. Какую картину вы представляете себе после его прочтения? Нарисуйте её вербально.

2. Основная тема, сопутствующие темы, связь темы с названием произведения.
3. Идейное содержание текста, способы и средства его передачи.
4. Структурная характеристика текста: связанность, виды и средства связи частей текста, деление его на абзацы. Функции абзаца.
5. Ключевые слова как центры семантических полей, семантическая целостность текста.
6. Функциональный тип текста, основные композиционные детали каждого типа. Место и роль создателя произведения («собственно Я»; «повествователь»; «сторонний наблюдатель»).
7. Стилистический анализ текста (к какому стилю относится данный текст, описать особенности и языковые средства этого стиля).
8. Лингвистический анализ: использование фонетических, грамматических, лексических средств языка для раскрытия идейно-тематического содержания анализируемого текста. Синтаксические фигуры – повтор, инверсия, эллипсис, параллелизм, риторический вопрос, умолчание, обращение, восклицание, полисиндетон, асиндетон.
9. Эстетическое, эмоциональное и интеллектуальное воздействие текста на читателя-реципиента (творческая работа: эссе, сочинение-рассуждение, изложение-рассуждение...).

1. Описание впечатлений после прочтения повести. У каждого человека при чтении какого-либо литературного произведения создаётся определённое впечатление о действующих лицах и описанных событиях, в сознании рисуются различные зрительные картины. После прочтения повести «Иуда Искариот» возникает ощущение двойственного отношения к главному персонажу произведения: чувство брезгливости, неприятия людей с такой внешностью и образом жизни, и в то же время понимаешь, что Иуда является не самым худшим из окружения Иисуса: он умён, по-настоящему любит своего учителя. Перед глазами возникают прекрасный лик Христа – божественно красивого со смуглым лицом и глазами серны, и безобразные лицо и фигура Иуды. Соответствующие ассоциации вызываются при помощи имён прилагательных (часто в сочетании с оценочными наречиями), которые использует автор для описания главного персонажа – Иуды: *рыжий, безобразный, омерзительный, чудовищно безобразный, лукавый, злой, коварный, дурной человек, лживый, льстивый, корыстолюбивый, хитрый, разительно проворный, насмешливый...*

Впечатления об Иуде в процессе чтения разные: сначала видишь его злым, страшным и хитрым человеком, способным на подлость – недаром Иуды боятся и остерегаются даже дурные люди. Но вскоре мнение меняется – задумываешься над тем, чем вызвано такое поведение и образ жизни Иуды. Рисуются в сознании страшные сцены истязания и казни Сына Божьего, идущего через физическую смерть в духовное бессмертие, поражаешься жестокости и изощрённости его врагов и палачей. Не из тех ли времён пришло это страшное, бесчеловечное отношение людей друг к другу, ненависть и презрение к себе подобным? Не оттуда ли «родом» творящийся ныне беспредел?

2. Основная и сопутствующие темы произведения.

Основная тема названа в заглавии повести, которая предполагает описание жизни, предательства и кончины Иуды. Взятая из библейского сюжета, она находит нетрадиционное воплощение в интерпретации Л. Андреева. Вот портрет главного героя: *«Короткие рыжие волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный с затылка двойным ударом меча <...> внушал недоверие, даже тревогу...»* Лицо Иуды также оставляло странное впечатление: *«одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, другая же была мертвенно-гладкая, плоская и застывшая».* Эта двойственность выражалась во всей его натуре. Образ главного персонажа парадоксален и вызывает противоречивые чувства: с одной стороны, Иуда – циничный, самовлюблённый лжец, который подло предаёт честнейшего и чистейшего Иисуса; с другой стороны, он смелый борец с человеческой глупостью и трусостью, доказывающий искреннюю любовь к своему Учителю.

Сопутствующая тема – изображение святых апостолов, далеко не безгрешных в своих деяниях. На фоне предательства Иуды проступает скрытое предательство учеников, их раздоры, трусость, бездействие, отсутствие желания спасти Иисуса Христа.

Можно говорить ещё об изображении времени в данном произведении – это необозримая вечность, и время, ощущаемое главным героем повести: *«Но что случилось со временем? То почти останавливается оно, так что хочется пихать его руками, бить ногами, кнутом, как ленивого осла, – то безумно мчится оно с какой-то горы, и захватывает дыхание, и руки напрасно ищут опоры...»*

3. Идеиное содержание текста повести Л.Н. Андреева «Иуда Искариот».

Основная идея повести – предательство. Этот мотив есть уже в самом заглавии текста, ведь Иуда – это предатель. Символическое значение идеи предательства выражается сравнением Иуды со скорпионом. Предательство – прежде всего нарушение верности самому себе. Скорпион в минуту опасности жалит сам себя, то есть становится самоубийцей, как и Иуда. Идея предательства, определяющая главный смысл всего произведения, наводит на мысль, что всякое предательство превращается в предательство собственного достоинства.

Иуда – сочетание доброго и злого, хитрого и наивного, разумного и глупого, любви и ненависти. Он умнее многих, его высказывания точны и ярки, ученики Христа советуются с ним. Иуда преклоняется перед Иисусом. Скептик, никому не веривший, он без колебаний признал его лучшим из людей, принял и полюбил, но понимал при этом, что люди несовершенны.

С образом Иуды из Кариота связан дух сомнения. Иуда ненавидит людей за их *несовершенство, порочность*, он хотел бы, чтобы люди изменились, но понимает, что это никогда не произойдет, поэтому Искарriot не приемлет всеобъемлющей любви Христа ко всем – и грешным, и безгрешным. По мнению Иуды, мир людей не достоин ни любви, ни жертвы, ни прощения. О духовном совершенствовании людей думал Иисус, а Иуда мечтал об изменении существующего порядка вещей.

4. Структурная характеристика исследуемой повести. Повесть разделена автором на восемь частей, каждая представляет собой законченный композиционно-смысловой отрезок текста: часть первая содержит сведения о жизни Иуды до встречи с Иисусом и апостолами, в ней даётся описание внешности и характера Иуды. Вторая часть – это адаптация Искарriота в среде апостолов, в третьей – описывается состязание Иуды с другими апостолами; здесь передаются страдания Искарriота по поводу невнимания к нему Иисуса. В четвёртой части Иуда планирует предательство Учителя, в пятой – происходит торг с Анной о его цене, а в шестой Иуда сомневается, правильно ли он поступил, предав Христа. Седьмая часть содержит описание захвата Иисуса его врагами и переживания Иуды по поводу того, что, казалось бы, преданные ученики не смогли защитить своего учителя; восьмая часть – это печальное повествование о кончине Иисуса, негодовании Иуды по этому поводу и о его самоубийстве.

Связанность текста повести, его структурная организация передаётся при помощи логико-интонационных и формальных показателей: контекстуальная и лексическая синонимия, употребление связу-

ющих частиц, союзов, вводных слов. В структурно-организационном плане выделяется речь автора и речь персонажей. Речь автора – это ввод персонажей в действие, события; речь персонажей представлена в виде диалогов и монологов.

Основным структурно-композиционным элементом повести является абзац, совпадающий или не совпадающий с межфразовым единством. Абзац – одна из основных единиц текста. Графически выделенное начало абзаца («абзацная фраза» по Л.М. Лосевой [7, 74]) отмечает поступательный ход сюжета, членит текст. В художественном тексте в один абзац могут объединяться мысли, подчинённые одной главной теме, кроме того, при помощи абзацного отступа можно подчеркнуть смысл отдельного предложения.

В андреевских абзацах «Иуды Искарюта» совмещаются логико-смысловые, экспрессивно-эмоциональные и акцентно-выделительные функции: например, в первой части повести – 14 абзацев: первые шесть выполняют логико-смысловую функцию, седьмой и восьмой – акцентно-выделительную, то есть являются сигнально-акцентирующими абзацами, подчеркивающими смысл того, о чем повествуется.

Текст «Иуды Искарюта» членится в основном на средние по объёму, приблизительно равные абзацы. В начале произведения наблюдаются более крупные по объёму абзацы, к концу текста этот тип членения используется автором максимально, то есть значимость нескольких отдельных фраз повышается за счёт их абзацного выделения:

«И дальше идёт он спокойными и властными шагами. И не идёт время ни спереди, ни сзади; покорное, вместе с ним движется оно всю свою незримую громадой.

Свершилось».

Структурная связанность текста в «Иуде Искарюте» проявляется в линейно-логической последовательности расположения фраз-предложений и межфразовых единств (в цепной и радиальной связи), часто межфразовые единства совпадают с абзацем.

5. Семантика текста повести. Семантика текста создаётся «тождеством референции» – соотношением наименований и их заместителей с одним и тем же объектом описания, и «явлением импликации», основанном на ситуативных связях [1, 53]. Семантическое единство текста повести «Иуда Искарюта» заключено в регулярной повторяемости *ключевых слов*, проявляющихся в повторной номинации Иисуса, Иуды и других апостолов, в употреблении синонимов и перифраз; особую роль в организации текста и в определении его концептуальной информации играют символы, сущность которых заключатся

в их эмоционально-оценочном значении. Так, тема Иуды теснейшим образом связана с символом *камня*: Иуда бросил свою жену: живёт она, стараясь из тех *трёх камней* выжать хлеб себе на пропитание; Иуда соревнуется с апостолами: они бросали *камни*; Пётр бросал большой *камень* – Иуда ещё больше; Пётр, гневно ворочал *обломок скалы*; Иуда отыскивал ещё больший *обломок*; Пётр откидывался назад и так следил за его падением *камня* – Иуда наклонялся, простирал длинные руки, словно хотел улететь *за камнем*; они схватились за старый *камень* – и не могли его поднять; в пути: Иуда спустился в глубину *каменистого* оврага; скатился вниз, обдираясь *о камни*, выбрал место у большого *камня* и сел; прячет тридцать сребреников *под камнем*; умирает *на камнях*: *острые камешки* рассыпались у него под ногами; сквозь расселины *каменной* холодом дышала в спину гора.

Сравнение Иуды с камнем продолжается уже в метафорическом эпитете: «...какие-то *каменные мысли* лежали в затылке у Иуды», а внешний мир изображён при помощи антропоморфных образов: на «опрокинутый ...череп похож был этот овраг, и каждый *камень* в нём был как застывшая мысль».

Понятие *камень* широко используется в языке художественной литературы в качестве символа крепости, стабильности, продолжительности, надёжности, статичности жизни, нерушимости вечного... [8] Вот что пишет об этом В.Соловьёв: «*Камни <...> отличаются от всего прочего своим крайним самодовольством и консерватизмом; если бы от них одних зависело, природа никогда бы не вышла из непробудного сна, но зато без них ее дальнейший рост не имел бы твердой почвы и опоры*» [9].

Наряду с образом камня через всю повесть проходит образ *осьминога*, также рисующий Иуду: Иуда – *осьминог* с неподвижными, тускло-жадными глазами.

6. Функциональный тип текста. В рассматриваемом тексте, конечно же, как и в любой повести, превалирует *повествование*: «*Иисуса Христа много раз предупреждали, что Иуда из Кариота – человек очень дурной славы и его нужно остерегаться. Одни из учеников, бывавшие в Иудее, хорошо знали его сами, многие много слышали о нём от людей, и не было никого, кто мог бы сказать о нём доброе слово...*» Повествование может перемежаться с *описанием*: Иуда «*был худощав, хорошего роста... Короткие рыжие волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа*». Нередки на страницах повести «Иуда Искарот» и *рассуждения*: «*голова Иуды наполняется гулом, криком, рёвом тысяч взбесившихся мыслей. Они догадались? Они поняли, что это – самый лучший человек? – это так просто, так*

ясно. *Что там теперь? Стоят перед ним на коленях и плачут тихо, целуя его ноги*».

Важным моментом при анализе функционального типа текста является определение места и роли *создателя* произведения (выявление образа автора-повествователя). Категория «образ автора» давно известна в теории текста. Как считает Н.С. Валгина, образ автора «*высвечивается при выявлении таких понятий, как производитель речи и субъект повествования*» [1, 89]. В анализируемом произведении Л.Н. Андреева эти понятия объединены, то есть производитель речи и повествователь – это одно лицо. Это проявляется на протяжении всей повести, но «Я» самого писателя не выявляется, оно как бы убрано в тень самого образа Иуды и его судьбы, однако позиция автора более всего близка к позиции Иуды Искарюта.

Считается, что «*видеть возможность только лингвистического описания образа автора было бы неверно*» (В. Катаев), так как «*образ автора, как и глубинный смысл произведения, больше угадывается, чем читается в материально представленных словесных знаках*» [1, 94], то есть в «образе автора» сосредоточены его идейно-мировоззренческие позиции и художественное видение изображаемых явлений и событий. Для этого создатель произведения изыскивает для себя как субъекта повествования определённую роль, получая возможность наилучшим способом реализовать свой замысел, что наблюдается в повести «Иуда Искарюта».

7. Стилистический анализ текста. Стилистика данного текста указывает на его принадлежность к художественным текстам: здесь широко используются тропы, стилистические фигуры.

В тексте повести частотны сравнения – яркие, образные, акцентирующие внимание на главном герое: Иуда – «*льстивый и услужливый, как одноглазый бес*»; «*неподвижный и серый, как камень*»; «*строгий и безмолвный, как смерть*»; «*стыдливый и робкий, как девушка*». Иуда также сравнивается с осьминогом: «*А ты, Иуда, похож на осьминога*»; с раненым животным: «*он возвращался тихо, медлительными шагами, как раненое животное*»; с мухой на нитке: «*свободным он не был – как муха привязанная на нитку: жужжа летает она туда и сюда*». Наряду с традиционными есть тропы, основанные на далёких ассоциативных связях, когда *отвлечённое* понятие сравнивается с *конкретным* предметом: «*слова Иуды хотелось вытащить из своих ушей, как гнилые занозы*»; «*Когда Пётр говорил, слова его звучали твёрдо, будто он прибывал их гвоздями*». Эти сравнения – один из авторских приёмов при изображении персонажей. Иногда образы гиперболизируются по зрительному

сходству: «*глаза почти повисли на щеках, огромные, как бычьи пузыри*»; «*большие шарообразные веки опускались из-под лба, как железный ставень в магазине*».

Для Андреева характерны сравнения с реалией: ученики – *кучка испуганных ягнят*; они же – *стадо баранов*. Здесь отметим противопоставление: сравнение с ягнёнком появляется в речи автора, со стадом баранов – в речи Иуды. Необычное наполнение сравнений (ливанская роза, осьминог, скорпион) передаёт колорит местности, описываемой в произведении.

Контрастно изображение Иисуса и Иуды: Иисус прекрасен, Иуда безобразен; Иисус сравнивается с *прекрасным цветком* (розой), а Иуда – с *кактусом*.

В повести Л. Андреева используются *олицетворения* и *эпитеты*. Их можно встретить не часто, но зато они ярко, выпукло рисуют явления природы, окружающей среды: «*воздух прозрачный, внимательный и чуткий...сохранил в глубине всё то, что кричалось и пелось в эти дни людьми, животными и птицами, – слёзы, плач и весёлую песню, молитву и проклятие; и от этих стеклянных застывших голосов был он такой тяжёлый, тревожный...*»; солнце скатывалось книзу, *зажигая небо*; небо, *широко открывшее свой синий рот*; солнце, *безуспешно старающееся обжечь и ослепить...*; *поползла мгла...*

В тексте немало метафор: *мысли окаменели, каменеющей головой*. Совмещение контрастных начал в одном объекте имеет непосредственное отражение в языке в явно выраженном пристрастии писателя к *оксюморонам*. В тексте они характеризует внешний мир: *звучная тишина, звонкая тишина, прозрачная тьма, уныло-зазорные звуки, нарядное убожество*; но чаще оксюмороны используются как средство анализа психологического и появляются при изображении внутреннего мира героев.

Стилистический анализ текста «Иуда Искариот» показал, что Л.Андреев умело и уместно вводит выразительно-изобразительные средства языка: эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворения, используемые писателем, помогают определить смысл всего произведения, подвигают читателя на эмотивный уровень интерпретации текста.

8. Лингвистические особенности повести. Лексические изобразительные средства в анализируемом произведении немногочисленны. Следует отметить лексику ограниченного употребления. Это прежде всего разговорные слова и выражения: *плёлся, ляскал зубами, уличка, утопает* (тонет), *слыхали, одержим бесом,*

покража; устаревшая лексика – *караульня, почивать* (книж.), *причтен, трапеза, обол* (мелкая монета), *мирра*. Встречается высокая поэтическая лексика: красивыми *очами* смотрит Иоанн; затянута бельмом *око, глаголы* вечной жизни; он *возлѣг* в шатре, *делить ложе* и под.

Морфолого-словообразовательные особенности повести можно проиллюстрировать словами *рыбарь, тамошний, тутошний, ихний, покража* (воровство), *скудодумный* (неумение мыслить), *довершая* и др. Здесь используются словообразовательные морфемы архаического и просторечного характера. Выявленные лингвистические средства выразительности на уровне лексики и морфологии создают отличительную особенность повести – экспрессивность, высокую эмоциональность, передающую трагизм событий.

В синтаксисе текста преобладают сложные предложения. Они помогают автору дать развёрнутую характеристику персонажам, подробнее и конкретнее описать место и обстановку действий героев, изобразить шире и глубже внутренний мир героев, то есть служат своему основному назначению – передаче идейного содержания произведения. Простые предложения чаще используются в диалогах, монологах, способствуя лаконичности речи, помогают сжато передать содержание действия. Автор употребляет их для повествования, описания и рассуждений. При подсчёте оказалось, что сложных предложений в тексте повести "Иуда Искариот" свыше 53%, а простых 47%.

Среди синтаксических средств изображения следует выделить *эпифору*, указывающую на высшую степень презрения Иуды-предателя даже его сообщниками, часто в тексте сочетаются *анафора, эпифора, параллелизм*: «...*Анна с сыновьями <...> молча встретили Предателя и надменные лица их остались неподвижны: как будто не вошло ничего. И даже самый маленький из них и ничтожный смотрел так, как будто не вошло ничего*»; «*Если я скажу морю: море, ты знаешь, во сколько люди оценили своего Иисуса? Если я скажу горам: горы, вы знаете, во сколько люди оценили Иисуса?*» Характерным приёмом акцентуации фактов и событий, излагаемых в повести, является *инверсия*: «*Уже десять дней не было ветра, и всё тот же оставался, не меняясь, прозрачный воздух, внимательный и чуткий*».

9. Эстетическое, эмоциональное и интеллектуальное воздействие текста повести на читателя-реципиента.

Создатель текста предполагает, что текст способен оказать на читателя-реципиента эстетическое, эмоциональное и интеллектуальное воздействие. Этому способствует информативность текста (явная и подтекст) и фоновые знания, его насыщенность выразительно-образными средствами, экспрессивность лингвистических единиц.

Андреев использует евангельский сюжет о предательстве Иисуса Христа его учеником Иудой Искаримотом. В центре произведения один из его апостолов, который предал за тридцать сребреников сына Господа и стал виновником страданий и смерти своего Учителя.

Писатель пытается найти оправдание действиям Иуды, понять его психологию, внутренние противоречия, побудившие свершить нравственное преступление, доказать, что в предательстве Иуды больше благородства и любви к Христу, чем у верных учеников. По Андрееву, предавая и принимая на себя имя предателя, *«Иуда спасает дело Христа. Подлинной любовью оказывается предательство, а любовь к Христу других апостолов – изменой и ложью»*. После казни Христа, когда *«осуществился ужас и мечты»*, *«идёт он неторопливо: теперь вся земля принадлежит ему, и ступает он твёрдо, как повелитель, как царь, как тот, кто беспредельно и радостно в этом мире одинок»*.

Иуда предстаёт в произведении иным, чем в евангельском повествовании, – искренне любящим Христа и страдающим от того, что не находит понимания своим чувствам.

Читая «Иуду Искаримота», задумываешься над тем, почему автору захотелось пересказать сюжет из Нового Завета. Может быть, Л.Н. Андреев хотел оправдать предателя, опровергнуть историю и дурную славу героя, показав мучения, страдания Иуды, назвать совершённое им чудовищной ошибкой? Наверное, всё-таки не так – автор сознательно, словами и поступками главного героя показывает продуманность предательства. Иуда Л.Н. Андреева не тот, прежний, многими веками установившийся стереотип Иуды. Он не просто совершает страшный грех, польстившись на тридцать сребреников, он ставит на карту показную любовь, он, подобно Герострату ищет славы, бессмертия, ставит себя если не выше, то вровень с Христом. Предательство Иуды Искаримота в повести Л.Н. Андреева – не пример для подражания и не урок предостережения, это вечный предмет осмысления во имя самопознания человека. По словам Р.С. Спивак, *«Иуда Искаримот и есть Человек со всей его сложностью, сумятицей мыслей и чувств, слабостью, но победивший все силы земли, которые мешали правде»* [10, 15].

Эта тема давно привлекает к себе внимание философов, историков, богословов. Л.Н. Андреев понятие предательства переосмысливает, расширяет: в смерти Христа виновен не столько Иуда, сколько его малодушно сбежавшие ученики, не сказавшие ни слова в защиту Иисуса на суде. Вечные вопросы бытия: христианская истина и реальная жизнь. Духовное и материальное. Иисус Христос и Иуда Искаримот. Достоин ли

человек любви Иисуса, его жертвы? Стоит ли прощать человека за всё, что он совершил? Сможет ли человек стать достойным этой жертвы?

Как считает Л.А.Иезуитова, Л.Н.Андреев, взяв за сюжет евангельские события, заставляет задуматься читателя над тем, что есть добро и зло, свет и тьма, он заставляет пережить трагедию предательства и возмутиться им. Ведь оно не только на небесах, но и в людях, легко предающих, кричащих «распни» так же громко, как и «осанна» [6,189]. В этом и заключается, на наш взгляд, эстетическое, интеллектуальное и эмоциональное воздействие повести «Иуда Искариот» на читателя-реципиента. Кроме того, *«Андреев стоял у истоков ряда явлений, получивших развитие в русском и зарубежном искусстве. Как показывают исследования о конкретных писателях, отдельные художники испытывали на себе его воздействие, целые литературные течения шли по путям, обозначенным его творчеством: опыт Андреева имел большое значение для В. Маяковского и Б. Брехта, без него нельзя установить родословную Ф. Кафки, Л. Пиранделло и О'Нилла; обращение к творчеству Андреева обнаруживает корни таких литературных явлений, как экзистенциализм (А. Камю), интеллектуальный театр и театр абсурда, «философский реализм» в Японии; искания Андреева в области «неореализма» и «универсального психологизма» находятся в русле разнообразных веяний в русском и мировом театре и кино»* [6, 192].

Таким образом, в данной работе было проведено исследование текста как единицы языка высшего порядка, служащей для передачи информации, как в устной, так и в письменной речи. Лингвистика (теория) текста – новое, перспективное направление в языкознании, которое, несомненно, имеет практическую значимость с точки зрения комплексного структурно-семантического анализа текста.

Литература

1. Валгина, Н.С. Теория текста. – М., 2003.
2. Виноградов, В.В. О теории художественной речи. – М., 1976.
3. Алёхин, Н. Духовный мир человека в творчестве Леонида Андреева. – М., 1991.
4. Азарова, В. Переосмысление христианских ценностей в прозе Серебряного века. – СПб., 1992.
5. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы. – М., 1991.
6. Иезуитова, Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века. Избранные труды. – СПб., 2010.
7. Лосева, Л.М. Как строится текст. – М., 1980.
8. Словарь символов. – <http://slovar.coolreferat.com>
9. Соловьёв, В. Оправдание добра. Глава IX. – <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/09.html>
10. Спивак, Р.С. Феномен творчества в осмыслении русской литературы начала XX в. // Филологические науки. 2001, № 6.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР КИШИНЕВА

*Синякова О.А.,
слушатель мастерата
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. Статья посвящена актуальной для науки проблеме городского фольклора, которая рассматривается с учетом его функционирования в поликультурном социуме Кишинева. Представляя жанровое разнообразие фольклорных произведений, автор обращает особое внимание на словесное творчество молодежи, в том числе отраженное в Интернете и граффити.

Ключевые слова: жанры городского фольклора, молодежные субкультуры, двуязычие.

RUSSIAN FOLKLORE OF CHISINAU

Abstract. The article is devoted to the problem of urban folklore, which is considered in view of its functioning in a multicultural society in Chisinau. Presenting a variety of genres of folklore works the author pays special attention to the verbal creativity of young people, including that one reflected in the internet and in graffiti.

Key words: urban folklore genres, youth subcultures, bilingualism.

FOLCLORUL RUSESC AL CHIȘINĂULUI

Adnotare. Articolul este consacrat uneia din cele mai importante probleme ale folcloristicii cea a folclorului urban. Problema este abordată în legătură cu sociumul policultural al Chișinăului. Prezentînd varietatea de gen a creației folclorice, autorul atrage atenția la creația verbală a tineretului, inclusiv a celei reflectate pri intermediul Internetului.

Cuvinte-cheie: folclor urban, subculture tineretului, bilingvizm.

В современном мире на фоне все более усиливающегося процесса глобализации ярко проявляется тенденция поиска тех оснований в культуре, на которых возможно возрождение и освоение истинных ценностей, исторического наследия поколений. Одним из таких оснований может стать традиционная культура и, в частности, фольклорное наследие, которое является хранителем социального опыта, накопленного людьми, выработанных ими ценностей. Сегодня можно говорить

о полном угасании фольклора в его привычном, крестьянском варианте, что вовсе не означает исчезновение фольклора как такового: движущей силой современного фольклорного процесса становится город.

В конце XIX – начале XX вв. в связи с появлением новой городской культуры индустриального общества появляется городской фольклор как уникальное явление, ставшее продуктом культурного кризиса, изменения в системе ценностей, культурного перелома. В нем присутствует как традиция крестьянского фольклора, так и тенденции, вызванные общественно-культурными изменениями рубежа веков, характерными для массовой культуры.

Соответственно, городской фольклор представляет собой, с одной стороны, определенным образом переработанные архаические формы фольклорных произведений при частичном сохранении некоторого пласта архаических представлений, значимых символов, а также при структурной стабильности модели мира традиционной культуры.

С другой стороны – это принципиально новая система отражения народной культуры, формирование которой связано с выработкой новых мировоззренческих установок, усилением индивидуалистических претензий на самовыражение, с вхождением в мир новых реалий, эталонов и ориентиров.

Специальные исследования по городскому фольклору появляются лишь во второй половине 1980-х гг. Рассматриваются отдельные фольклорные жанры: анекдот (А.Ф. Белоусов «Жанры словесного текста: анекдот»); городской романс (А.Ф. Кофман «Аргентинское танго и русский мещанский романс», Я.И. Гудошников «Русский городской романс»); современная легенда (Т.А. Новичкова «Два мира – земной и космический – в современных народных легендах») и др.

Особое значение имеет опыт целостного описания языкового облика конкретного города. Впервые он был представлен в статье О.Б. Сиротининой «Языковой облик города Саратова» [7]. Вслед за данной работой были выпущены две работы Е.В. Красильниковой («Язык города как лингвистическая проблема», «Язык и культура: (к изучению языка города)») [4], выявляющие особенности «языкового быта» Екатеринбурга, Перми, Челябинска, и монография Н.А. Прокуровской «Город в зеркале своего языка», посвященная языку г. Ижевска [6].

Говоря о традиционном и современном городском фольклоре, нельзя обойти стороной вопрос об их общих и отличительных чертах. Эта проблема рассматривается в статье С.Ю. Неклюдова «Фольклор современного города». Опираясь на нее, можно сделать несколько важных выводов по данному вопросу.

В произведении городского фольклора нужна была конкретность и занимательность повествования, традиционные сюжеты крестьянского фольклора постепенно вытеснялись довольно лаконичным рассказом, историей о человеке из народа, которая должна быть рассказана также человеком из народа.

Фигура автора в фольклорном произведении практически не имеет значения, поскольку почти абсолютное большинство фольклорных произведений анонимно и имеет огромное количество вариантов, созданных в процессе его исполнения или при переходе сюжета из одной социальной группы в другую.

Тексты городского фольклора структурно, содержательно и функционально связаны с массовой культурой, активно используют ее семантику, топику, стилистику.

Что же касается самого предмета, то здесь надо сказать следующее. Фольклор сельских сообществ отличается от фольклора городской улицы довольно сильно. Прежде всего, в деревне он охватывает практически всю культуру – там и хлебопашец, и пастух, и кузнец, и сельский батюшка обслуживаются одними и теми же традициями, одной системой обрядов, одними текстами.

А городской фольклор – фрагментирован. Он гораздо больше связан с письменными формами, с авторским началом.

Сельский фольклор «диалектен» и регионален – это традиции одной деревни, одной области, одного региона. Городской – «социолектен»: характерен скорее для определенных общественных групп – половозрастных, профессиональных, любительских, у которых нет прочной территориальной обусловленности.

И главное, по мнению С.Ю. Неклюдова: ни одна из форм «классического» фольклора – ни его жанры, ни тексты – практически не удержалась в городе. С этой точки зрения, фольклор как таковой, в своей «классической» фазе, действительно, уходит – но появляется новый вид устной культуры [5, 5-24].

Большое значение в развитии современного городского фольклора играют молодежные субкультуры, которые предстают как множество разных групп. Каждая консолидируется вокруг общего символа. Им могут быть музыкальное направление или музыкальная группа, спорт, конкретная команда или спортивный клуб. Этот общий символ определяет символику и атрибутику, самоназвания групп и самосознание – само- и мироощущение – их членов.

Фольклор молодежных субкультур сходен с традиционным фольклором по ряду базовых признаков; как и традиционный фольклор, он характеризуется коллективностью творческого процесса как

диалектическим единством индивидуального и массового творчества; произведения фольклора традиционны, они не имеют автора, вариативны, полиэлементны, полифункциональны [1].

Русский кишиневский фольклор имеет свою специфику: на него накладывает отпечаток проживание создателей в определенной местности – в городе Кишиневе и его пригородах; на устное народное творчество (УНТ) оказывают влияние язык, менталитет, традиции и обычаи молдавского народа и других этносов, проживающих в столице и Республике Молдова [2, 63-84]. Проведенное анкетирование кишиневцев показало, что большая часть произведений УНТ создается молодежью, а далее их подхватывают и школьники, и люди среднего, а также пенсионного возраста. Сохранение самобытности каждого народа, взаимообогащение культур, дружба и добрососедские отношения – задачи, которые стоят перед любым полиэтническим государством и, безусловно, являются весьма актуальными для Молдовы.

Молодежный кишиневский фольклор представлен следующими жанрами: пословицы, поговорки, приметы, легенды, бывальщины, былички, прозвища, граффити, макаронические стишки и песенки, анекдоты, тосты, загадки.

Пословицы и поговорки, как произведения народного творчества, близки друг к другу по своим художественным признакам.

Примеры кишиневских пословиц:

Брат за брата, а брынза за деньги (семантический аналог «дружба дружбой, а денежки врозь»);

С ним мамалыги не сваришь (семантический аналог «с ним каши не сваришь»);

Хорошо, когда хлеб свежий, вино старое, а нареченная молода.

Брынза, мамалыга, вино – это понятия, не просто весьма актуальные для жителей Молдовы, но и составляющие важную часть того, что в этносоциолингвистике называют национальной картиной мира.

Как жанр молодежного творчества можно расценивать «антипословицы» – современные аналоги, варианты и трансформы пословиц и поговорок, ведущей функцией которых нередко выступает игровая. Основной способ образования антипословиц – именно языковая игра. Большинство анализируемых нами пословичных трансформов образованы на базе известных русских пословиц:

В гостях хорошо, а дома Интернет (В гостях хорошо, а дома лучше);

Кашу маслом не посолишь (Кашу маслом не испортишь);

Не зная броду, не суйся в моду (Не зная броду, не суйся в воду).

Как игровой прием часто используется контаминация («скрепление языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости с целью создания новой языковой единицы»). Примеры антипословиц, созданных путем контаминации:

И баба с возу, и волки сыты («Баба с возу – кобыле легче» + «И волки сыты, и овцы целы»);

В тихом омуте кулаками не машут («В тихом омуте черти водятся» + «После драки кулаками не машут»);

Милые бранятся – щепки летят («Милые бранятся – только тешатся» + «Лес рубят – щепки летят»).

Среди жителей Кишинева распространены бытовые **житейские приметы**. Приметы – единственный жанр обрядового фольклора, бытующий в современном городе. Он предполагает совершение каких-либо действий для достижения желаемого эффекта.

Приведем несколько примеров.

Если постоять возле фонтана в парке им. Пушкина, то обязательно встретишь свою судьбу.

Если бросить монетку в фонтан Центрального парка, тебе будет сопутствовать удача.

Среди студентов г. Кишинева также существует ряд примет, которые помогут хорошо сдать экзамен.

Студент, который хочет сдать экзамен на «отлично», должен дотронуться до волшебного выступа дерева студентов (дерево растет во дворе Госуниверситета).

Перед тем, как войти в аудиторию, где проходит экзамен, нужно постучать три раза по левому косяку.

В последние десятилетия всё большую популярность приобретают граффити – различные надписи, рисунки и знаки, процарапываемые или наносимые краской на стены. Граффити является источником информации о социальной группе, средством коммуникации молодежных субкультур.

Граффити молодежных субкультур Кишинева включают:

- любовные, поздравительные, приветственные граффити («Машуля, я люблю тебя!», «Анечка, когда ты улыбаешься – мне веселее», «Лена, хорошего тебе дня!»);

- граффити футбольных фанатов (логотипы футбольных клубов «Dacia», «Zimbru»);

- граффити музыкальных фанатов («Цой жив!», «Баста Forever!!!», «Alternosfera», «Zdob si Zdub»);

- политические граффити («Sus Comuniști!», «Sus Alianța»);

- социальные граффити («Все на выборы!!!», «Спасибо тебе за то, что ты не сорвал цветы с этой клумбы. Теперь ими полюбуется кто-то ещё»);

- профессиональные граффити.

Одним из закономерных результатов взаимодействия и взаимовлияния языков является так называемая макароническая речь – речь, в которую включаются слова обоих языков. В нашей стране молдаване для создания шутливого эффекта используют в разговоре русские слова:

Eu zvonesc dar ea nu ridică трубка!

Tu ești левый?

Ieri s-a stricat мясорубка

Среди кишиневцев, особенно среди молодежи, в ходу шутливые макаронические стишки и песенки на «русско-молдавском языке», например:

Баба Валя, будь здорова!

Еа мэ ынтрябэ: Где корова?

Ый рэспунд еу бабей Валя:

- Вака та с-а дус ла вале,

Стэ ын апэ пын'ла брыу,

Прямо в речке, кяр ын рыу.

* * *

Пе ферястррэ – на окно

Сидит лапте – молоко,

Яр собака - кынеле

Не-о мынкат тот лаптеле.

Посредством анализа копирований лексических единиц из одного языка в другой у нас есть возможность в полной мере оценить, насколько велико влияние одного языка на другой, насколько представители одной национальности чувствуют строй языка соседей.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующий вывод: фольклор, фольклорная традиция и система фольклорных жанров, формы бытования фольклорного материала сейчас явно и быстро изменяются, поэтому требуют пристального рассмотрения. Изучение современного фольклора жителей Кишинева дает возможность оценить лингвистическую ситуацию в городе, выявить культурные ценности и составить картину мира населения, что говорит об актуальности проведенного исследования.

Литература

1. Громов, Д.В. Фольклор молодежных субкультур: закономерности формирования и проблемы исследования. – <http://www.boyarling.lodya.ru/Article34.htm>
2. Ионова, И.А. Заимствование в условиях двуязычия как самостоятельная научная проблема («мамалыга» с «брынзой» в русском языке Молдовы). // Вестник Славянского университета. Вып.15. – Кишинэу, 2008.
3. Колесов, В.В. Язык города. – М., 1991.
4. Красильникова, Е.В. Язык города как лингвистическая проблема. – Свердловск, 1988.
5. Неклюдов, С.Ю. Фольклор современного города. // Современный городской фольклор. / Под ред. С.Ю.Неклюдова. – М., 2003.
6. Прокуровская, Н.А. Город в зеркале своего языка. – Ижевск, 1996.
7. Сиротинина, О.Б. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи. – М., 1988.
8. Щепанская, Т.Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. / Под ред. С.Ю. Неклюдова. – М., 2003. – С.27-33.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

ВЕРА АНДРЕЕВНА ИВАНОВА

*Донцу Надежда Федоровна,
доктор филологии, профессор университетар
(Кишинев, Республика Молдова)*

Иванова В.А., доцент кафедры современного русского языка –
фото из архива Кишиневского государственного университета

Вера Андреевна Иванова родилась 24 октября 1924 года в городе Пугачеве Саратовской области. Не относясь серьезно к нумерологии, она все же прочитала однажды статью о цифре 24, ведь это число повторилось в дате ее рождения дважды. В ней говорилось о том, что с этой цифрой связаны натуры умные, эмоциональные, романтичные, верные в дружбе и не стремящиеся к официальному лидерству. Последний пункт она признала безоговорочно, и действительно: никогда не стремилась к официальным постам, предпочитая честно работать простым

доцентом. Но как она работала! Тогда не было компьютеров, а текст на машинке получался слишком мелким. Многие ее лекции, очень подробные и основательные, были написаны от руки крупными буквами, очень аккуратно, с выделенными абзацами и ключевыми словами.

В.А. Иванова окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. Кандидатскую диссертацию по диалектологии защитила также в Ленинграде. Консультировал ее Ф.П.Филин, признанный корифей в исторической науке о языке. Много лет спустя она встретила с ним на конференции и с гордостью рассказала о своей работе, многочисленных статьях и книгах.

На кафедре современного русского языка Кишиневского государственного университета (так она называлась раньше) Вера Андреевна работала более 30 лет, с 1962 года. Сфера ее деятельности была чрезвычайно широка. Это находило свое отражение и в проблематике руководимых ею курсовых и дипломных работ, и в тематике спецкурсов и спецсеминаров. Научный авторитет этого преподавателя был столь велик, что ей было поручено читать базовый спецкурс «Основы научно-исследовательской работы».

Уже в конце 60-х годов она поставила своей целью популяризировать основные идеи языкознания и русистики в среде школьных учителей-словесников. Первая ее значительная работа в этой области – книга «Тайны родного языка», написанная в соавторстве с российскими учеными и изданная в Волгограде [9]. К этой проблематике В.А.Иванова возвращалась неоднократно, причем, будучи принципиальным противником заумного научного стиля, пестрящего терминами, долго и тщательно работала над языком своих книг, чтобы он был простым и доступным.

В 70-е годы основным направлением ее научно-методической работы стало написание пособий, обеспечивающих эффективность учебного процесса в вузе. В эти годы она принимала живейшее участие в составлении методических руководств, помогающих студентам подготовиться к экзаменам по современному русскому языку [11; 12]. Они включали перечень требований к ответу по теории языка, таблицы, системно представляющие учебный материал, и образцы практических разборов.

В 80-е годы В.А. Иванова приняла активное участие в создании двух капитальных учебных пособий. Первое [10] было предназначено для практических занятий по русскому языку в группах выпускников молдавских школ. В нем она написала один из самых важных морфологических разделов – «Глагол». Второе [6], написанное в соавторстве с доцентом Н.И. Зелинской (18 печ. л.), в систематизированном виде представляло все формы учебной работы по словообразованию и морфологии: планы занятий, упражнения и задания, контрольные работы, программы коллоквиумов. По этой книге и сейчас занимаются студенты филологических факультетов Молдовы.

Именно в эти годы Вера Андреевна в личных беседах, даже не осознавая того, преподавала мне два важных нравственных урока. Во-первых, она заставила меня понять, что искать в партах студентов шпаргалки во время экзаменов, как это делали очень многие, – унижительно. Но наказывать за списывание надо, иначе честные студенты окажутся в проигрыше. Поэтому я позднее написала статью о признаках того, что работа списана [1, 129-132], а также все время старалась и стараюсь при проверке экзаменационных тестов главным образом учитывать качество выполнения практических заданий. Второй урок состоял в том, что Вера Андреевна как-то сказала: «Если заметите, что я, старея, становлюсь многословной, безапелляционной, рассеянной, слишком берегущей свои силы, наемните мне – и я уйду на пенсию». Что же касается требовательности к себе, стремления преподавать с использованием занимательного материала, этому нас можно было словесно и не учить: мы просто брали с нее пример.

Параллельно с составлением пособий В.А. Иванова на протяжении многих лет работала над индивидуальной научной темой: ее интересовало, как проявляет себя антонимия на разных уровнях языка. Результаты нашли отражение в статьях и монографии объемом 10 печ. л. [3, 78-84; 2]. Проработав экспериментальный материал, зафиксированный на 20 тысячах карточек, исследователь осуществила всесторонний анализ взаимоотношений антонимии со смежными семантическими явлениями. Выявленные закономерности были обобщены в виде формул и моделей. Роль данной работы трудно переоценить. Проблематика антонимии стала активно изучаться лишь с середины XX века. Поэтому исследование таких аспектов, как критерии антонимичности, подача антонимов в словарях, семантико-синтагматические свойства антонимического ряда, явилось значительным вкладом в теорию и практику лексикологии и лексикографии. Отметим также, что В.А.Иванова нигде не поддавалась соблазну дать упрощенный рецепт решения сложных проблем, не имеющих пока однозначного истолкования. Она аргументированно изложила свою концепцию, причем избежав штампов, общих мест и насыщенных терминами фраз.

Сегодня уже нет с нами нашего старшего товарища, а этот капитальный ее труд по-прежнему остается востребованным. Достаточно сказать, что в Интернете название данной книги приводится на базовом сайте «Антонимия» и цитируется в многочисленных статьях, предисловиях к словарям, диссертациях, авторефератах, дипломных работах, написанных в разных странах и на материале разных языков – английского, китайского, польского, лакского, – и посвященных не только привычным лексикологическим вопросам, но и проблемам поэ-

тического языка, подъязыка математики, технической и футбольной терминологии.

Работая, казалось бы, вдали от важнейших центров русистики, В.А. Иванова всегда была в курсе ее новейших достижений, была в контакте с такими известными лингвистами, как В.И. Кодухов, В.Ф. Иванова, К.А. Николаева, Н.А. Рудяков, Ж.П. Соколовская и др. Неудивительно поэтому, что в 1990 году в соавторстве с докторами филологических наук З.А. Потихой и Д.Э. Розенталем она написала новое пособие для учителей [5], которое уже в 1995 году было переиздано. В нем информация, связанная с разными уровнями языка, представлена в виде предполагаемых уроков, познавательных диалогов, занимательных стихов и рассказов. Учитывая, что такое направление, как педагогика сотрудничества преподавателя и учащегося, чрезвычайно плодотворно, эта книга всегда будет актуальна.

В.А. Иванова искренне любила и уважала студентов. Иначе, как «дружочек», она их не называла. Коллеги до сих пор исповедуют провозглашенный ею принцип оценки ответов: все колебания в пользу студента.

Забота о том, чтобы активность наших подопечных не ограничивалась учебными занятиями, проявилась в том, что она ежегодно готовила команду для участия в международных олимпиадах, которая никогда не возвращалась без наград. Руководство курсовыми и дипломными работами ни в коем случае не было поверхностным и формальным. Руководимые ею студенты, помимо изучения библиографии, сбора и анализа карточек, писали письма ученым и писателем, и те по почте отвечали на вопросы и давали консультации.

Вера Андреевна относилась к типу людей, не умеющих почитать на лаврах. Обладая большим научным авторитетом, она не сочла непристижным для себя составить одну из глав в обычном сборнике диктантов [8]. Будучи уже человеком немолодым, она, тем не менее, участвовала в разработке обучающей программы для ЭВМ [7].

С середины 60-х В.А. Иванова многие годы принимала активнейшее участие в работе Ученого совета факультета, регулярно публикуя отчеты о деятельности этого объединения на страницах газеты «Кишиневский университет».

По состоянию здоровья коллега не смогла защитить уже написанную докторскую диссертацию. Но до последних дней жизни писала фундаментальный труд, который вышел в свет уже посмертно. Это книга «Вопрошающая грамматика» [4], которую она посвятила своим родителям. Всегда поражаясь тому, что в обычных учебниках русского языка материал подается в виде сводов правил, а не в виде разъясне-

ний, Вера Андреевна восполнила этот пробел. Этот труд стал важнейшей составной частью творческого завещания ученого.

Последние месяцы своей жизни В.А. Иванова держалась очень мужественно. Баловала коллег подарками: книгами, мелочами, всегда нужными в хозяйстве, трогательными мягкими игрушками.

8 февраля 1996 года Вера Андреевна покинула нас. Уже много лет прошло, а коллегам по кафедре, бывшим студентам, родным и друзьям ее по-прежнему не хватает.

Литература

1. Донцу, Н.Ф. Спisanная работа: попытка выявления текстовых свидетельств. // Новаторство и традиции в преподавании русской словесности. – Кишинев, 2004.
2. Иванова, В.А. Антонимия в системе языка. – Кишинев, 1982.
3. Иванова, В.А. Влияние антонимического ряда на семантику и звуковой облик его компонентов. // Языковая семантика и речевая деятельность. – Кишинев, 1985.
4. Иванова, В.А. Вопрошающая грамматика. – Кишинев, 1997.
5. Иванова, В.А. и др. Занимательно о русском языке. – Л., 1990 (2-е изд. – СПб., 1995).
6. Иванова, В.А., Зелинская, Н.И. Практические занятия по словообразованию и морфологии современного русского языка. – Кишинев, 1987.
7. Иванова, В.А., Зелинская, Н.И., Болычевская, Н.А. ЭВМ в курсе современного русского языка. // Conferința științifică a corpului didactico-științific dedicată totalurilor cercetărilor științifice. – Chișinău, 1990.
8. Иванова, В.А. и др. Сборник диктантов по орфографии и пунктуации современного русского языка. – Кишинев, 1995.
9. Иванова, В.А. Тайны родного языка. – Волгоград, 1969.
10. Русский язык. Пособие для практических занятий в группах выпускников молдавских школ. / Под ред Н.И. Зелинской. Автор главы III – В.А. Иванова. – Кишинев, 1982.
11. Студенту – к государственным экзаменам по русскому языку. / Отв. за выпуск и автор гл. I – В.А. Иванова. – Кишинев, 1973.
12. Студенту к экзамену по современному русскому языку. Методическое руководство. / Автор гл. IV – В.А. Иванова. – Кишинев, 1976.

ИНФОРМАЦИЯ. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ – АКАДЕМИКА К.Ф.ПОПОВИЧА

*Кожухарь Виктор Григорьевич,
доктор истории, конференциар университетар
(Кишинев, Республика Молдова)*

20 декабря 2013 года в рамках вторых Научных чтений памяти академика Константина Федоровича Поповича, выдающегося эминесковеда, исследователя восточнославяно-молдавских фольклорных и литературных связей, основателя украиноведения в Республике Молдова, в столичной библиотеке им. Леси Украинки состоялась Международная научная конференция «Актуальные вопросы истории, языка и культуры украинцев Молдовы и молдаван Украины». Организаторы конференции – Сектор этнологии украинцев Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы и Украинская Община им. Петра Могилы.

Место проведения конференции было выбрано не случайно, поскольку библиотека им. Леси Украинки уже более 20 лет является авторитетным литературным, просветительским и духовным центром для украинцев Молдовы. К открытию конференции силами сотрудников библиотеки была подготовлена презентация книг на украинском языке, изданных в Молдове. Украшением и центром притяжения выставки стало 16-томное издание научного, литературного и публицистического наследия Константина Федоровича Поповича, его труды по фольклористике, литературоведению, а также художественные произведения – «Зарево над Днестром», «Тревожный рассвет», «Трудные судьбы» и «На крутых перегонах».

Участники Международной научной конференции «Актуальные вопросы истории, языка и культуры украинцев Молдовы и молдаван Украины»

В работе конференции приняли участие исследователи академических институтов, университетов и других научных центров из Молдовы и Украины: Института фольклора, искусствоведения и этнологии им. М. Рыльского (Киев) и Института этнологии Национальной Академии наук Украины (Львов), Института культурного наследия и Института истории Академии наук Молдовы, Национального университета им. Ю. Федьковича (Черновцы, Украина), Национального университета им. И. Мечникова (Одесса, Украина), Национального университета им. П. Тычины (Умань, Украина), Государственного университета им. А. Руссо (Бельцы, Молдова), Высшей антропологической школы (Молдова), Института последипломного образования (Черновцы, Украина), Национального музея этнографии и естественной истории Молдовы.

Участников конференции приветствовали: Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в Республике Молдова академик С.И. Пирожков, Генеральный директор Бюро межэтнических отношений Е.М. Белякова, Председатель Украинской общины Республики Молдова Н.К. Олейник, председатель Союза украинцев С.Г. Мыслицкая, Президент Благотворительного фонда украинских художников

«Відродження» Е.П. Осередчук, директор библиотеки им. Леси Украинки Л.В. Барбу и др. Кроме того, на адрес оргкомитета пришли приветственные телеграммы от Национально-культурной ассоциации молдаван Украины, Одесской региональной организации Союза журналистов Украины и др.

Академик С.И. Пирожков, Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в Республике Молдова, выразил благодарность организаторам научного форума за ту большую работу, которую они проводят по увековечиванию памяти выдающегося ученого, академика Академии наук Молдовы и Академии Высшей школы Украины, писателя и общественного деятеля К.Ф. Поповича. Проявлением его многогранного таланта Посол назвал представленное 16-томное издание, в которое вошли избранные труды на трех языках – румынском, украинском и русском. Глава дипломатической миссии проинформировал присутствующих о том, что в рамках реализации Бюджетной программы помощи украинцам, проживающим за пределами Украины, Посольство Украины в Молдове закупило 14 комплектов избранных трудов для дальнейшей их передачи учебным заведениям Молдовы, в которых изучается украинский язык и литература, в том числе и тем, что функционируют на левом берегу Днестра.

Заместитель директора Института культурного наследия АНМ, доктор хабилитат искусствоведения К. Спыну подчеркнул вклад академика К. Поповича в исследование творчества великого румынского поэта М. Эминеску, в изучение украинско-молдавско-русских фольклорных и литературных связей.

А.С. Фетеску, председатель Национально-культурной ассоциации молдаван Украины, в приветственной телеграмме подчеркнул, что *«сам факт проведения подобных конференций свидетельствует о внимании, которое уделяется вопросам развития межнациональных отношений, сохранению языка, истории и культурного наследия народов Молдовы и Украины»*.

Вполне закономерно, что часть вынесенных на Пленарное заседание докладов была посвящена личности, научному и творческому наследию академика К.Ф. Поповича, его вкладу в изучение этнографии украинцев Буковины и Молдовы (доктор хабилитат Г. Кожолянко и доктор В. Кожухарь), незаурядной роли дважды академика в общественном движении украинцев Молдовы (Н. Олейник).

Заявленные доклады обсуждались на двух секциях: «Этнология. История. Искусство» и «Фольклор. Этнолитература. Этнолингвистика. Лингводидактика».

Большой интерес вызвали доклады, посвященные динамике этнической идентичности (д-р И. Кауненко, Н. Каунова, д-р Н. Балагутрак), украинско-молдавским межэтническим взаимовлияниям в пространстве пограничья (А. Головки), в том числе в календарных (д-р А. Кожолянюк, д-р О. Харчишин, д-р Г. Виноградская и др.) и свадебных (д-р Н. Петрова, А. Бурлака) обрядах; в фольклорной традиции (д-р Н. Пастух, д-р Л. Горошко, В. Панько, А. Царелунга и др.); в жилищном строительстве (д-р хаб. Я. Тарас, д-р Т. Файник).

Исторические связи, в частности, жизнь Руксандры Хмельницкой и политический брачный союз Хмельницких и Лупулов (д-р Л. Заболотная), этнодемографические и этнополитические процессы в диаспорах (д-р Д. Лозовану, д-р. И. Думиника, д-р Н. Балагутрак), в т.ч. смешанные браки в Молдавском княжестве и Днестровско-Прутском междуречье в XVIII – в первой половине XIX вв. (А. Феля), страницы истории Молдавской автономии (д-р О. Галущенко) вызвали не меньший интерес присутствующих.

В центре внимания исследователей Украины и Молдовы оказались проблемы румынско-украинских языковых интерференций (д-р Т. Тищенко, д-р М. Туницкая, д-р Е. Кожухарь, Т. Бедонько-Кугал, Д.Игнатенко). Л. Чолану осуществила литературоведческий анализ образа Молдовы в бессарабском цикле произведений М. Коцюбинского, а д-р О. Зелинская и д-р В. Денисюк обратились к творчеству П. Могилы, митрополита Киевского и выдающегося деятеля культуры эпохи Барокко в Украине.

Вручение наград лауреатам Общенационального конкурса «Українська мова – мова єднання» стало ярким и торжественным моментом конференции. За 1-е место в номинации «Первоцвіт» дипломами были награждены авторы учебника «Українська мова і літературне читання» для 3-го класса Е.С.Кожухарь, А.А.Люшнева и А.И.Никитченко. Почетным дипломом был награжден также фольклорист В.Д. Панько. Кроме того, согласно решению Экспертного совета Международной имиджевой программы «Лидеры XXI столетия» Е.С.Кожухарь за вклад в развитие украинского образования, науки и культуры на территории Республики Молдова была награждена дипломом и орденом «Святая София».

Научные чтения памяти ученого, писателя, славного сына украинского и молдавского народов К.Ф. Поповича становятся традиционными. 24 мая 2014 г. нашему Учителю исполнилось бы 90 лет. В Украине, на родине Константина Федоровича, и в Молдове, которая стала второй его родиной, пройдут торжественные мероприятия, в том числе и третьи научные чтения памяти академика К.Ф. Поповича.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО – ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в международной научно – теоретической конференции «Славянские чтения», которую намечено провести 9 – 10 октября 2014 г.

На конференциях с этим названием обсуждается широкий круг актуальных вопросов, связанных с общим направлением исследований специалистов Славянского университета –

«Славянские культуры в Республике Молдова».

Восьмые Славянские чтения сохранят тематические традиции предшествующих конференций, отраженные в названиях предлагаемых секций:

- история славянской культуры;
- взаимодействие языков и культур в полиэтничном обществе;
- славянские языки: теория и поэтика;
- литературоведение: переключки литератур и полилог научных концепций;
- методологическая стратегия и дидактические тактики образования и воспитания в поликультурном обществе.

Просим Вас до **1 октября 2014 г.** прислать в оргкомитет заявку на участие в седьмых Славянских чтениях и аннотацию статьи на русском и английском языках объемом до 1000 знаков.

В заявке следует указать тему доклада, фамилию, имя и отчество автора, место работы, ученую степень, звание, адреса для связи: страна, индекс, город, улица; телефоны, факс, e-mail.

Материалы конференции будут опубликованы в научно-теоретическом журнале «Славянские чтения» (категория «С»).

Текст для публикации представляется в электронном варианте с распечаткой на конференции (или предварительно по указанным ниже адресам оргкомитета).

Технические параметры оформления материалов указаны в прилагаемой информации о подготовке очередного номера научно-теоретического журнала «Славянские чтения» (№ 4/10).

Проезд и проживание в гостинице – за счет участников конференции.

К Вашему приезду оргкомитет бронирует места в гостиницах Кишинева. Заявку на бронирование просим направить в адрес оргкомитета заблаговременно.

Возможно заочное участие в «Славянских чтениях».

Следите за информацией на официальном сайте Славянского университета: <http://surm.md/>

Адрес оргкомитета: MD 2068, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Флорилор, 28/1, Славянский университет РМ

Факс: (+373 22) 43-03-81

Телефоны членов

оргкомитета: (+37322) 43-30-13 Катан Петр Иванович

(+37322) 22-47-50 Ионова Ирина Александровна

E-mail:

surm@starnet.md

irionova@mail.ru

Оргкомитет Славянских чтений

**ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ
«СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Приглашаем вас к сотрудничеству в журнале «Славянские чтения», который решением Национального Совета по аттестации и аккредитации Республики Молдова №146 от 27 июня 2013 года зарегистрирован в качестве научно-теоретического издания по проблемам филологии и педагогики (категория «С»).

Журнал призван освещать исследовательскую деятельность Славянского университета по аккредитованному научному направлению **«Славянские культуры в Республике Молдова»**.

В структуре журнала сохраняются тематические традиции предшествующих выпусков, которые будут отражены в названиях разделов:

- «Взаимодействие языков и культур в полиэтничном обществе»;
- «Славянские языки: теория и поэтика»;
- «Литературоведение: переключки литератур и полилог научных концепций»;
- «Методологическая стратегия и дидактические тактики образования и воспитания в поликультурном обществе».

Особый раздел планируется посвятить истории русской филологической науки в Республике Молдова.

Редколлегия журнала будет благодарна также за полезные информационные материалы, рецензии на новые издания и т.п.

Периодичность журнала – два номера в год. Для того, чтобы ваш материал попал в третий (десятый, считая предыдущие выпуски «СЧ») номер, который планируется издать в ноябре 2014 года, следует прислать его до 1 октября по указанным электронным адресам.

К публикации принимаются материалы на русском и других распространенных в Республике Молдова славянских языках, румынском языке.

*Редакционная коллегия
научно-теоретического журнала
«Славянские чтения»*

Следите за информацией на сайте Славянского университета
<http://www.surm.md>

Наш адрес: Республика Молдова, MD 2068, Кишинев,
ул. Флорилор, 28/1, Славянский университет РМ

Факс: (+37322) 43-03-81

Телефоны: (+373 22) 22-47-50
(+373 22) 43-03-81

E-mail: surm@starnet.md
irionova@mail.ru Ионова Ирина Александровна,
ответственный редактор

К сведению авторов научно-теоретического журнала
«Славянские чтения»

- Материал, представляемый в печать, должен быть оригинальной и ранее не публиковавшейся работой автора.
- Работа должна быть структурирована согласно требованиям, предъявляемым к научным статьям: необходимо обозначить проблему, объект исследования, основания постановки и решения проблемы, выводы, заключение.
- К публикации принимаются статьи (объемом не более 5 страниц), рецензии на научные и методические издания (объемом до 2 страниц), обзоры, информационные и другие материалы.
- Текст для публикации представляется в электронном варианте по указанным адресам.

Основные требования к техническому оформлению материалов

- Текстовый редактор Microsoft Word
- Формат листа А5 (21 x 14,8 см).
- Поля страницы – по 2 см со всех сторон.
- Межстрочный интервал – одинарный.
- Красная строка (абзацный отступ) – 1 см.
- Шрифт – Times New Roman, кегль 10.
- Примеры из художественной литературы, цитаты из научных источников набираются курсивом, выделяемые в них фрагменты – жирным курсивом.

- Примеры и цитаты заключаются в «косые кавычки»; закавычивание внутри примеров и цитат производится “лапками”: «... “...”...».
- Упущенные фрагменты цитируемых текстов обозначаются <...>.
- Стихотворные тексты набираются в строку с абзаца, стихотворные строки разделяются двумя косыми скобками. Например:
«А теперь в бесприютном краю, // уж давно не снимая котомки, // качаю — ловлю я, качаю — ловлю // строки о русской речонке...<...>»
 (В. Набоков, «Река») [7, 33].
- Тире и дефис различаются.
- Таблицы, схемы, иллюстрации, фотографии – внедрены в текст, шириной не более 10 см.
- Название статьи набирается заглавными буквами (10 кегль), полужирным шрифтом, по центру. Справа над заголовком указываются Фамилия, Имя, Отчество, ученая степень, должность, в скобках – город, страна.
- Через отступ от информации об авторе помещаются аннотации на русском и английском языках, до 50 слов; шесть ключевых слов. Авторы из Республики Молдова дают аннотацию также на государственном языке страны. Аннотации предваряются переводом названия статьи на язык аннотации (заглавными буквами, 9-й кегль).
- В конце статьи помещается в алфавитно-хронологическом порядке полный список использованной литературы (Литература) с указанием данных источника. Образец: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. Бацевич Ф.С. Функционально-семантические исследования глагольной лексики. // Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997.
- В список литературы включаются только те работы, которые цитируются в статье или на которые ссылается автор.
- Ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, с указанием номера источника в списке, далее через запятую номер страницы, например, [1, 13].
- Если источник многотомный, номер тома отделяется от номера источника двоеточием, например [5: 2, 48]. Если источников несколько, между ними ставится точка с запятой. Например: [6, 213; 4:1, 60]. Название издательства не указывается.

- Там, где это необходимо, используются примечания внизу страницы с автоматической нумерацией. Постраничные примечания набираются курсивом (9 кегль).

Материал, предлагаемый к публикации, сопровождается справкой следующего содержания.

- Фамилия, имя, отчество автора.
- Ученая степень, звание.
- Адреса для связи: страна, индекс, город, улица, телефоны, факс, e-mail.

НАШИ АВТОРЫ

Беженару Людмила, кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики «Петру Караман» Государственного университета им. Ал. И. Кузы; Яссы, Румыния.

Гулуа Нато Ревазовна, академический доктор филологии, ассоциированный профессор департамента грузинской филологии Государственного университета им. Акакия Церетели; Кутаиси, Грузия.

Донцу Надежда Федоровна, доктор филологии, конференциар университетар кафедры русской филологии МолдГУ; Кишинев, Республика Молдова.

Друмя Луминица Харлампиевна, доктор филологии, старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ; Кишинев, Республика Молдова.

Дубровский Анатолий Дмитриевич, доктор истории, конференциар университетар; заведующий кафедрой журналистики Славянского университета; Кишинев, Республика Молдова.

Зайковская Татьяна Викторовна, доктор филологии, ведущий научный сотрудник; заведующий сектором этнологии русских Института культурного наследия АНМ; Кишинев, Республика Молдова.

Ионова Ирина Александровна, доктор хабилитат филологии, профессор университетар; заведующий кафедрой славянской филологии Славянского университета; Кишинев, Республика Молдова.

Караиванова Татьяна, специалист Департамента информации и усовершенствования учителей Софийского государственного университета им. Св. Климента Охридского; Болгария.

Кожухарь Виктор Григорьевич, доктор филологии, старший научный сотрудник; заведующий сектором этнологии украинцев Института культурного наследия АНМ, председатель украинской Общины им. Петра Могилы, редактор радиожурнала «Відродження»; Кишинев, Республика Молдова.

Кожухарь Екатерина Сергеевна, доктор педагогики, старший научный сотрудник Института культурного наследия АНМ; Кишинев, Республика Молдова.

Михеева Татьяна Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Донского государственного технического университета; Ростов-на-Дону, Россия.

Попов Сергей Леонидович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина; Украина.

Синякова Ольга Анатольевна, мастерата кафедры славянской филологии Славянского университета; Кишинев; Республика Молдова.

Тудосе Вера Ивановна, доктор педагогики, конференциар университетар кафедры славянской филологии Славянского университета; Кишинев, Республика Молдова.

Туницкая Марина Васильевна, доктор педагогики, конференциар университетар кафедры славистики БГУ им. А. Руссо; Бельцы, Республика Молдова.

Славянские чтения
НАУЧНО – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫПУСК 3 (9)

(протокол № 4 от 18 марта 2014 года)

Universitatea Slavonă

Republica Moldova – 2068,
Chişinău, Florilor, 28/1,
Tel./fax (+373 22) 43 03 81

surm@starnet.md

Departamentul Activităţii Editoriale,
Poligrafie şi Aprovizionare cu Cărţi

Firma poligrafică „VALINEX” SRL,
Chişinău, str. Florilor, 30/1A, 26B
tel./fax 43-03-91
e-mail: info@valinex.md
<http://www.valinex.md>

Bun de tipar 05.05.2014
Coli editoriale 7,30. Coli de tipar conv. 8,02.
Format 60x84 1/16. Garnitură „Times”.
Hîrtie ofset. Tiraj 200.

